

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

О Н С

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Журнал издается под руководством Президиума РАН,
выходит с 1976 г. 6 раз в год

Журнал входит в Перечень ВАК,
индексируется в РИНЦ и RSCI на платформе Web of Science.

2

2022

Москва

ONS

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY WORLD

**The journal is published by Russian Academy of Sciences.
Founded in 1976
6 issues per year**

The journal is included in the Higher Attestation Commission List of peer reviewed scientific publications. Indexed in the Russian Scientific Citation Index by “Electronic Scientific Library” (elibrary.ru) and RSCI by Web of Science.

2

2022

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Громько Ал. А. член-корр. РАН, член НИСО РАН, директор Института Европы РАН (Москва, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ананьева Е. В. к. филос. н., в. н. с. Института Европы РАН (Москва, Россия)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Белоусов Л. С. д. и. н., декан исторического ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАО (Москва, Россия)

Валентей С. Д. д. э. н., профессор Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, руководитель научно-исследовательского объединения (Москва, Россия)

Дынкин А. А. академик РАН, президент ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН (Москва, Россия)

Кокوشي А. А. академик РАН, зам. научного руководителя ВШЭ, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Полтерович В. М. академик РАН, руководитель научного направления «Математическая экономика» ЦЭМИ РАН, зам. директора Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Торкунов А. В. академик РАН, ректор МГИМО (У) МИД России (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамова И. О. д. э. н., директор Института Африки РАН, член-корр. РАН (Москва, Россия)

Байсингер Марк Р. (Beisinger) профессор политологии Принстонского университета (Принстон, США)

Бутурин О. В. д. э. н., зам. директора Института Европы РАН, член-корр. РАН (Москва, Россия)

Войтоловский Ф. Г. д. полит. н., директор ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, член-корр. РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Габов А. В. д. ю. н., г. н. с. Института государства и права РАН, член НИСО РАН, член-корр. РАН (Москва, Россия)

Гарбузов В. Н. д. и. н., директор Института США и Канады РАН (Москва, Россия)

Глинчикова А. Г. д. полит. н., профессор кафедры политологии МГПУ (Москва, Россия)

Дискин И. Е. д. э. н., с. н. с. Высшей школы экономики, член научно-экспертного совета ВЦИОМ (Москва, Россия)

Кондаков И. В. д. филос. н., в. н. с. Института искусствознания РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ (Москва, Россия)

Либман А. М. профессор Свободного университета Берлина (Libman) (Берлин, Германия)

Наумкин В. В. академик РАН, председатель Учёного совета Института востоковедения РАН (Москва, Россия)

Нестик Т. А. д. психол. н., г. н. с. Института психологии РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Паин Э. А. д. полит. н., профессор Высшей школы экономики (Москва, Россия)

Петренко В. Ф. член-корр. РАН, профессор ф-та психологии МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Порфирьев Б. Н. академик РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)

Синеокая Ю. В. д. филос. н., заместитель директора Института философии РАН, член-корр. РАН (Москва, Россия)

Тихонова Н. Е. д. социол. н., г. н. с. Института социологии РАН (Москва, Россия)

Фомин-Нилов Д. В. к. и. н., ректор ГАУГН (Москва, Россия)

Хабриева Т. Я. академик РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия)

Чубарьян А. О. академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия)

Яковлев А. А. к. э. н., директор Института анализа предприятий и рынков Высшей школы экономики (Москва, Россия)

© Российская академия наук, 2022

© Составление. Редколлегия журнала «Общественные науки и современность», 2022

Издатель: Российская академия наук

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-131-21 ООО «Тематическая редакция»

Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314, Москва, 105082

Адрес редакции: Мароковский пер., 26, каб. 310, Москва, 119049

Тел. (495) 544-20-50. E-mail: ons_journal@mail.ru

Адрес в Интернете: <https://ons-journal.ru>

EDITOR-IN-CHIEF

Alexey Gromyko Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute of Europe of the RAS,
Member of Scientific Publishing Council of the RAS (Moscow, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Elena Ananieva Candidate of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow of the Institute of Europe of the RAS
(Moscow, Russia)

SCIENTIFIC ADVISORY BOARD

Lev Belousov Doctor of Sciences (History), Head of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)
Sergey Valentey Doctor of Sciences (Economics), Professor of Plekhanov Russian University of Economics, Head of Research Association (Moscow, Russia)
Alexander Dynkin Academician of the RAS, President of the Primakov Institute of World Economy and International Relations (Moscow, Russia)
Andrey Kokoshin Academician of the RAS, Deputy Research Director of the Higher School of Economics, Professor of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Victor Polterovich Academician of the RAS, Deputy Director of the Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Anatoly Torkunov Academician of the RAS, Rector of Moscow State Institute of International Relations (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Irina Abramova Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute for African Studies of the RAS (Moscow, Russia)
Mark R. Beissinger Professor of Political Science at Princeton University (Princeton, USA)
Olga Butorina Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)
Feodor Voitlovsky Corresponding Member of the RAS, Director of the Primakov Institute of World Economy and International Relations, Professor of the RAS (Moscow, Russia)
Andrey Gabov Corresponding Member of the RAS, Chief Research Fellow of the Institute of State and Law of the RAS (Moscow, Russia)
Valery Garbuzov Doctor of Sciences (History), Director of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS (Moscow, Russia)
Alla Glinchikova Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Department of Political Science of Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)
Isosif Diskin Doctor of Sciences (Economics), Senior Research Fellow of the Higher School of Economics
Igor Kondakov Doctor of Sciences (Philosophy), Leading researcher of the State Institute for Art Studies, Professor Russian State University for Humanities (Moscow, Russia)
Aleksandr Libman Professor of FU Berlin (Berlin, Germany)
Vitaly Naumkin Academician of the RAS, President of the Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russia)
Timofey Nestik Doctor of Sciences (Psychology), Chief Research Fellow of the Institute of Psychology of the RAS, Professor of the RAS (Moscow, Russia)
Emil Pain Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Higher School of Economics (Moscow, Russia)
Victor Petrenko Corresponding Member of the RAS, Professor of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Boris Porfiriev Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute for Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)
Julia Sineokaya Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Philosophy of the RAS (Moscow, Russia)
Natalya Tikhonova Doctor of Sciences (Sociology), Chief Researcher at the Institute of Sociology of the RAS (Moscow, Russia)
Denis Fomin-Nilov Candidate of Sciences (History), Rector of the State Academic University for Humanities (Moscow, Russia)
Talia Khabrieva Academician of the RAS, Director of the Institute of Legislation and Comparative Law of the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)
Aleksandr Chubaryan Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute of World History of the RAS (Moscow, Russia)
Andrei Yakovlev Candidate of Sciences (Economics), Director of the Institute for Industrial and Market Studies Higher School of Economics University (Moscow, Russia)

© Russian Academy of Sciences, 2022

© Formation. Editorial board of "Social Sciences and Contemporary World", 2022

Publisher: Russian Academy of Sciences

Executor under the contract № 4У-ЭА-131-21 "Thematic editorial office", Ltd

Rubtsovskaya nab., 3-1, office 1314, Moscow, 105082

Address: Maronovskiy pereulok, 26, office 310, Moscow, 119049 Russia.

Tel. (495) 544-20-50. E-mail: ons_journal@mail.ru. Website: <https://ons-journal.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ

Иванов В.В., Малинецкий Г.Г., Сиренко С.Н., Колесников А.В. Концептуальные подходы к формированию сотрудничества России и Республики Беларусь	7
Давыдов А.А., Куприянов А.В. Отношения США и Индии: формирование союза или ситуативное партнерство?	21
Годованюк К.А. Фактор Австралии во внешней политике Британии	35
Гудев П.А. Морехозяйственные аспекты Системы Договора об Антарктике	48
Богданов К.В., Стефанович Д.В. Мировое ракетное распространение: вызовы и решения	63

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дискин И.Е. Модели легитимации и альтернативы социальной динамики	78
Воронина Н.С. Социальная справедливость в оценках российской молодежи (на основе данных RLMS за 2019 г.)	95

ОСВОЕНИЕ КОСМОСА

Иосипенко С.В. Современное состояние и возможные пути развития космической отрасли России	109
---	-----

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Федотова В.А. Доверие к власти и политическая активность российской молодежи: роль этнической самоидентификации	126
---	-----

CONTENTS

INTERNATIONAL ASPECTS

Ivanov V., Malinetsky G., Sirenko S., Kolesnikov A. Conceptual Approaches to Cooperation between Russia and the Republic of Belarus	7
Davydov A. US-India Relations: An Alliance in the Making or a Temporary Partnership?	21
Godovanyuk K. The Factor of Australia in UK Foreign Policy	35
Gudev P. Maritime Aspects of the Antarctic Treaty System	48
Bogdanov K. , Stefanovich D. Global Missile Proliferation: Challenges and Solutions	63

SOCIOLOGICAL STUDIES

Diskin I. Models of Legitimation and Alternatives to Social Dynamics	78
Voronina N. Social Justice in the Assessments of Russian Youth (based on RLMS data for 2019)	95

SPACE EXPLORATION

Iosipenko S. The Current State and Possible Ways of Developing the Space Industry in Russia	109
---	-----

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

Fedotova V. Political Trust and Political Activity of Russian Youth: The Role of Ethnic Self-Identification	126
---	-----

DOI: 10.31857/S0869049922020010
EDN: EUVMHK

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ INTERNATIONAL ASPECTS

Оригинальная статья / Original Article

Концептуальные подходы к формированию сотрудничества России и Республики Беларусь¹

© В.В. ИВАНОВ, Г.Г. МАЛИНЕЦКИЙ, С.Н. СИРЕНКО, А.В. КОЛЕСНИКОВ

Иванов Владимир Викторович, Российская академия наук (Москва, Россия), nauka@presidium.ras.ru. ORCID: 0000-0002-9823-8767

Малинецкий Георгий Геннадьевич, Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН (Москва, Россия), gmalin@keldysh.ru. ORCID: 0000-0001-6041-1926

Сиренко Светлана Николаевна, Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка» (Минск, Беларусь), sirenka@bspu.by. ORCID: 0000-0003-4089-1488

Колесников Андрей Витальевич, Национальная академия наук Беларуси (Минск, Беларусь), kolesnikov@philosophy.by. ORCID: 0000-0002-7620-0864

В статье проанализировано взаимодействие России и Беларуси в масштабах долгого и циклического социального времени. В них результативность сотрудничества стран и развитие Союзного государства Белоруссии и России определяются решением общих проблем в культуре, экономике, образовании на фоне нового витка глобализации, глобального демографического перехода, смены технологического уклада и фазы развития цивилизации. При анализе выбора идеологической траектории XXI в. авторы исходили из тезиса, что сегодня наблюдается соперничество между посткапитализмом (инклюзивным капитализмом, или, по выражению Ж. Аттали, эпохой гиперконтроля) и постиндустриализмом (который отстаивает лозунг «Будущее принадлежит всем»). По оценке И. Валлерстайна, мир будет переходить к «новой упорядоченности». Главная цель статьи состоит в поиске принципов взаимодействия и вектора цивилизационной динамики развития обеих стран с учетом использования технологий проектирования будущего. Особенность исследования заключа-

¹ Финансирование. Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 20-511-00003 Бел_а и БРФФИ (Г20Р-042 от 04.05.2020) «Философский, методологический и междисциплинарный анализ перспектив и рисков развития цифровой реальности».

Funding. The article was prepared with the support of the RFBR grant No. 20-511-00003 Bel_a and BRFFR (G20R-042 dated 04.05.2020) «Philosophical, Methodological and Interdisciplinary Analysis of the Prospects and Risks of the Development of Digital Reality».

ется в рассмотрении сотрудничества стран сквозь призму развития науки, образования и культуры. Проведенный анализ позволил сформулировать ряд конкретных предложений в сфере сотрудничества и развития Союзного государства.

Ключевые слова: сотрудничество России и Беларуси, Евразийский проект, теория долгого времени, стратегический прогноз

Цитирование: Иванов В.В., Малинецкий Г.Г., Сиренко С.В., Колесников А.В. (2022) Концептуальные подходы к формированию сотрудничества России и Республики Беларусь // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 7–20. DOI: 10.31857/S0869049922020010, EDN: EUVMHK

Conceptual Approaches to Cooperation between Russia and the Republic of Belarus

© V.V. IVANOV, G.G. MALINETSKY, S.N. SIRENKO, A.V. KOLESNIKOV

Vladimir V. Ivanov, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), nauka@presidium.ras.ru. ORCID: 0000-0002-9823-8767

Georgy G. Malinetsky, Keldysh Institute of Applied Mathematics of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), gmalin@keldysh.ru. ORCID: 0000-0001-6041-1926

Svetlana N. Sirenko, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (Republic of Belarus, Minsk), sirenka@bspu.by. ORCID: 0000-0003-4089-1488

Andrey V. Kolesnikov, Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (Republic of Belarus, Minsk), kolesnikov@philosophy.by. ORCID: 0000-0002-7620-0864

Abstract. The article analyzes the interaction between Russia and Belarus on the scale of a long and cyclical social time. In these time scales, the effectiveness of cooperation between countries and the development of the Union State are determined by the settlement of common problems in culture, economy and education amid a new round of globalization, global demographic transition, a change not only in the technological order, but also in the phase of civilization development. When analyzing the choice of the ideological trajectory of the XXI century, the authors proceeded from the thesis of rivalry between postcapitalism (inclusive capitalism or the era of hypercontrol in the words of J. Attali) and postindustrialism (which defends the slogan “The future belongs to everyone”). According to I. Wallerstein, the world will move to a “new orderliness”. Several generations of citizens of Russia and Belarus will grow up under the influence of this historical context. In this regard, as the main goal of the study, the authors highlight the search for identity, principles of interaction and the vector of civilizational dynamics of the development of both countries, taking into account the active use of future design technologies. The value of this study lies in examining the cooperation of countries through the prism of the development of science, education and culture. The analysis made it possible to formulate a number of specific proposals in the field of cooperation and development of the Union State.

Key words: cooperation between Russia and Belarus, Eurasian project, concept of *longue dur’ee*, strategic forecast

Citation: Ivanov V., Malinetsky G., Sirenko S., Kolesnikov A. (2022) Conceptual Approaches to Cooperation between Russia and the Republic of Belarus. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 7–20. DOI: 10.31857/S0869049922020010, EDN: EUVMHK

А. Тойнби призывал историков расширить поле исследований во времени и пространстве, перейти к анализу ответов на вызовы, с которыми сталкивались разные цивилизации в ходе своего развития. Данный подход привел к появлению целостного анализа, к возможности построить метаисторию, увидеть лес за отдельными деревьями [Тойнби 1991]. Следует развивать этот взгляд, опираясь на междисциплинарные подходы с использованием методов гуманитарных, естественных наук и математического моделирования – и на этой основе заглядывать в будущее. Данную идею воплотил французский историк, представитель школы «Анналов» Ф. Бродель [Бродель 2007]. Следуя логике прикладной математики, он разделил историческое время на три уровня:

- короткое время смены событий, политических преобразований;
- средняя продолжительность или циклическое время, на котором происходят подъемы и спады социальных и культурных процессов, связанных, в частности, с экономикой, миграцией, демографией;
- длительная продолжительность – долгое время, которое относится к цивилизациям, большим целостным социокультурным преобразованиям.

И российские, и белорусские авторы исследуют сотрудничество и взаимодействие России и Беларуси в контексте короткого времени [Дзермант 2020; Иванов, Марков 2011]. Вместе с тем Евразийский проект², в рамках которого взаимодействуют Россия и Беларусь, представляет собой длительный процесс, требующий не только успешных тактических решений, но и ясного понимания стратегии. По мнению Р.С. Гринберга, «... для успеха интеграционного процесса необходима некая минимальная численность социума, живущего и действующего в рамках единого экономического пространства. Китай при численности около 1,44 млрд человек не нуждается в интеграционных блоках, как и Индия. Люксембург же, по определению, нуждается. Иначе говоря, речь идет о том, что эффективная интеграция может быть организована только на соответствующей территории единого экономического пространства, где не существует никаких перегородок, а население составляет 200-250 млн человек» [Гринберг 2014, 26]. Однако взаимовыгодного экономического сотрудничества для успеха интеграционного проекта недостаточно, что наглядно показывают отношения новой России и Украины. Очевидно, что необходимо конструктивное взаимодействие в сфере смыслов, ценностей, стратегий развития, в целеполагании, в научном, образовательном и технологическом пространстве. К такому пониманию приходят и лидеры стран: «Ключевой проблемой развития ситуации в Европе становится недостаточная внутренняя геостратегическая и социальная связность, а внешнее давление будет это только усиливать»³.

На цивилизационные основания подходов к анализу ряда стратегических проблем, связанных с сотрудничеством России и Беларуси, и будет обращено внимание в данной статье.

² Под Евразийским проектом авторы понимают необходимость успешного многостороннего сотрудничества стран постсоветского пространства. Изначально российское руководство ставило вопрос о формировании единого экономического пространства России, Белоруссии и Казахстана. Сегодня данный проект активно развивается и включает в себя сотрудничество многих стран на постсоветском пространстве, уже сформированы основы экономического и политического взаимодействия. В контексте данной статьи было важно отметить исторические, культурные и гуманитарные связи, которые заложены в основе сотрудничества России и Белоруссии, поскольку эти государства стали частью большого Евразийского проекта.

³ Бордужа Н., Евстратов Д., Лукьянов Ф. (2020). Бремя лидерства. Сможет ли Россия стать главным евразийским интегратором? Россия в глобальной политике. (<http://globalaffaires.ru/articles/bremy-liderstva-assambleya-2020>).

Глобальные процессы и риски

Важнейший глобальный процесс, который определяет сущность переживаемой исторической эпохи – глобальный демографический переход [Капица и др. 2020]. По теории Т. Мальтуса, в условиях избытка ресурсов численность представителей любого вида N в момент t растет по экспоненте или в геометрической прогрессии:

$$N(t) \approx \exp(at).$$

Для всех исследованных видов, кроме человека, численность растет именно так. Для людей в течение более 200 тысяч лет численность росла по гораздо более быстрому, гиперболическому закону:

$$N(t) \approx (t - t_p)^{-1}, t_p \approx 2025 \text{ год}.$$

Почему наша численность росла по этому закону? В силу самоорганизации и сотрудничества. Мы, в отличие от других видов, научились передавать бизнесберегающие технологии в пространстве (из региона в регион) и во времени (от поколения к поколению). Данная особенность позволила человечеству стать технологической цивилизацией. Этот закон, который определял историю, экономику, культуру, очень быстро (в течение жизни одного поколения) перестает действовать – численность человечества растет гораздо медленнее, чем раньше. Переход связан с изменением репродуктивной стратегии: от «высокая смертность – высокая рождаемость» к «низкая смертность – низкая рождаемость». Математические модели показывают, что численность человечества стабилизируется в XXI в. на уровне 11,5 млрд человек [Капица и др. 2020].

Кроме того, демографический переход страны проходит в разное время и в различном темпе, поэтому система расселения существенно изменится. К 2100 г. около 40% людей будут жить в Азии и Африке, примерно по 10% – в Европе и Америке. Россия будет на 22 месте по численности населения, уступая Мозамбику, Судану, Мексике и Кении. По прогнозу Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, в 2050 г. на планете будет жить 9 млрд 300 млн человек⁴. В России – 135 млн (примерно 1,4% населения мира), в Беларуси – 8,63 млн (примерно 0,1%)⁵. Это означает, что место на мировой демографической карте у наших стран будет очень небольшим, и у них не будет возможности брать «числом, а не умением». В такой ситуации принципиальным становится выявление возможностей каждого человека и их эффективное практическое воплощение, его образование и самоидентификация. Кроме того, надо учитывать вероятность масштабной миграции с бедного Юга на богатый Север. Сохранение своего жизненного уклада, смыслов, ценностей в сложившихся условиях может потребовать существенных усилий.

Наша цивилизация – мир России – в последние десятилетия потерпела большой культурный провал. Численность людей, которые считают русский язык родным, уменьшилась более чем на 70 млн человек. В 1960-х гг. русский язык был третьим в мире по численности людей, считающих его родным. В 2019 г., согласно данным сайта Ethnologue, имеет место другая картина. Китайский язык считают родным 1 млрд 296 млн человек, испанский – 460 млн, английский – 379 млн, хинди – 431 млн, арабский – 313 млн, бенгальский – 228 млн, португальский – 221 млн, русский – 154 млн, японский – 128 млн, лахнда – 119 млн человек⁶.

⁴ Демографические изменения. ООН. (<https://www.un.org/ru/un75/shifting-demographics>).

⁵ World Population Prospects 2019. United Nations. (<https://population.un.org/wpp/Download/Probabilistic/Population/>).

⁶ List of languages by total number of speakers. Ethnologue (25th Edition, 2022).

По мнению французского филолога К. Ажежа, следующие факторы определяют распространенность языка:

- идеология, перспективы, видение будущего;
- ресурсы, вкладываемые в развитие и распространение культуры;
- созданные, освоенные и развитые технологии [Ажеж 2003].

Очевидно, все три пункта представляют собой «болевые точки» для мира России. Именно они мешают развитию России и реализации Евразийского проекта. Что будет, если двигаться по инерции и не устранять уязвимости? Ответ дает теория столкновения цивилизаций, в соответствии с которой XXI в. должен стать временем их беспощадной схватки за тающие ресурсы [Хантингтон 2003]. То, что дела обстоят таким образом, наглядно показывает коронакризис: «...фактор пандемии спровоцировал ускорение противостояния региональных и глобальных игроков, усилил роль института национального государства. В условиях деглобализации на трансрегиональном уровне под лозунгами “стратегической уязвимости” и “экономического суверенитета” продолжает усиливаться регионализм и “протекционизм 2.0”, происходит дальнейшее ослабление многосторонних международных институтов» [Громыко 2020, 6].

Страны, не участвующие в собственных цивилизационных проектах и не сотрудничающие с акторами мировой политики, становятся «строительным материалом» для других цивилизационных проектов, что показывает и математическое моделирование цивилизационной динамики [Капица и др. 2020]. При инерционном сценарии развития – без войны, при конкуренции только в сфере демографии, экономики и культуры – уже к 2030 г. значительная часть территории бывшего СССР окажется под влиянием других цивилизаций, которые воплощают свои проекты.

Многие происходящие изменения диктуются глобальными угрозами. Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш 22.02.2020 заявил: «Наш мир приближается к точке невозврата. Я вижу четырех “всадников”, четыре надвигающиеся угрозы, которые представляют опасность для прогресса и всего потенциала XXI века... Первый всадник предстает в облики высочайшей геополитической напряженности. Второй всадник апокалипсиса связан с тем, что мировое сообщество “столкнулось” с экзистенциальным климатическим кризисом... Наша планета горит... Третий всадник – это растущее и глобальное недоверие. Как продемонстрировали буквально накануне наши собственные доклады, два человека из трех живут в странах, где выросло неравенство». Четвертой глобальной угрозой генсек ООН назвал «обратную сторону цифрового мира»: «Технологический прогресс идет быстрее, чем наши способности ему соответствовать – или даже его осознать»⁷.

Еврокомиссия, учитывая вторую угрозу, утвердила в 2021 г. план Fit for 55 по снижению выбросов углекислого газа на 55% к 2030 г. Среди предлагаемых мер:

- «создание таможенного механизма для увеличения издержек импорта товаров из стран, не поддерживающих торговлю углеводородными квотами (введение трансграничного углеводородного налога);
- ужесточение экологических стандартов, в частности, нормативов автомобильной эмиссии углекислого газа, включая запрет на продажу новых транспортных средств с бензиновыми и дизельными двигателями к 2035 г.;
- увеличение целевого уровня доли возобновляемых источников энергии в энергобалансе с 32 до 40%» [Canup 2021, 9].

⁷ Генсек ООН возвестил о четырех угрожающих миру «всадниках апокалипсиса». ТАСС. (<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7582237>).

План осложняют отношения Германии и Франции, которые имеют разную структуру промышленности и энергетики, а также он представляет очень серьезный вызов для России и всего Евразийского проекта.

Вклад нефтегазового сектора в ВВП России оценивался в 2019 г. в 15,2%, его роль в развитии страны чрезвычайно важна. Снижение значения этого сектора в экономике Европы глава частной разведывательной корпорации STRATFOR Дж. Фридман еще в 2009 г. рассматривал как геополитический проект, направленный на сдерживание России [Фридман 2010].

Для достижения геополитических и геоэкономических целей, а также для успехов в деле интеграции России требуется новая индустриализация, которая будет опираться на VI технологический уклад и компенсирует существенные проблемы в сфере промышленности. С таким же вызовом сталкивается и Беларусь [Глазьев 2016]. Такие изменения требуют развития инновационного сектора экономики и, в частности, потока научно-технических проектов и жесткой технологической, маркетинговой и иной экспертизы, позволяющей снизить риски инвесторов до приемлемого уровня [Иванов 2020]. Необходима активная самоорганизация инновационного пространства Союзного государства.

Гуманитарно-технологическая революция

Важнейшие преобразования в XXI в. будут касаться социального и гуманитарного пространства. В 1984 г. известный социолог И. Валлерстайн сделал следующий прогноз: «Наступает такой момент, когда противоречия становятся настолько острыми, что начинают приводить к все более и более значительным отклонениям. На языке новой науки это означает наступление хаоса, что, в свою очередь, ведет к бифуркациям, наличие которых очевидно, но контуры которых непредсказуемы по самой их природе. На этой основе и возникает новый системный порядок. Вопрос заключается в том, вступила ли уже или вступает историческая система, в условиях которой мы живем – капиталистическая микроэкономика, в этот период “хаоса”» [Валлерстайн 2003, 31].

Свой вариант будущего – посткапитализм – предлагает Давосский экономический форум. В его основе лежат глобальное управление и жесткий социальный контроль на основе современных компьютерных технологий. По мнению К. Шваба, сейчас происходит четвертая промышленная революция: «Ее основные черты – это “вездесущий” и мобильный Интернет, миниатюрные производственные устройства (которые постоянно дешевеют), искусственный интеллект и обучающиеся машины» [Schwab 2017, 16]. Среди переломных моментов, которые, по мнению экспертов форума, ожидаются к 2025 г., можно выделить следующие: «90% людей, имеют возможность неограниченного и бесплатного (поддерживаемого рекламой) хранения данных; 1 трлн датчиков, подключенных к сети Интернет; первый имеющийся в продаже имплантируемый мобильный телефон; 90% населения используют смартфоны; 30% корпоративных аудиторских проверок проводит искусственный интеллект...» [Schwab 2017, 39]. Пандемия COVID-19 привела Шваба и его коллег к еще более жесткому варианту – «инклюзивному капитализму». Среди его характеристик – глобальное управление, не признающее государственных границ, национальных и конфессиональных особенностей; цифровые деньги; экономика пользования (при которой у человека нет собственности, а есть набор предметов, данных ему для применения); ограничение свободы; массовое использование «удаленки» и т.д. [Schwab 2020].

На вопрос, когда мы придем к нормальной, прежней реальности, авторы работы дают уверенный ответ: «Никогда».

Ситуация серьезна. Видимо, ареной будущих войн станет биологическое пространство. Этому способствует «кризис антибиотиков» – ряд бактерий устойчив ко всему, чем

мы располагаем. Двадцатый век подтвердил учение Дарвина – применение все более совершенных лекарств привело к «естественному отбору» наиболее сильных штаммов. Дело еще и в том, что у людей поколения меняются за 20 лет, а у бактерий – за 20-30 минут. Они живут в «быстром времени». В «научных интересах» недавно был восстановлен штамм «испанки», которая унесла в XX в. 50 млн жизней. Ученые уже определили наиболее сильные и опасные штаммы-кандидаты для будущих пандемий и опубликовали информацию об этом в ведущих журналах. Возможно, в мир вернется оспа [Лейбин 2021]. На 01.08.2021 от COVID-19 в мире умерло 4 млн 224 тыс. человек, а вакцинировано 14,7%. По состоянию на 16.09.2021 42,6% населения мира получили хотя бы одну дозу вакцины от COVID-19, но для стран с низким доходом показатель равен 1,9%⁸. Возникает новая форма социального и регионального неравенства между вакцинированными и невакцинированными.

Успехи науки в XX в. огромны – во многом благодаря ее усилиям численность людей на планете возросла примерно вчетверо. Отсюда, естественно в качестве оси взять роль и место науки как источника развития общества, а в качестве объекта – мировую историю. Тогда становится очевидным деление на традиционную (до XX в.), индустриальную (XX в.) и постиндустриальную (в которую мир входит сейчас) фазы развития цивилизации. Данный подход развил около полувека назад Д. Белл в теории постиндустриального развития. Выводы своего анализа он сформулировал так: «На протяжении большей части человеческой истории реальностью была природа: и в поэзии, и в воображении люди пытались соотнести свое “я” с окружающим миром. Затем реальностью стала техника, инструменты и предметы, сделанные человеком, однако получившие независимое существование вне его “я”, в вещественном мире. В настоящее время реальность является, в первую очередь, социальным миром – не природным, не вещественным, а исключительно человеческим – воспринимаемым через отражение своего “я” в других людях... Человек может быть переделан или освобожден, его поведение – запрограммировано, а сознание изменено. Ограничители прошлого исчезли вместе с концом эры природы и вещей» [Белл 2004 663].

Несколько десятилетий теория Д. Белла была одной из возможных концепций. Однако положение дел изменилось с началом тотального использования компьютеров в быту. Стали возможны дальние связи между людьми и новые формы социальной самоорганизации. Разумеется, время внесло свои коррективы в концепцию Белла – значение фундаментальной науки и роль ученых в обществе оказались совсем не так велики, как он предполагал. Тем не менее скорость, масштаб и глубина происходящих преобразований позволяют говорить, что у нас на глазах происходит гуманитарно-технологическая революция, во главе угла которой находится человек [Иванов 2017, Иванов и др. 2020]. Важнейшими технологиями XXI в. становятся гуманитарные. Приоритет человека и социальных целей общества, в отличие от посткапитализма, дает возможность реализовать принцип «Будущее принадлежит всем». В контексте перспективы развития искусственного интеллекта этот момент очень важен. По прогнозу одного из ведущих специалистов в этой области Кай-фу Ли [Кай-фу Ли 2019], через 10-15 лет 40-50% работающих в США станут безработными – машины займутся их трудом. Французский социолог Ж. Аттали назвал это время в истории «эпохой гиперконтроля» и оценил его продолжительность примерно в 50 лет [Аттали 2014].

Постиндустриализм открывает совершенно другие перспективы, ориентируясь на воплощение своих возможностей и воплощение мечты [Малинецкий 2020]. Очень важно,

⁸ Coronavirus (COVID-19) Vaccinations. (<https://ourworldindata.org/covid-vaccinations>).

придем ли мы в будущее «квалифицированными потребителями» и «гостями» – или творцами и созидателями. Необходимо обозначить эту долгосрочную перспективу, не ограничиваясь обещаниями экономических бонусов. От этого зависит перспектива Евразийского проекта и сотрудничество России и Беларуси.

Образовательный императив

Учителя, преподаватели и профессора общаются с «людьми будущего» – своими учениками. Через несколько десятилетий именно их сегодняшние подопечные возьмут на свои плечи груз ответственности за свое отечество. Здесь простирается огромное плодотворное поле для сотрудничества России и Республики Беларусь, а также других участников Евразийского проекта. Советское образование считалось одним из лучших в мире. С ним связаны успехи многих научно-технических и социальных проектов СССР. Генерал Х.В. Гудериан на Нюрнбергском процессе среди нескольких ошибок генерального штаба, которые привели Германию к поражению, указал на недооценку культуры и образованности советского солдата. К сожалению, на современном этапе уровень образования населения резко снизился.

По инициативе Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) с 2000 г. проводится Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся (Programme for International Student Assessment). Испытание PISA проверяет умения 15-летних школьников применять знания по чтению на родном языке, математике и естественным наукам в разнообразных контекстах (бытовом, личностном, профессиональном), оно проводится раз в три года. В 2018 г. исследование охватило около 600 тыс. человек в 79 странах. В отличие от олимпиад, выбор школьников в PISA производится случайным образом, за счет чего формируется репрезентативная выборка испытуемых. Задания PISA существенно отличаются по уровням сложности от первого до шестого. Второй уровень – пороговый, неспособность его преодолеть свидетельствует о неуспешности ученика и неэффективности школьных занятий для него, поскольку школьник не может применять получаемые знания для решения несложных задач в бытовом или социально-личностном контекстах. На пятом и шестом уровнях речь идет о подготовке самостоятельного, квалифицированного, критически мыслящего исследователя. Часть результатов PISA приведены в таблице.

Важно не только достижение верхних строчек рейтингов отдельными участниками разнообразных конкурсов или олимпиад, но и массовое повышение уровня образовательных достижений школьников. Именно данный фактор приносит значительный экономический эффект⁹. Неуспешные в школе молодые люди часто не имеют успеха и на рынке труда, не могут работать достаточно производительно и, к сожалению, не владеют инструментами личностного развития, позволяющими компенсировать дефициты [Двенадцать 2018, 20–21]. Обращает на себя внимание тот факт, что, например, в Беларуси неуспешны по критериям испытания PISA-2018 (не преодолели второго уровня из шести): в аспекте читательской грамотности – 23% школьников, математической – 29%, естественнонаучной – 24%. Одновременно у лидера этих испытаний в 2018 г. (четыре провинции Китая) показатель неуспешных учеников составляет 5, 2 и 2% соответственно по читательской, математической и естественнонаучной грамотности¹⁰.

⁹ The High Cost of Low Educational Performance the Long-Run Economic Impact of Improving PISA outcomes (2010). PISA OECD PUBLISHING. (<https://www.oecd.org/pisa/44417824.pdf>).

¹⁰ OECD (2019). PISA 2018 Results (Volume I): What Students Know and Can Do. PISA. OECD Publishing, Paris. (<https://doi.org/10.1787/5f07c754-en>).

Таблица 1

**Рейтинг стран по результатам их участия в международном испытании PISA-2018
(раздел «естественно-научная грамотность»)¹¹**

Table 1

**Rating of countries based on the results of their participation in the international test PISA-2018
("science literacy" section)**

1.	Китай (4 провинции)	590
2.	Сингапур	551
3.	Макао (Китай)	544
4.	Эстония	530
5.	Япония	529
6.	Финляндия	522
7.	Южная Корея	519
8.	Канада	518
9.	Гонконг (Китай)	517
10.	Тайбей (Тайвань)	516
...		
29.	Латвия	481
31.	Литва	482
33.	Россия	478
37.	Беларусь	471
38.	Украина	469
...		
52.	Молдова	428
68.	Баку (Азербайджан)	398
69.	Казахстан	397
73.	Грузия	383
ОЭСР	Среднее	489

Анализ результатов позволяет сделать еще один неутешительный вывод: системы образования в Беларуси и России не обеспечивают в достаточной степени готовность учащихся применять исследовательский подход, самостоятельно и критически мыслить, предлагая новые решения [Малинецкий, Сиренко 2020]. Показательны результаты по естественному: только 3% белорусских и российских школьников решили задачи пятого и шестого уровней, тогда как в Китае – 32%. По математике преодолели высшую планку 7% белорусских и 8% российских школьников, а лидеры PISA в этой категории – четыре провинции Китая – показали результаты в 44% [Сиренко 2020]. Тест PISA проверяет умение применять имеющиеся у школьников знания в разнообразных контекстах, и именно с этим в России и Беларуси большие проблемы. Ситуация в средней школе сказывается на высшем образовании. Университеты вынуждены давать его тем, кто фактически не имеет среднего.

Большой ошибкой было то, что в РФ в течение многих лет трактовали образование как услуги в упрощенном и часто искаженном смысле, не учитывая его социокультурную миссию. Игнорирование развивающего потенциала учебных предметов или методов

¹¹ PISA 2018 results. OECD. (<https://www.oecd.org/pisa/publications/pisa-2018-results.htm>).

обучения, которые были трудны или неудобны для учащихся, ориентация на тестовые задания при отказе от требований доказательства, аргументации решения, создания собственных текстов крайне негативно сказались на образовательных результатах. Научно-популярная литература оказалась развалена. Если в советские времена тираж журнала «Квант», ориентированного на ребят, любящих физику и математику, составлял 350 тыс. экземпляров, а тираж журнала «Знание-сила» – 800 тыс., то сейчас их тиражи составляют 900 экз. и 4,5 тыс. экз. соответственно. Подготовка высокопрофессиональных педагогических кадров – важнейший инструмент обеспечения качества образования в школе и в вузе. Анализ результатов участия школьников Беларуси в исследовании PISA-2018 и необходимость ответа на глобальные вызовы послужили факторами модернизации подготовки учителей в педагогических университетах и придания ей опережающего характера [Сиренко 2021]. В образовательной сфере есть огромное пространство для сотрудничества.

Наука, технологии и новая индустриализация

Ведущие экономисты страны оценивают нынешнее положение дел следующим образом¹²: «В 2019 г. ВВП России был всего на 10% выше его размера в 1990 г. Объем промышленности немного не дотянул до размеров, которые он имел в советской России. 10% самых богатых семей имеют душевой доход в размере около 100 000 руб. в месяц, в то время как 10% самых бедных семей – только 6000 руб., в 15 раз меньше. Реальные доходы 2/3 населения находятся либо на уровне, либо ниже показателей советской России. В мире нет сколько-нибудь крупной страны с такими низкими темпами социально-экономического развития в последние 30 лет. За эти годы ВВП стран ЕС вырос в 2 раза, США – в 2,5 раза, Китая – в 3,5 раза».

Успех на долгие времена определяет развитие треугольника «наука – образование – технологии». Стоит отметить, что Петр I, создавая Российскую Академию, имел в виду триаду «Гимназия – Университет – Академия», которая показала высокую эффективность.

Президент РФ В.В. Путин в послании Федеральному собранию 1 марта 2018 г. определил основную проблему: «наш главный враг – отсталость». Наука играет значительную роль в решении проблемы, однако для этого она должна, следуя завету выдающегося математика и президента АН СССР академика М.В. Келдыша, сосредоточить усилия на решении нескольких ключевых задач, которые помогут вывести общество на новый, более высокий уровень развития.

Кроме того, необходимо обеспечить научный суверенитет стран. Очевидные цивилизационные различия, которые особенно обозначились в первые десятилетия XXI в., ставят на повестку дня развитие и совершенствование собственной системы учета и оценки труда ученого, а также повышение качества и авторитета собственного пула научных журналов Союзного государства России и Беларуси – и всего научного евразийского пространства. Сохранение и расширение научного сотрудничества в глобальном масштабе должно сопровождаться смещением приоритетов в сторону развития и укрепления отечественной науки. Не первое десятилетие на разных форумах и уровнях говорят о необходимости формирования единого научно-технического и образовательного пространства двух стран [Иванов, Малинецкий 2020]. Сегодня им, как воздух, нужна реиндустриализация – восполнение пробелов в индустриальном развитии, необходимое для обеспечения технологического суверенитета (которое важно для экономики, обороны, социальной сферы)

¹² Нет длинных денег – нет роста. Ведомости. 09 сентября 2020. (<https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/09/08/839227-dlinnih-deneg>).

и реализация новых технологических возможностей, связанных с постиндустриальным [Иванов, Малинецкий 2020] или VI технологическим укладом [Глазьев 2016]. Речь идет о новом наборе локомотивных технологий – биотехнологии, новая медицина, когнитивные технологии, робототехника, высокие гуманитарные технологии, нанотехнологии и др. Необходимо сделать акцент на двух больших проектах. Академик М.В. Келдыш в свое время выделял атомный и космический проекты, и история показала, что он был прав. Что важно сейчас?

Развитие индустриально-телекоммуникационной основы страны. Одному из авторов данной статьи довелось обсуждать этот вопрос с академиком Ж.И. Алферовым. Он задал вопрос о том, куда следует вложить средства, чтобы повысить оборонные возможности страны. Академик ответил, не задумываясь: «Надо создать свою элементную базу. От 80 до 95% возможностей современного оружия определяется электроникой, которая в него “защита”. Пока хорошо работали “Интеграл” и “Планар”, мы были мировой электронной державой». Элементная база – основа для новой индустриализации и для активного сотрудничества. Сегодня в мире работают миллиарды компьютеров, которые стали основой нервной системы современного общества. Отсутствие своего производства новых персональных компьютеров, мобильных телефонов, суперкомпьютеров и цифровых платформ приводит к зависимости. Данный пробел надо срочно ликвидировать. Нам нужны собственные первоклассные фильмы, компьютерные игры, телепередачи, интернет-пространство мирового уровня. Именно в исследовании проблем цифровой реальности сейчас активно и успешно ведут работу исследователи из России и Беларуси [Контурсы 2018].

Форсированное развитие медицины и биотехнологий. В мировом научно-технологическом пространстве именно в этих направлениях происходит прорыв. За 10 лет цена секвенирования генома человека уменьшилась в 20 тыс. раз [Малинецкий 2020]. Каждую третью научную работу в мире публикуют в этой области. Продолжительность активной жизни становится важным критерием развития цивилизации. Понимание, освоение и преобразование биологического пространства дает, с одной стороны, огромные возможности, а с другой – становится сферой серьезных опасностей. Здесь есть перспективы и для сотрудничества, и для противостояния.

Заключение

Технологии проектирования будущего связаны с выделением небольших локальных проектов сегодняшнего дня, которые могут существенно повлиять на долгосрочную стратегическую перспективу. Исходя из логики изложения, необходимо обратить внимание на несколько таких проектов.

Выделение ключевых направлений развития научно-технологического пространства Союзного государства – развитие компьютерной реальности, биотехнологии и медицины. Именно здесь не на словах, а на деле следует формировать единое научно-техническое пространство, искать и применять адекватные инструменты. Очень важно не упустить время.

Формирование и развитие единого образовательного пространства Союзного государства. Пришла пора вернуться лицом к нашим школьникам и студентам и разобратся, чему, как и для чего мы их учим. Данный сектор – огромная, плодотворная сфера для сотрудничества. Будущее нашей цивилизации определяется тем, сможем ли мы вновь вывести подготовку молодого поколения на мировой уровень.

Создание совместных фаундри-фабрик и дизайн-центров, а также российско-белорусского биотехнологического центра. Гуманитарно-технологическая революция

привела к качественному скачку – технологии создания новых продуктов стали в десятки и сотни раз дешевле и в электронике, и в биотехнологиях. Сейчас нужен большой поток идей, инновационных проектов и квалифицированных людей, которые готовы этим заниматься. Нужно делать новое и свое, а не выступать в качестве «наемной рабочей силы» заказчиков с Запада и Востока.

Создание исследовательского университета на территории России под эгидой РАН и НАН Беларуси. Необходимо передать уникальный опыт, знания и подходы, которые есть в академиях. Следует готовить талантливых увлеченных людей, которые ориентируются не на тактические успехи, а на прорыв и на решение стратегических задач Союзного государства.

Принципиальную роль играет самоорганизация научного сообщества Союзного государства. Очень важным и полезным инструментом был бы совместный Российско-Белорусский научный фонд, ориентированный на сотрудничество и развитие единого научно-технологического и образовательного пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Громько А.А. (2020) Пандемия и кризис системы международных отношений // *Контуры глобальных трансформаций*. Т. 13. № 5. С. 6–19. DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-1>.

Двенадцать решений для нового образования (2018) Доклад Центра стратегических разработок и Высшей школы экономики. (<https://ioe.hse.ru/news/217923426.html>).

Дзермант А.В. (2020) Беларусь – Евразия. Пограничье России и Европы. М.: Родина. 336 с.

Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. (2020) Россия: XXI век. Стратегия прорыва. Технологии. Образование. М.: Наука, URSS. 304 с.

Иванов В.В., Марков А.В. (2019) Концептуальные аспекты формирования единого научно-технического пространства // *Вестник Российской Академии наук*. Т. 81. № 10. С. 915–920.

Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. (2020) Синергетика и прогнозы будущего: Образование. Демография. Проблемы прогноза. М.: URSS. 384 с.

Кай-фу Ли (2019) Сверхдержавы искусственного интеллекта. Китай, Кремниевая долина и новый мировой порядок. М.: Манн, Иванов и Фербер. 350 с.

Контуры цифровой реальности: Гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего (2018) Под ред. В.В. Иванова, Г.Г. Малинецкого, С.Н. Сиренко. М.: ЛЕНАНД. 344 с.

Лейбин В. (2021) Какой будет следующая пандемия // *Эксперт*. № 30. С. 50–53.

Малинецкий Г.Г., Сиренко С.Н. (2020) Глобализация образования в системном контексте // *Мир России*. Т. 29. № 2. С. 92–107. DOI: [10.17323/1811-038X-2020-29-2-92-107](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-2-92-107).

Малинецкий Г.Г. (2020). Чтоб сказку сделать былью. Высокие технологии – путь России в будущее. М.: URSS. 224 с.

Сапир Ж. (2021). Ответ ЕС на климатический вызов: благие намерения, ведущие в ад // *Эксперт*. № 31–34. С. 9.

Сиренко С.Н. (2020) Образование в Союзном государстве в цифровую эпоху: международный опыт и направления модернизации // В: *Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: труды 3-й Международной конференции (6–7 февраля 2020 г., Москва)*. ИПМ им. М.В. Келдыша. Москва. С. 200–210.

Сиренко С.Н. (2021) Опережающее педагогическое образование как инструмент управления будущим // В: *Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: труды 4-й Международной конференции (4–5 февраля 2021 г., Москва)*. М.: ИПМ им. М. В. Келдыша. С. 260–269.

REFERENCES

- Gromyko A.A. (2019) Pandemiya i krizis sistemy mezhdunarodnyh otnoshenij [Pandemic and Crisis of the System of International Relations]. *Kontury global'nyh transformacij*. vol. 13, no. 5, pp. 6–19. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-1>.
- Dvenadcat' reshenij dlya novogo obrazovaniya [Twelve Solutions for a New Education] (2018) Doklad Centra strategicheskikh razrabotok i Vysshej shkoly ekonomiki. (<https://ioe.hse.ru/news/217923426.html>).
- Dzermant A.V. (2020). *Belarus' – Evraziya. Pogranich'e Rossii i Evropy* [Belarus – Eurasia. Borderlands of Russia and Europe]. Moscow: Rodina. 336 p.
- Ivanov V.V., Malineckij G.G. (2020) *Rossiya: XXI vek. Strategiya proryva. Tekhnologii. Obrazovanie* [Russia: XXI Century. Breakout Strategy. Technologies. Education]. Moscow: Nauka, URSS. 304 p.
- Ivanov V.V., Markov A.V. (2019) Konceptual'nye aspekty formirovaniya edinogo nauchno-tekhnicheskogo prostranstva [Conceptual Aspects of the Formation of a Single Scientific and Technical Space]. *Vestnik Rossijskoj Akademii nauk*. vol. 81, no. 10, pp. 915–920.
- Kapica S.P., Kurdyumov S.P. Malineckij G.G. (2020) *Sinergetika i prognozy budushchego: Obrazovanie. Demografiya. Problemy prognoza* [Synergetics and Forecasts of the Future: Education. Demography. Forecast problems]. Moscow: URSS. 384 p.
- Kaj-fu Li (2019) *Sverhderzhavy iskusstvennogo intellekta. Kitaj, Kremnievaya dolina i novyj mirovoj poryadok* [AI Superpowers. China, Silicon Valley, and the New World Order]. Moscow: Mann, Ivanov i Farber. 350 p.
- Kontury cifrovoj real'nosti: Gumanitarno-tekhnologicheskaya revolyuciya i vybor budushchego* [Contours of Digital Reality: The Humanitarian and Technological Revolution and the Choice of the Future] (2018). Ed(s): V.V. Ivanov, G.G. Malineckij, S.N. Sirenko. Moscow: LENAND. 344 p.
- Lejbin V. (2021) Kakoj budet sleduyushchaya pandemiya [What the Next Pandemic Will Be]. *Ekspert*. no. 30, pp. 50–53.
- Malineckij G.G., Sirenko S.N. (2020) Globalizatsiya obrazovaniya v sistemnom kontekste [Globalization of Education in a Systemic Context]. *Mir Rossii*. vol. 29, no. 2, pp. 92–107. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-92-107.
- Malineckij G.G. (2020) *Chtob skazku sdelat' byl'yu. Vysokie tekhnologii – put' Rossii v budushchee* [To Make a Fairy Tale Come True. High Technologies – Russia's Path to the Future]. Moscow: URSS. 224 p.
- Sapir Zh. (2021) Otvet ES na klimaticheskij vyzov: blagie namereniya, vedushchie v ad [The EU's Response to the Climate Challenge: Good Intentions Leading to Hell]. *Ekspert*. no. 31–34, p. 9.
- Sirenko S.N. (2020) Obrazovanie v Soyuznom gosudarstve v cifrovuyu epohu: mezhdunarodnyj opyt i napravleniya modernizatsii [Education in the Union State in the Digital Age: International Experience and Modernization Trends]. *Proektirovanie budushchego. Problemy cifrovoj real'nosti: trudy 3-j Mezhdunarodnoj konferencii (6–7 fevralya 2020 g., Moskva)*. IPM im. M.V. Keldysha, Moscow, pp. 200–210.
- Sirenko S.N. (2021) Operezhayushchee pedagogicheskoe obrazovanie kak instrument upravleniya budushchim [Forward Thinking Pedagogical Education as a Tool for Managing the Future]. *Proektirovanie budushchego. Problemy cifrovoj real'nosti: trudy 4-j Mezhdunarodnoj konferencii (4–5 fevralya 2021 g., Moskva)*. Moscow: IPM im. M.V. Keldysha. pp. 260–269.

Информация об авторах

Иванов Владимир Викторович, доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, заместитель президента РАН, Российская академия наук. Адрес: 119931, ГСП-1, Россия, Москва, Ленинский пр., 14. E-mail: nauka@presidium.ras.ru

Малинецкий Георгий Геннадьевич, доктор физико-математических наук, Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН. Адрес: 117452, Россия, Москва, Минская площадь, д. 4. E-mail: gmalin@keldysh.ru

Сиренко Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук, Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка» (Минск, Беларусь), sirenka@bspu.by

Колесников Андрей Витальевич, кандидат философских наук, Институт философии НАН Беларуси. Адрес: 220072, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2. E-mail: kolesnikov@philosophy.by

About the authors

Vladimir V. Ivanov, Doctor of Sciences (Economics), Corresponding Member, Russian Academy of Sciences. Address: 14, Leninsky Ave., Moscow, Russia, GSP-1, 119931. E-mail: nauka@presidium.ras.ru

Georgy G. Malinetsky, Doctor of Sciences (Physics and Mathematics), Keldysh Institute of Applied Mathematics of Russian Academy of Sciences. Address: 117452, Moscow, Miuskaya Square, 4. E-mail: gmalin@keldysh.ru

Svetlana N. Sirenko, Candidate of Sciences (Pedagogy), Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank. Address: 220030, Republic of Belarus, Minsk, st. Sovetskaya, 18. E-mail: sirenka@bspu.by

Andrey V. Kolesnikov, Candidate of Sciences (Philosophy), Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus. Address: 220072, Republic of Belarus, Minsk, st. Surganova, 1, building 2. E-mail: kolesnikov@philosophy.by

Статья поступила в редакцию / Received: 23.03.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 07.04.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 14.04.2022

DOI: 10.31857/S0869049922020022
EDN: EUWEDG

Оригинальная статья / Original Article

Отношения США и Индии: формирование союза или ситуативное партнерство?¹

© А.А. ДАВЫДОВ, А.В. КУПРИЯНОВ

Давыдов Алексей Андреевич, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), adavydov@imemo.ru. ORCID: 0000-0002-8899-8746

Куприянов Алексей Владимирович, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), a.kupriyanov@imemo.ru. ORCID: 0000-0002-9041-6514

Статья посвящена анализу двусторонних отношений Индии и США в контексте нового витка конфронтационной биполярности между Вашингтоном и Пекином. Авторы анализируют историческую динамику отношений США и Индии, в которой краткие периоды сближения сменялись стагнацией с последующим охлаждением, и демонстрируют, что политика Вашингтона в отношении Нью-Дели всегда носила конъюнктурный характер и зависела в первую очередь от развития событий в регионе Южной Азии и Индийского океана, а также от динамики отношений США с ключевыми азиатскими игроками – СССР и Китаем. Индия никогда не обладала самостоятельной значимостью для США, а наличие общих ценностей использовалось лишь для обоснования очередного сближения двух стран, вызванного сугубо прагматичными соображениями. В то же время Индии стратегически необходимо поддерживать тесные отношения с США, так как от них зависит развитие индийской экономики и способность Нью-Дели балансировать между крупными игроками. Авторы приходят к выводу, что на

¹ Финансирование. Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Funding. The article was prepared within the project «Post-Crisis World Order: Challenges and Technologies, Competition and Cooperation» supported by the grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement no. 075-15-2020-783).

нынешнем этапе императивы Вашингтона и Нью-Дели существенно не изменились, следовательно, говорить о глубокой трансформации американо-индийских отношений не приходится.

Ключевые слова: Индия, США, Джозеф Байден, Дональд Трамп, Барак Обама, внешняя политика США, пространственная политика США, политическое пространство, внешняя политика Индии

Цитирование: Давыдов А.А., Куприянов А.В. (2022) Отношения США и Индии: формирование союза или ситуативное партнерство? // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 21–34. DOI: 10.31857/S0869049922020022, EDN: EUWEDG

US-India Relations: An Alliance in the Making or a Temporary Partnership?

© A. DAVYDOV, A. KUPRIYANOV

Alexey A. Davydov, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, adavydov@imemo.ru. ORCID: 0000-0002-8899-8746

Alexey V. Kupriyanov, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, a.kupriyanov@imemo.ru. ORCID: 0000-0002-9041-6514

Abstract. The article analyzes bilateral relations between India and the United States in the context of a new round of confrontational bipolarity between Washington and Beijing. The analysis of the historical dynamics of relations between the United States and India demonstrate that the US policy towards New Delhi has always been of an opportunistic nature and depended primarily on the events in South Asia and the Indian Ocean, and on the dynamics of US relations with key Asian powers – the USSR and China. India has never had an independent value for the United States. The existence of common values has always been used by both parties only to justify the next rapprochement between them and has always been determined by purely pragmatic considerations. At the same time maintaining close relations with the United States is a strategic necessity for India, since the development of the Indian economy and the ability of New Delhi to balance between great powers depend on them. The authors come to the conclusion that today the imperatives of Washington and New Delhi have not changed significantly, therefore, there is no need to talk about a deep transformation of American-Indian relations.

Key words: India, USA, Joseph Biden, Donald Trump, Barack Obama, US foreign policy, US spatial policy, political space, Indian foreign policy

Citation: Davydov A., Kupriyanov A. (2021) US-India Relations: An Alliance in the Making or a Temporary Partnership? *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 21–34. DOI: 10.31857/S0869049922020022, EDN: EUWEDG

Начало третьего десятилетия XXI в. можно охарактеризовать как период наибольшего обострения международной конкуренции с окончания холодной войны. Наблюдаемая в последние десятилетия стратегическая линия крупнейших государств и международно-политических объединений на укрепление политической самостоятельности все больше способствует диверсификации их международных связей. Параллельно с этим процессом в последнее время наблюдается и обратная тенденция: на протяжении всех 2010-х гг. по мере обострения американо-китайских противоречий различные государства стремятся встроиться в логику новой конфронтационной bipolarности, чтобы обезопасить себя и – при удачном стечении обстоятельств – извлечь выгоду из столкновения гигантов.

Одним из наиболее ярких примеров пересечения двух процессов стало ускорившееся во второй половине 2010-х гг. укрепление отношений Соединенных Штатов и Индии. Сегодняшняя взаимная риторика, их внешнеполитические целеполагания и двусторонние взаимосвязи наглядно контрастируют с существовавшей еще двадцать лет назад ситуацией, когда отношения можно было охарактеризовать в лучшем случае как нейтрально-дружественные.

Рост обоюдной стратегической значимости этих стран в современных условиях трансформирующейся структуры международных отношений поднимает ряд важных исследовательских вопросов. Прежде всего они относятся к оценке качественного состояния двусторонних отношений США и Индии. Имеются ли предпосылки к долгосрочному закреплению данных отношений в качестве союзных, или же наблюдаемая сегодня динамика в перспективе представляет собой конъюнктурное колебание под воздействием международной ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе? Позволяет ли выстраиваемая структура двусторонних взаимосвязей характеризовать их как ассиметричные, или же страны настолько далеки друг от друга, что определяют линию стратегического поведения совершенно самостоятельно, сохраняя равную субъектность в международных делах?

Американо-индийские отношения традиционно находились в фокусе внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей. Советские и российские американисты изучали их в контексте внешней политики США в Южной Азии, региональных конфликтов и борьбы с национально-освободительными движениями. Среди таких исследований можно отдельно отметить классические труды В.А. Кременюка [Кременюк 1979; 1985], исследования Н.С. Бегловой [Беглова 1984], А.Д. Портнягина [Портнягин 1977, 189–203] и В.И. Батюка [Батюк 2021]. Изучали данную тему и отечественные индологи: среди ключевых фундаментальных работ можно выделить монографию и многочисленные статьи С.И. Лунева [Лунев 1987; 2018; 2020], а также классическую общую работу и статьи Ф.Н. Юрлова [Юрлов 2010; 2013]. Отдельными аспектами взаимодействия Индии и США занимались Н.Б. Лебедева [Лебедева 2019], А.И. Захаров [Захаров 2016] и Э.П. Шавлай [Шавлай 2020].

Большое внимание уделяют теме двусторонних отношений и англоязычные – в первую очередь индийские – исследователи, многие из которых тесно сотрудничают с американскими университетами и аналитическими центрами. Из сравнительно недавних работ можно упомянуть монографии Р. Чаудхури [Chaudhuri 1947], А. Бхардваджа [Bhardwaj 2018], Н. Ачарии [Acharya 2016], коллективный труд под редакцией С. Гангули, Э. Скобелла и Б. Шупа [Ganguly, Scobell, Shoup 2006], а также работу Х. Панта и Й. Джоши [Pant, Joshi 2015].

США для Индии, Индия для США

Становление американо-индийских отношений происходило преимущественно под влиянием внешних факторов и в относительно сложных обстоятельствах. Еще в конце 1930-х гг., до того, как Индия получила независимость, тема страданий индийского народа под британским правлением волновала американские интеллектуальные круги, что было обусловлено прежде всего исторически распространенными среди них антибританскими настроениями. Еще в 1941 г. президент США Ф.Д. Рузвельт поднимал перед премьер-министром Соединенного Королевства У. Черчиллем вопрос о необходимости деколонизации, которая отвечала стратегическим интересам Вашингтона по укреплению своих экономических позиций на новых рынках сбыта. Любые попытки повлиять на британскую позицию в отношении Индии Британия неизменно отвергала под предлогом того, что ин-

дийский вопрос – внутреннее дело империи, хотя президент неоднократно возвращался к этой проблеме [Dulles, Ridinger 2015; Rubin 2011]. Для рядовых же американцев непосредственное знакомство с индийскими реалиями произошло в годы Второй мировой войны, в ходе которой Индия стала базой для операций американских военно-воздушных и сухопутных сил, которые действовали против Японии на китайском и бирманском театрах военных действий [Raghavan 2018]. Соответственно, за пределами симпатий политического класса (изначально определенных внешними причинами) и интересов бизнеса, а также краткого по историческим меркам прямого контакта граждан в ходе войны, иных существенных внутренних императивов у США для развития отношений с Индией не было.

Достаточно сложным партнером Индия оказалась и во внешней политике. Первые ее шаги на внешнеполитическом поле продемонстрировали Вашингтону, что Индия, хоть и поддерживает саму идею деколонизации, не собирается менять одного господина на другого. Индийские элиты, которые трепетно относились к недавно обретенной независимости, изначально опасались коммунистической экспансии в Южной Азии, пытаясь балансировать между Великобританией и США. Впоследствии правительство Дж. Неру все больше смещалось в сторону нейтралитета, видя Индию лидером блока азиатских и африканских постколониальных государств [Singh 1976, 46].

В Вашингтоне стратегию в отношении Южной Азии изначально разрабатывали, исходя из необходимости сдержать рост влияния коммунистических сил, поддерживаемых СССР, а в последующем Китае². Блоковый подход во внешней политике определил непонимание Госдепартаментом всей сложности ситуации, которая складывалась в Южной и Юго-Восточной Азии, и привел к неудачным шагам: к примеру, в декабре 1947 г. США попытались надавить на Нью-Дели, вынудив Неру «немедленно примкнуть к демократическому лагерю», что вызвало негодование в индийских политических элитах [McMahon 1994, 40]. Визит премьер-министра Дж. Неру в США в 1949 г. помог разрешить ряд недопониманий, но не привел к прорыву в отношениях и характеризовался обеими сторонами как провальный.

В течение последующих десятилетий американско-индийские отношения развивались по неравномерной синусоиде, где редкие взлеты чередовались с глубокими падениями. Американские политики, заинтересованные в укреплении западного лагеря в холодной войне, зачастую воспринимали индийскую стратегию как лицемерную и двуличную. Так, Нью-Дели одним из первых признал Китайскую Народную Республику в 1949 г., а в Корейской войне 1950–53 гг. Индия поддержала силы ООН, направив в Корею мобильный госпиталь. Белый дом попытался укрепить свое влияние на политику Индии посредством отправки денежной и продовольственной помощи. В период с 1954 по 1971 гг. Вашингтон выделил Нью-Дели 57 млрд долл., из которых 25 млрд долл. пришлось на продовольственную помощь (данные в ценах 2019 г. Агентства США по международному развитию³). Тем самым США не только способствовали решению проблемы голода и нищеты в Индии, но и оказали поддержку своим фермерам.

В то же время Соединенные Штаты активно укрепляли сотрудничество с ключевым региональным противником Индии – Пакистаном, элиты которого с большим пониманием относились к блоковой политике Вашингтона. Исламабад в 1954 г. присоединился к Организации Договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО), в 1955 г. – к Организации Центрально-

² Democratic Party Platform 1952. The American Presidency Project. (<https://www.presidency.ucsb.edu/documents/1952-democratic-party-platform>).

³ USAID. The complete Foreign Aid Explorer dataset. USAID. (https://explorer.usaid.gov/prepared/us_foreign_aid_complete.csv).

го договора (СЕНТО), что способствовало наращиванию американской военной помощи Пакистану. За период 1954–1971 гг. Пакистан получил военной помощи на 5 млрд долл. и вооружения на 1,6 млрд долл., что превышало соответствующие поставки в Индию в 5 и в 3 раза соответственно (данные АМР в ценах 2019 г., данные СИПРИ в текущих ценах⁴). Несмотря на заверения Вашингтона в том, что он не допустит использования этих вооружений против Индии, в Нью-Дели такая диспропорция вызывала беспокойство.

Резкое потепление отношений США и Индии произошло в последние годы правления Д. Эйзенхауэра и при Дж. Кеннеди. Они рассматривали Индию как стратегического партнера и ключевого игрока в Южной Азии, который должен сдерживать экспансию коммунистического Китая. После начала индо-китайской войны в 1962 г. США оказали Индии значительную помощь оружием, боеприпасами и военным снаряжением, а после поражения Индии помогли восстановить боеспособность индийской армии. Всерьез обсуждался вопрос о возможном вмешательстве США в случае возникновения нового китайско-индийского конфликта – вплоть до применения ядерного оружия для защиты Индии⁵.

Поддерживая Индию, Вашингтон преследовал свои цели и неохотно шел на встречные уступки. Склоняя Индию к отходу от принципа нейтралитета, чтобы превратить ее в антикитайский плацдарм, США одновременно пытались сохранять хорошие отношения и с Индией, и с Пакистаном, но постепенно наращивали давление на Нью-Дели, пытаясь побудить его пойти на уступки в Кашмирском вопросе. Такая политика оказалась ошибочной и привела лишь к обострению двусторонних противоречий, вылившихся в новую индо-пакистанскую войну, прекратить которую удалось только совместными усилиями США и СССР⁶.

Провал политики «кнута и пряника», неопределенный результат войны, а также обострение ситуации во Вьетнаме значительно ослабили позиции США на субконтиненте и вынудили качественно пересмотреть свою стратегию в Азии и подходы к Индии. По мере укрепления советско-индийского сотрудничества Л. Джонсон и сменивший его Р. Никсон начали сближение с КНР в противовес СССР и постепенно отошли от поддержки Индии, делая ставку на союзный Китаю Пакистан. Данная тенденция наглядно проявилась в ходе третьей индо-пакистанской войны 1971 г., когда США обвинили Индию в агрессии и направили в Бенгальский залив авианосец «Энтерпрайз».

Сокрушительное поражение Пакистана в войне и общая переориентация на укрепление связей с Китаем способствовали упадку интереса американских элит к Южной Азии. Катастрофический итог Вьетнамской кампании, выход Пакистана из СЕНТО, революции в Иране и Афганистане отодвинули Южную Азию в сознании американских стратегов на периферию холодной войны. Несмотря на то что последовательная позиция Нью-Дели как лидера движения неприсоединения была объективно более выгодна СССР, Соединенные Штаты больше не пытались перетянуть Индию на свою сторону, ограничившись постепенным развитием торгово-экономических связей. Сложившаяся совокупность обстоятельств, по сути, выводила Нью-Дели из логики биполярного противостояния.

Окончание холодной войны, казалось, создало благоприятную почву для качественного изменения характера американско-индийских отношений. Тем не менее, стратегиче-

⁴ SIPRI Arms Transfers Database, Importer/exporter TIV tables. SIPRI. (<http://armstrade.sipri.org/armstrade/page/values.php>); USAID: Ibid.

⁵ JFK, aides considered nuclear arms in China-India clash. Taipei Times. (<http://www.taipetimes.com/News/world/archives/2005/08/27/2003269368>).

⁶ Братерский А. (2016) Как СССР помирил Индию и Пакистан. Газета.ру. 10 января 2016. (https://www.gazeta.ru/politics/2015/12/29_a_8002691.shtml).

ская линия США по отношению к Индии осталась прежней. Администрация Б. Клинтона пыталась заставить Индию провести структурные реформы, требовала либерализации экономики, неоднократно критиковала Нью-Дели за нарушение прав человека и подвергла сомнению легитимность действий индийских властей в Кашмире [Захаров 2016]. Дополнительной проблемой в двусторонних отношениях стало развитие индийской ядерной программы, из-за которой в 1998 г. Белый дом наложил на Индию санкции [Tellis 2006].

Прорыв в отношениях был достигнут лишь после того как США, столкнувшись с новой угрозой, пересмотрели приоритеты на индийском направлении. Последовавшая за терактами 11 сентября 2001 г. военная кампания в Афганистане значительно актуализировала для Вашингтона значимость геостратегического положения Индии и ее опыт борьбы с исламистскими сепаратистами. В 2004 г. было заявлено о «стратегическом партнерстве» между Нью-Дели и Вашингтоном, которое базируется на общих ценностях и интересах⁷. Дополнительным и наиболее значимым катализатором дальнейшего укрепления американо-индийского партнерства стал рост напряженности в отношениях Вашингтона и Пекина после того, как провалились попытки администрации Б. Обамы нарастить сотрудничество с КНР в рамках так называемой Большой двойки⁸. Показательно, что США выбрали в качестве концептуальной геополитической основы для формирования системы сдерживания Китая именно индийскую концепцию Индо-Тихоокеанского региона, сформулированную еще в 2007 г.

Таким образом, взаимная стратегическая значимость США и Индии определялась прежде всего трансформацией глобальной стратегии Соединенных Штатов. Политика Вашингтона по отношению к Нью-Дели всегда носила конъюнктурный характер и зависела в первую очередь от развития событий в сопредельных странах и регионе, а также от отношений США с Советским Союзом и Китаем. Когда отношения Вашингтона и Пекина улучшались, надобность в Индии как в противовесе китайскому влиянию отпадала, и американские политические элиты теряли к ней интерес. Фактор общих демократических ценностей использовался лишь для обоснования очередной попытки индийско-американского сближения. Индия, со своей стороны, на протяжении всей истории двусторонних отношений исходила из того, что ей нужна помощь США для обеспечения безопасности в условиях китайской угрозы, а также для развития своей экономики. Одновременно для Нью-Дели безусловным приоритетом остается сохранение стратегической автономии, а китайскую угрозу Индия не воспринимает как экзистенциальную в силу многовекового соседства.

Современная стратегия и двусторонние связи

Приход администрации Д. Трампа в Белый дом ознаменовал закрепление сформировавшегося еще при Б. Обаме концептуального видения политики США по отношению к Индии. Объявленная в ноябре 2017 г. американская индо-тихоокеанская стратегия подразумевала качественно иное позиционирование Индии в роли ключевого союзника США в Южной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Со стратегической точки зрения, Индия заняла центральное место в реализации индо-тихоокеанской стратегии США в АТР и Южной Азии. Администрация Д. Трампа на

⁷ United States – India Joint Statement on Next Steps in Strategic Partnership. The U.S. Department of State. (<https://2001-2009.state.gov/r/pa/prs/ps/2004/36290.htm>).

⁸ The United States and China: A G-2 in the Making? Brookings. (<https://www.brookings.edu/articles/the-united-states-and-china-a-g-2-in-the-making/>).

концептуальном уровне обосновала необходимость этой стратегии для укрепления принципов свободы и открытости в региональных отношениях, чтобы противодействовать устремлениям стран-ревизионистов – в первую очередь Китая. Скорее всего, данная линия будет проводиться и дальше, учитывая наличие межпартийного консенсуса по этому вопросу в Конгрессе.

На макроуровне АТР и Юго-Восточной Азии США, не скрывая антикитайскую направленность своих действий, пытаются выстраивать новые или укреплять существующие многосторонние форматы сотрудничества стран региона, подчеркивая центральное значение Индии в них. В настоящий момент политические интересы США и Индии в сфере безопасности в значительной мере совпадают. Обе страны заинтересованы в сдерживании Пекина, ослаблении его внешнеполитических позиций и срыве проекта «Пояса и пути». Так, значимым шагом стала реанимация в 2017 г. и подъем до министерского уровня в 2019 г. Четырехстороннего диалога по безопасности (Quadrilateral Security Dialogue, Quad) между США, Японией, Индией и Австралией, который затрагивает проблемы военно-морской безопасности, кибербезопасности, борьбы с терроризмом и инфраструктурной взаимосвязанности [Мишин 2020]. США указывают на открытый характер диалога и перспективу его расширения. Кроме того, следуя логике поддержки многосторонних форматов, Вашингтон особо подчеркивает роль АСЕАН как ключевого форума для развития региональных экономических отношений и активно поддерживает принятие Индии в состав АТЭС⁹.

Активизировались совместные учения США и Индии, а также их потенциальных союзников. Так, в 2020 г. Нью-Дели пригласил участвовать в трехсторонних военно-морских учениях «Малабар» Австралию, чего Индия раньше не делала во избежание обвинений в антикитайской направленности маневров¹⁰.

Между тем в долговременной перспективе взгляды Вашингтона и Нью-Дели существенно расходятся. Если США заинтересованы в том, чтобы сохранить мировую гегемонию или, по крайней мере, сформировать достаточно мощный союз, чтобы не допустить доминирования Пекина, то цель Индии – добиться от Китая признания в качестве великой державы и сформировать отдельный центр силы и зону влияния вокруг него, которая должна включать в себя всю Южную Азию (кроме Пакистана) и Индийский океан [Brewster 2014, 35–37]. Многие представители индийских политических и экспертных кругов настроены проамерикански, утверждая, что дальнейшему сближению с США нет альтернативы. Однако находящийся у власти альянс, который возглавляет «Бхаратия Джаната парти», отстаивает стратегию «мультиприсоединения» (multi-alignment), в рамках которой Индия развивала бы связи со всеми крупными игроками и их альянсами, сохраняя стратегическую автономию [Jaishankar 2020].

На уровне региона Южной Азии Соединенные Штаты используют Индию в качестве плацдарма для давления на Китай. Так, с приходом в Белый дом Д. Трампа США интенсифицировали начатую еще при Дж. Буше-мл. практику поддержки тибетского сепаратизма, стремясь привлечь к ней Индию и Непал. Вашингтон с 2018 г. ежегодно выделяет от 8 млн долл. неправительственным организациям (НПО) в Тибетском автономном районе КНР. От 6 млн долл. каждый год получают НПО на территории Индии и Непала на программы

⁹ Deputy Secretary Biegun Remarks at the U.S.-India Strategic Partnership Forum. The Department of State. (<https://www.state.gov/deputy-secretary-biegun-remarks-at-the-u-s-india-strategic-partnership-forum/>).

¹⁰ India is set to invite Australia to join controversial naval exercise with the US and Japan to counter China's aggression in the region after deadly border clash and COVID-19 origin row. Daily Mail. (<https://www.dailymail.co.uk/news/article-8543727/India-calls-Australia-help-contain-threat-China-Malabar-naval-exercises.html>).

сохранения тибетского культурного наследия, образовательные проекты и на воспитание новой плеяды тибетских лидеров. Также от 3 млн долл. ежегодно США предоставляют на укрепление работы тибетских государственных институтов¹¹.

При очередном витке обострения индо-пакистанского конфликта в 2016 г. Соединенные Штаты предпочли не вмешиваться в ситуацию, опасаясь, что односторонняя поддержка Индии существенно испортит отношения с Пакистаном, что могло серьезно обострить ситуацию в Афганистане. В связи с данным опасением администрация Д. Трампа решила не вводить против Пакистана санкции – не назначать его государством-спонсором терроризма или не лишать его статуса ключевого союзника США вне НАТО (все эти меры всерьез рассматривались в начале президентства Трампа)¹². После отмены в августе 2019 г. статьи 370 Конституции Индии, которая гарантировала штату Джамму и Кашмир автономию, Вашингтон воздержался от оценки этого шага, вместо этого предложив услуги посредника в переговорах между Нью-Дели и Исламабадом¹³.

Одновременно США пошли на определенные уступки Индии, чтобы не портить отношения с ключевым партнером в рамках индо-тихоокеанской стратегии. Вашингтон де-факто признал изменение статуса-кво в Кашмире и не стал вводить (по крайней мере пока) против Индии санкции за покупку российского вооружения (прежде всего С-400) и за сохранение минимальной доли импорта нефти из Ирана (в 2018 г. Индия импортировала из ИРИ нефть на 13,3 млрд долл., что составляло 7,9% от всего индийского нефтяного импорта, а в 2019 г. объем сократился на 78,2% до 2,9 млрд долл. или до 1,9% от импорта нефти)¹⁴. Вместо того, чтобы давить на Нью-Дели, Вашингтон стремится по возможности предлагать альтернативу – так, Индия, США и Израиль начали выстраивать трехстороннее сотрудничество между компаниями из Кремниевой долины, Тель-Авива и Бангалора для развития собственных технологий 5G с потенциалом вовлечения в эту кооперацию других стран-союзников США¹⁵.

На двустороннем уровне Соединенные Штаты предпринимают шаги для развития военно-стратегического партнерства с Индией. Качественные сдвиги произошли в рамках американо-индийской инициативы в области торговли оборонными технологиями (Defense Technology Trade Initiative, начатой в 2012 г.)¹⁶. За период президентства Д. Трампа США заключили с Индией соглашения по упрощению создания совместных производственных цепочек в области ВПК и по обмену информацией в области безопасности, что должно повысить совместимость различных типов вооружений США и Индии. В раз-

¹¹ Appropriations Status Table. The Congressional Research Service. (<https://crsreports.congress.gov/AppropriationsStatusTable/Index/AppropriationsStatusTable?id=2021>).

¹² Remarks by President Trump on the Strategy in Afghanistan and South Asia. The U.S. Department of State. (<https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-strategy-afghanistan-south-asia/>).

¹³ Remarks by President Trump in Press Conference. The White House. (<https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-press-conference-4>).

¹⁴ List of supplying markets for a product imported by India. Trademap. (https://www.trademap.org/tradestat/Country_SelProductCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c699%7c%7c%7c%7c27%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1).

¹⁵ From T3, the India-US-Israel tech alliance can become T11. Observer Research Foundation. (<https://www.orfonline.org/expert-speak/from-t3-the-india-us-israel-tech-alliance-can-become-t11-73161/>).

¹⁶ U.S. and India Deepen Bilateral Defense Trade, Sign Two Defense Technology and Trade Initiative Agreements. The U.S. Department of Defense. (<https://www.defense.gov/Newsroom/Releases/Release/Article/2044183/us-and-india-deepen-bilateral-defense-trade-sign-two-defense-technology-and-tra/>).

работке находится соглашение по обмену спутниковыми и топографическими данными для дальнейшей навигации.

США перевели Индию в категорию государств с наиболее облегченным режимом экспортного контроля чувствительных для безопасности товаров, услуг и технологий (в нее входят 37 стран). Такой режим действует в отношении 26 из 30 стран НАТО (кроме самих США, Албании, Черногории и Северной Македонии), 5 из 18 основных союзников вне НАТО и 6 стран, не имеющих формально союзнических отношений с США (Австрия, Финляндия, Индия, Ирландия, Швеция, Швейцария)¹⁷.

Соединенные Штаты наращивают объемы экспорта вооружений в Индию: сейчас на США приходится 0,64 из 2,9 млрд долл., или 21,6% от всего импорта вооружений Индии. По данному показателю США вышли на третье место после России (1,1 млрд долл., или 39,5%) и Израиля (0,7 млрд долл., или 24,7%). Важно отметить, что присутствие России на индийском оружейном рынке заметно снизилось в течение последних шести лет как в абсолютном значении (с 3,8 млрд долл. в 2013 г.), так и в долевом¹⁸.

Вашингтон также целенаправленно развивает торгово-экономическое сотрудничество с Нью-Дели. Хотя высказанное Д. Трампом в 2018 г. предложение о создании зоны свободной торговли с Индией так и не было реализовано, США многократно увеличили прямые инвестиции в Индию – они достигли 43,6 млрд долл., 13,8 млрд из которых были вложены в 2020 г.¹⁹. Общий товарооборот увеличился с 59,5 млрд долл. в 2009 г. до 146,1 млрд долл. в 2019 г., при этом торговля осуществляется с растущим дефицитом в пользу Индии (с 8,3 до 28,8 млрд долл.)²⁰. Данная тенденция в итоге вынудила администрацию Д. Трампа пойти на жесткие меры: она отменила преференциальный режим торговли с Индией, обвинив ее в поощрении протекционизма и злоупотреблении статусом страны с развивающейся экономикой. Тем не менее, меры, которые США применили в отношении Индии, оказались куда мягче примененных к Китаю²¹.

Для Индии двусторонние торгово-экономические отношения куда важнее, чем для США. Соединенные Штаты – один из крупнейших торговых партнеров Индии наравне с КНР: на них приходится 11,8% всего индийского внешнего товарооборота, тогда как доля Индии составляет всего 2,1% от американского (10-е место). Аналогично и с инвестициями: если на Индию приходится всего 2% от ПИИ в США (5 из 246 млрд долл.²²), то на США – 8% ПИИ в Индию, а если прибавить американских союзников, то их совокупная доля превышает 30%. Таким образом, для Индии торговля с США и приток американских инвестиций играют критическую роль, а разрыв этих связей повлечет за собой серьезные экономические трудности, однако для США Индия – сравнительно малозначимый торговый партнер, которым можно при необходимости пожертвовать.

Наконец, на американо-индийские отношения влияют настроения индийской общины в США, численность которой в 2018 г. составляла 4,1 млн человек (2% от всего населения

¹⁷ BIS License Exception Statistics. The U.S. Department of Commerce. (<https://bis.doc.gov/index.php/documents/technology-evaluation/ote-data-portal/2173-sta-use-july-2011-december-2016/file>).

¹⁸ SIPRI: Ibid.

¹⁹ Quarterly Fact Sheet on Foreign Direct Investment (FDI) from April, 2000 to March, 2021. Department for Promotion of Industry and Internal Trade. (https://dpiit.gov.in/sites/default/files/FDI_Factsheet_March,21.pdf).

²⁰ India. Office of the U.S. Trade Representative. (<https://ustr.gov/countries-regions/south-central-asia/india>).

²¹ U.S.-India Trade Relation. The Congressional Research Service. (<https://fas.org/sgp/crs/row/IF10384.pdf>).

²² United States: Foreign Investment. Santander Trade. (<https://santandertrade.com/en/portal/establish-overseas/united-states/foreign-investment>).

США). Сегодня индийское сообщество в США удерживает устойчивое лидерство по доходу на человека среди всех диаспор в стране, поскольку она главным образом состоит из высококвалифицированных специалистов [Thomas 2018]. Тем не менее, высокая интегрированность диаспоры в деловые и политические круги не приводит к росту проиндийского лоббизма. К примеру, участие в выборах на пост вице-президента США К. Харрис не мобилизовало диаспору, как произошло с Б. Обамой и афроамериканцами в 2008 г. Напротив, в индийской общине растут симпатии к республиканцам из-за того, что демократы, пытаясь завоевать голоса мусульман, неоднократно критиковали индийские власти за нарушение прав человека в Кашмире и упрекали республиканскую администрацию в игнорировании этой проблемы. В результате часть индийцев отказалась от традиционной поддержки Демократической партии²³ – даже несмотря на болезненные для диаспоры инициативы республиканцев по ограничению иммиграции²⁴.

Последние шаги администрации Байдена в отношении Индии (в частности, теплый прием, оказанный Н. Моди во время его визита в США в сентябре 2021 г., и тот факт, что во время его визита американская сторона избегала поднимать тему нарушения прав человека) вызвали жесткую критику со стороны американских правозащитников и части активистов Демократической партии. Однако новое руководство США дало понять, что планирует и дальше развивать связи с Нью-Дели, видя в нем противовес Пекину, и не готово открыто критиковать правительство Моди за нарушение прав человека. По словам высокопоставленных американских дипломатов, геостратегическое значение Индии для США настолько велико, что портить отношения с ней на нынешнем этапе нецелесообразно²⁵.

Выводы и перспектива

Динамика развития американо-индийских отношений явно демонстрирует их зависимость от трансформации системы международных отношений в целом и глобального стратегического целеполагания Соединенных Штатов в частности. В то время как Нью-Дели всегда был в большей степени заинтересован в развитии двусторонних торгово-экономических и инвестиционных связей, Вашингтон видел в Индии прежде всего региональную державу, потенциал которой можно использовать для сдерживания коммунистической – а затем просто китайской – экспансии, а также для борьбы с исламистским экстремизмом и терроризмом.

Структура двусторонних отношений носит в значительной степени ассиметричный характер. Данная особенность, однако, не дает оснований говорить о полной зависимости Индии от Соединенных Штатов. Последние наращивают свое военно-политическое сотрудничество с Нью-Дели по линии торговли вооружением и оборонными технологиями, пытаясь включить Индию в многосторонние антикитайские коалиции. Однако Индия отстаивает более инклюзивный подход к сотрудничеству в рамках своего индо-тихоокеанского видения и не рассматривает Китай как экзистенциального врага, а Россию как противника. В индийских политических и экспертных кругах имеется мощное проаме-

²³ Kashmir issue draws Indian-Americans to Republican camp. India Today. (<https://www.indiatoday.in/world/story/kashmir-issue-reasons-indian-american-shift-donald-trump-us-1722583-2020-09-17>).

²⁴ Why Trump's H-1B visa freeze will hurt India most. BBC. (<https://www.bbc.com/news/world-asia-india-53150214>).

²⁵ Toosi N. (2021) Biden needs India to counter China, but it comes with a cost. Politico. (<https://www.politico.com/news/2021/09/23/biden-modi-india-human-rights-china-514041>).

риканское лобби, которое продвигает мысль о том, что дальнейшее сближение с США не имеет альтернативы, но находящийся у власти альянс во главе с партией «Бхаратия Джаната парти» предпочитает сохранять стратегическую автономию. Устремления Индии выглядят куда скромнее американских и допускают достижение соглашения с Китаем о разделе сфер влияния, что потенциально может вывести Индию из активного противостояния с КНР.

Возросшее торгово-экономическое и военно-техническое сотрудничество между странами не привело к политическим шагам США навстречу Индии по чувствительным для нее вопросам. Более того, Вашингтон сохраняет в своем арсенале возможность наложить санкции за поставки российских С-400, за проблемы с правами человека, а также за политику Нью-Дели в Кашмире. Декларируемое стратегическое партнерство не сопровождается со стороны США подписанием обязующих оборонительных договоров или перевода Индии в статус основного союзника вне НАТО. В целом такая линия поведения совпадает с американским подходом в период правления Эйзенхауэра и Кеннеди, а также дополнительно подчеркивает ситуативный характер возросшей кооперации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батюк В.И. (2021) Индо-Тихоокеанская стратегия США и Евразия // Актуальные проблемы Европы. № 1. С. 135–153.
- Беглова Н.С. (1984) Политика США в Южной Азии. Современная внешняя политика США. В 2-х т. Т. 2. Отв. ред. Г.А. Трофименко. М.: Наука. С. 366–389.
- Захаров А.И. (2016) Отношения между США и Индией в 2000–2015 гг. // США и Канада: экономика, политика, культура. 2016. № 7. С. 53–67.
- Кременюк В.А. (1979) США и конфликты в странах Азии (70-е годы XX в.). М.: Наука. 222 с.
- Кременюк В.А. (1985) США: борьба против национально-освободительного движения. История и современность. М.: Мысль. 303 с.
- Лебедева Н.Б. (2019) Индийский океан: динамика отношений в треугольнике «Индия-США-Китай» (новые аспекты) // Нестабильность геостратегического пространства на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке: актуальные проблемы. № 1. С. 28–48.
- Лунев С.И. (1987) Индия и США: межгосударственные отношения. М.: Наука. 181 с.
- Лунев С.И. (2018) Балансирование Индии между США, Китаем и Россией // Запад-Восток-Россия 2017. Ежегодник. Москва. С. 70–76.
- Лунев С.И. (2020) Россия и Индия в Индо-Тихоокеанском регионе и фактор США // Актуальные проблемы Европы. № 1. С. 182–212.
- Мишин И. (2020) Политика США в Южно-Китайском море во время президентства Д.Трампа // Пути к миру и безопасности. № 1. С. 46–62.
- Портнягин А.Д. (1977) Политика США в странах Южной Азии // В: Политика США в Азии. Отв. ред.: В.А. Кременюк, В.П. Лукин, В.С. Руднев. М.: Наука. С. 189–203.
- Шавлай Э.П. (2020) Экономический вектор в отношениях Дели и Вашингтона: победит ли «химия» «математику»? // Актуальные проблемы Европы. № 1. С. 155–181.
- Юрлов Ф.Н. (2013) КНР, Индия и США: соотношение сил меняется // Азия и Африка сегодня. № 1. С. 2–9.
- Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. (2010) История Индии: XX век. М.: ИВРАН.
- Acharya N. (2016) The India – US Partnership: \$1 Trillion by 2030. Oxford: Oxford University Press. 262 p.

- Bhardwaj A. (2018) *India-America Relations (1942–62): Rooted in the Liberal International Order*. Milton Park: Routledge. 216 p.
- Brewster D. (2014) *India's Ocean: The Story of India's Bid for Regional Leadership*. London, New York: Routledge.
- Chaudhuri R. (2014) *Forged in Crisis: India and the United States Since 1947*. Oxford: Oxford University Press. 320 p.
- Dulles F.R., Ridinger G.E. (1955) The Anti-Colonial Policies of Franklin D. Roosevelt // *Political Science Quarterly*. Vol. 70. No. 1. Pp. 1–18.
- Ganguly S., Scobell A., Shoup B. (Ed(s)) (2006) *US-Indian Strategic Cooperation into the 21st Century: More than Words*. Milton Park: Routledge. 240 p.
- Jaishankar S. (2020) *The India Way: Strategies for an Uncertain World*. New Delhi: HarperCollins India.
- McMahon R.J. (1994) *The Cold War on the Periphery: The United States, India, and Pakistan*. New York: Columbia University Press. 448 p.
- Pant H., Joshi Y. (2015) *The US Pivot and Indian Foreign Policy: Asia's Evolving Balance of Power*. London: Palgrave Macmillan. 162 p.
- Raghavan S. (2018) *The Most Dangerous Place: A History of the United States in South Asia*. Haryana: Penguin Random House.
- Rubin E.S. (2011) America, Britain, and Swaraj: Anglo-American Relations and Indian Independence, 1939–1945 // *India Review*. Vol. 10. No. 1. Pp. 40–80.
- Singh B. (1976) *Indian Foreign Policy: An Analysis*. London: Asia Publishing House. 111 p.
- Tellis A. (2006) The Evolution of U.S.-Indian Ties: Missile Defense in an Emerging Strategic Relationship // *International Security*. Vol. 30. No. 4. Pp. 113–151.
- Thomas S. (2018) Student Migrants and the Diasporic Imagination: Educational Migration, Nationhood, and the Making of Indian Diaspora in the United States // *Interventions*. Vol. 21. No. 2. Pp. 255–272.

REFERENCES

- Acharya N. (2016) *The India–US Partnership: \$1 Trillion by 2030*. Oxford: Oxford University Press. 262 p.
- Batyuk V.I. (2021) Indo-Tikhookeanskaya strategiya SShA i Evraziya [US Indo-Pacific Strategy and Eurasia]. *Aktual'nye problemy Evropy*. no. 1, pp. 135–153.
- Beglova N.S. (1984) *Politika SShA v Yuzhnoj Azii. Sovremennaya vneshnyaya politika SShA*. [US Policy in South Asia. Contemporary U.S. Foreign Policy]. In 2 volumes. Vol. 2. Ed(s): G.A. Trofimenko. Moscow: Nauka. pp. 366–389.
- Bhardwaj A. (2018) *India-America Relations (1942–62): Rooted in the Liberal International Order*. Milton Park: Routledge. 216 p.
- Brewster D. (2014) *India's Ocean: The Story of India's Bid for Regional Leadership*. London, New York: Routledge.
- Chaudhuri R. (2014) *Forged in Crisis: India and the United States Since 1947*. Oxford: Oxford University Press. 320 p.
- Dulles F.R., Ridinger G.E. (1955) The Anti-Colonial Policies of Franklin D. Roosevelt. *Political Science Quarterly*. vol. 70, no. 1, pp. 1–18.
- Ganguly S., Scobell A., Shoup B. (Ed.) (2006) *US-Indian Strategic Cooperation into the 21st Century: More than Words*. Milton Park: Routledge. 240 p.
- Jaishankar S. (2020) *The India Way: Strategies for an Uncertain World*. New Delhi: HarperCollins India.

Kremenjuk V.A. (1979) *SShA i konflikty v stranakh Azii (70-e gody XX v.)* [USA and Conflicts in Asian Countries (70s of XX Century)]. Moscow: Nauka. 222 p.

Kremenjuk V.A. (1985) *SShA: bor'ba protiv natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya. Istoriya i sovremennost'* [USA: the Fight against the National Liberation Movement. History and Modernity]. Moscow: Mysl'. 303 p.

Lebedeva N.B. (2019) *Indijskij okean: dinamika otnoshenij v treugol'nike «Indiya-SShA-Kitaj» (novye aspekty)* [Indian Ocean: Dynamics of Relations in the India-USA-China Triangle (New Aspects)]. *Nestabil'nost' geostrategicheskogo prostranstva na Blizhnem, Srednem i Dal'nem Vostoke: aktual'nye problemy*. no. 1, pp. 28–48.

Lunyov S.I. (1987) *Indiya i SShA: mezhgosudarstvennyye otnosheniya* [India and Usa: Interstate Relations]. Moscow: Nauka. 181 p.

Lunyov S.I. (2018) *Balansirovanie Indii mezhdou SShA, Kitaem i Rossiej* [India balancing between the US, China and Russia]. *Yearbook Zapad-Vostok-Rossiya 2017*. Moscow. pp. 70–76.

Lunyov S.I. (2020) *Rossiya i Indiya v Indo-Tikhookeanskom regione i faktor SShA* [Russia and India in the Indo-Pacific region and the US factor]. *Aktual'nye problemy Evropy*. no. 1, pp. 182–212.

McMahon R.J. (1994) *The Cold War on the Periphery: The United States, India, and Pakistan*. New York: Columbia University Press. 448 p.

Mishin I. (2020) *Politika SShA v Yuzhno-Kitajskom more vo vremya prezidentstva D.Trampa* [U.S. policy in the South China Sea during the Trump presidency]. *Puti k miru i bezopasnosti*. no. 1, pp. 46–62.

Pant H., Joshi Y. (2015) *The US Pivot and Indian Foreign Policy: Asia's Evolving Balance of Power*. London: Palgrave Macmillan. 162 p.

Portnyagin A.D. (1977) *Politika SShA v stranakh Yuzhnoj Azii. Politika SShA v Azii* [US Policy in South Asia. US Policy in Asia]. Ed(s): V.A. Kremenjuk, V.P. Lukin, V.S. Rudnev. Moscow: Nauka. pp. 189–203.

Raghavan S. (2018) *The Most Dangerous Place: A History of the United States in South Asia*. Haryana: Penguin Random House.

Rubin E.S. (2011) *America, Britain, and Swaraj: Anglo-American Relations and Indian Independence, 1939–1945*. *India Review*. vol. 10, no. 1, pp. 40–80.

Shavlaj Eh.P. (2020) *Ehkonomicheskij vektor v otnosheniyakh Deli i Vashingtona: pobedit li «khi-miya» «matematiku»?* [The Economic Vector in Relations between New Delhi and Washington: Will «Chemistry» Prevail over «Mathematics»?]. *Aktual'nye problemy Evropy*. no. 1, pp. 155–181.

Singh B. (1976) *Indian Foreign Policy: An Analysis*. London: Asia Publishing House. 111 p.

Tellis A. (2006) *The Evolution of U.S.-Indian Ties: Missile Defense in an Emerging Strategic Relationship*. *International Security*. vol. 30, no. 4, pp. 113–151.

Thomas S. (2018) *Student Migrants and the Diasporic Imagination: Educational Migration, Nationhood, and the Making of Indian Diaspora in the United States*. *Interventions*. vol. 21, no. 2, pp. 255–272.

Yurlov F.N. (2013) *KNR, Indiya i SShA: sootnoshenie sil menyaetsya* [China, India and the United States: the Balance of Power is Changing]. *Aziya i Afrika segodnya*. no. 1, pp. 2–9.

Yurlov F.N., Yurlova E.S. (2010) *Istoriya Indii: XX Vek* [History of India: XX Century]. Moscow: IVRAN.

Zakharov A.I. (2016) *Otnosheniya mezhdou SShA i Indiej v 2000–2015 gg.* [Relations between the United States and India in 2000–2015]. *SShA i Kanada: ehkonomika, politika, kul'tura*. no. 7, pp. 53–67.

Информация об авторах

Давыдов Алексей Андреевич, кандидат политических наук, научный сотрудник Центра североамериканских исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997. E-mail: adavydov@imemo.ru

Куприянов Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, руководитель группы Южной Азии и региона Индийского океана Центра азиатско-тихоокеанских исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997. E-mail: a.kupriyanov@imemo.ru

About the authors

Alexey A. Davydov, Candidate of Sciences (Politics), Research Fellow, Center for North American Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Address: 117997, Moscow, Profsoyuznaya Street, 23. E-mail: adavydov@imemo.ru

Alexey V. Kupriyanov, Candidate of Sciences (History), Head of the Group on South Asia and Indian Ocean, Center for Asia Pacific Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Address: 117997, Moscow, Profsoyuznaya Street, 23. E-mail: a.kupriyanov@imemo.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 28.10.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 10.11.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 18.11.2021

DOI: 10.31857/S0869049922020034
EDN: EUZGAJ

Оригинальная статья / Original Article

Фактор Австралии во внешней политике Британии

© К.А. ГОДОВАНЮК

Годованюк Кира Анатольевна, Институт Европы Российской академии наук (Москва, Россия), kira.godovanyuk@gmail.com. ORCID: 0000-0002-5205-0021

В статье рассмотрено австралийское направление внешней политики Британии в условиях меняющегося миропорядка. Автор отмечает, что Лондон воспринимает Канберру ключевым партнером в ценностно-идеологическом контексте (общая англо-саксонская идентичность), как важное звено союзнической оси стран-единомышленников («сеть свободы и демократии»), а также в геостратегическом значении как площадку для расширения влияния в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР). Основой «особого» партнерства двух стран на современном этапе стали новые договоренности, в том числе «историческое» торговое соглашение, направленное на расширение экономических связей, углубленное политическое и дипломатическое взаимодействие и активизация оборонно-технического сотрудничества с опорой на новый военно-политический альянс трех англосаксонских держав AUKUS. Одновременно на смену традиционному прагматизму внешней политики Австралии, которая позиционирует себя ответственным международным актором, пришла растущая военно-политическая и экономическая зависимость от союзников, что непосредственно отвечает интересам Лондона. Сближение с Австралией позволяет Британии представить себя важнейшей частью системы антикитайских союзов в ИТР, в авангарде которых находятся именно Вашингтон и Канберра.

Ключевые слова: «Глобальная Британия», Австралия, США, Китай, Индо-Пацифика, оборонное сотрудничество, морские маневры, AUKUS, Оборонное соглашение пяти держав, кибербезопасность

Цитирование: Годованюк К.А. (2022) Фактор Австралии во внешней политике Британии // Общественные науки и современность. № 2. С. 35–47. DOI: 10.31857/S0869049922020034, EDN: EUZGAJ

The Factor of Australia in UK Foreign Policy

© K. GODOVANYUK

Kira A. Godovanyuk, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), kira.godovanyuk@gmail.com. ORCID: 0000-0002-5205-0021

Abstract. The article outlines the Australian component of UK foreign policy in the context of the shifting world order. The author highlights that, in the value and ideological sense and due to the common Anglo-Saxon identity, London considers Canberra to play a key role in the coalition of like-minded countries (a “network of freedom and democracy”), and, in geostrategic terms, as a breeding ground to grow the UK influence into the Indo-Pacific region. The “special” partnership between the two countries at the present stage is underpinned by a number of new agreements, including a “historical” trade deal aimed at expanding economic ties, in-depth political, diplomatic and defense cooperation, based on a new military alliance AUKUS. At the same time, the traditional pragmatism inherent in the foreign policy of Australia, which positions itself as a good international citizen, is being replaced by an increasing military-political and economic dependence, which plays into the hands of London. Coming closer with Australia would also allow Britain to present itself as a key extraregional player in the system of anti-Chinese alliances in the Indo-Pacific, in the forefront of which are Washington and Canberra.

Key words: Global Britain, Australia, US, China, Indo-Pacific, defence cooperation, naval exercises, AUKUS, Five Power Defence Arrangement, cyber security

Citation: Godovanyuk K. (2022) The Factor of Australia in UK Foreign Policy. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no.2, pp. 35–47. DOI: 10.31857/S0869049922020034, EDN: EUZGAJ

Введение

После брекзита Лондон активно восстанавливает ослабевшие по разным причинам союзы и рассчитывает на сближение с традиционными партнерами за счет политических, оборонных и экономических соглашений, а также ценностных установок, направленных на сохранение либерального миропорядка. Речь идет об укреплении двустороннего диалога со странами-единомышленниками, о «подключении» союзников к международной повестке, которая отвечает британским внешнеполитическим интересам, о новых торговых соглашениях [Британия после брекзита 2021, 13–34; *Портанский* 2020], а также о военно-политических партнерствах в Евро-Атлантике и Индо-Пацифике в соответствии с новой стратегией национальной безопасности [*Ананьева, Годованюк* 2021].

С отдельными странами Лондон выстраивает ситуативные союзы (Турция), государства Северной и Восточной Европы он рассматривает прежде всего как союзников в геополитическом противостоянии с РФ, а связи с Индией или Бразилией оценивает, исходя из долгосрочных геостратегических и геоэкономических интересов. Особняком в современной системе союзов Британии стоит Австралия, партнерство с которой обусловлено комплексом исторических, экономических, политических, военных и стратегических интересов, основанных на общей идентичности и оценке угроз современному миропорядку.

Предпосылки партнерства: общая идентичность и внешнеполитические традиции

С брекзитом на первый план в интеллектуальных дискуссиях вышли вопросы идентичности, которые отражают мифы о противоборстве «англо-саксонской» и «европейской» природы британской внешней политики [Vucetic 2022].

Не утихают споры о том, стало ли особое внимание к «англосфере»¹ неизбежным следствием выхода из Евросоюза или его причиной, как на то указывали брекзитеры. Среди экспертов нет единства по вопросу о том, что считать «англосферой». Ее воспринимали либо как отсылку к имперскому прошлому Британии [Hill 2019], либо как синоним разведывательного Альянса «Пять глаз» (США, Великобритания, Австралия, Канада и Новая Зеландия). В ряде зарубежных исследований сообщество англоговорящих стран рассматривается как «условный геополитический актор», вес которого в мировой политике возрос из-за выхода Британии из ЕС [Peteres 2021]. Такая установка начала доминировать в стратегическом планировании Соединенного Королевства на фоне риторики об отмежевании от Европейского союза, усилении атлантизма и его интерпретации в восточном полушарии – продвижении американской трактовки безопасности в Индо-Пацифике.

В отличие от бывшей метрополии, Австралия не страдает от комплекса особой роли на мировой арене, воспринимая именно бассейн Тихого океана и Юго-Восточную Азию как сферу своих приоритетов. В 1988 г. министр иностранных дел Австралии Г. Эванс (Лейбористская партия) выдвинул концепцию «ответственного международного актора» (good international citizenship) как базовую установку внешней политики [Evans 2022]. Проводя модернизацию политического курса, британские «новые лейбористы» адаптировали австралийскую концепцию под задачи «третьего пути», определив своей целью «этическую внешнюю политику» [Wheeler, Dunne 1998]. Позже идеологическая рамка британской стратегии претерпела несколько трансформаций, обретя черты «Глобальной Британии» как символа отказа от европоцентричной внешней политики. Австралийской внешней политике не были свойственны идеологические «качели», а адаптация к меняющейся международной среде проходила более инертно. Зарубежные и российские авторы едины в оценках, что в международных отношениях Канберра охотно действует как «средняя держава»² [Ungerer 2007; Алешин 2020].

Австралия никогда не воспринимала объединение бывших британских колоний и доминионов как магистральную линию внешней политики, хотя именно Содружество наций остается символом неразрывной истории и общей идентичности, а значит, и общности интересов Лондона и Канберры. Исследователи обращали внимание, что действия Австралии в логике «ответственного международного актора» отчетливо проявились именно в рамках Содружества, где ей удавалось даже выступать медиатором [Bridge 2006].

Последние 20 лет страна позиционировала себя частью коллективного Запада, участвуя в военных миссиях НАТО – например, в Афганистане в 2001 г. В июне 2012 г. Австралия подписала с Североатлантическим Альянсом Политическую декларацию, за которой

¹ «Англосфера» – собирательный термин для англоговорящих стран (США, Великобритания, Канада, Новая Зеландия, Австралия) [Wellings, Mycock 2019].

² Теоретики международных отношений начали оперировать термином «средние державы» после Второй мировой войны преимущественно для обозначения статуса Австралии и Канады. В отсутствие строгого определения различные школы международных отношений предлагают свою трактовку данного термина. В идейной парадигме неореализма, который доминировал до середины прошлого века, общепринятой была дихотомия «великие державы» vs «другие». Позже классификация «средних держав» преимущественно происходила через функциональные, поведенческие и иерархические характеристики [Chapnick 1999, 73-82].

последовали специальные программы индивидуального партнерства и сотрудничества в 2013 и 2017 гг. (Individual Partnership and Cooperation Programs). В 2014 г. Канберра получила статус партнера НАТО с расширенными возможностями. Впоследствии она стала частью глобальной коалиции по борьбе с ИГИЛ/ДАИШ³, выступала операционным партнером Альянса в Ираке и вносила вклад в миссии НАТО по борьбе с пиратством.

В 2014 г. бывший британский доминион принял антироссийские санкции в связи с воссоединением Крыма с РФ, а в 2018 г. на фоне скандала вокруг «дела Скрипалей» выслал двух российских дипломатов. Австралия как часть англосаксонского мира разделяет принципы неolibерального миропорядка с центром в Вашингтоне на фоне углубившегося раскола между «коллективным Западом» и странами, бросающими ему вызов (РФ, Китай и др.).

Британия, которая позиционирует себя «силой добра» и «защитницей демократических ценностей», выступила с инициативой принять Австралию в «клуб западных демократий» (D10). В ответ премьер-министр С. Моррисон предложил накануне саммита Группы семи в 2021 г.⁴ «восстановить гармонию либерального миропорядка», частью которого видит себя и Канберра⁵. В связи со специальной военной операцией РФ на территории Украины Австралия приняла несколько пакетов антироссийских санкций в отношении банков, юридических и физических лиц, в том числе журналистов.

С выдвиганием концепции безопасной Индо-Пацифики заявка Канберры на региональное лидерство стала более очевидной, что можно объяснить, в том числе, ее географическим положением на пересечении Индийского и Тихого океанов (в центре геополитического конструкта ИТР). В 2013 г. Австралия первой включила термин Индо-Пацифика в оборонную стратегию.

Несмотря на то, что в стране фактически сформировался внутривосточный консенсус на основе синофобии [Brophy 2021], исследователи все чаще высказывают сомнения в том, что Канберре удастся сохранить за собой роль «ответственного международного актора» в условиях нарастающего противостояния с КНР [Abbondanza 2021]. В 2018 г. Австралия одной из первых стран «коллективного Запада» официально запретила использовать телекоммуникационное оборудование компании Huawei и ZTE. Отношения с Поднебесной ухудшились еще сильнее после того, как в апреле 2020 г. австралийское правительство призвало к «международному всестороннему расследованию причин пандемии COVID-19 и роли в нем КНР»⁶. В таких условиях для австралийской внешней политики стала жизненно необходима поддержка со стороны внерегиональных союзников, которые претендуют на лидерство в регионе.

Одновременно, пересмотрев приоритеты внешней политики вследствие брекзита, Британия определила Индо-Пацифику и как зону собственных интересов [Годованюк 2020]. В Комплексном обзоре национальной безопасности (март 2021 г.) Лондон признал особую роль средних держав в трансформирующемся миропорядке, а Австралию – важнейшим союзником в регионе.

³ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

⁴ В 2021 г. Австралию наряду с Индией и Южной Африкой пригласили в Корнуолл, где проходил саммит Группы семи. При этом, по сообщениям СМИ, С. Моррисон высказывал разочарование, что ему не удалось провести двустороннюю встречу с президентом США Дж. Байденом, поскольку к их разговору присоединился британский премьер-министр Б. Джонсон.

⁵ We Aussies want to use our G7 invite to help build an enduring liberal order. The Telegraph. 11 June 2021. (<https://www.telegraph.co.uk/news/2021/06/11/aussies-want-use-g7-invite-help-build-enduring-liberal-order/>).

⁶ Marise Payne calls for global inquiry into China's handling of the coronavirus outbreak. ABC News. Sun 19 Apr 2020. (<https://www.abc.net.au/news/2020-04-19/payne-calls-for-inquiry-china-handling-of-coronavirus-covid-19/12162968>).

Британо-австралийское партнерство: экономический аспект

Австралия первой из стран «коллективного Запада» приняла «удар санкционного ответа» со стороны Пекина, продемонстрировав на практике «отделение» от Поднебесной (decoupling). В 2020 г. торговля с КНР обеспечивала 29% всего товарооборота и 39% австралийского экспорта⁷. Однако в ответ на открытую антикитайскую линию Китай сократил объемы импорта из Австралии, установив пошлины на ряд товаров (ячмень, вино, говядину, хлопок, железную руду). Масштаб бойкота австралийских товаров со стороны Китая оказался беспрецедентным, затронув 13 секторов. Наиболее ощутимыми стали ограничительные меры в отношении экспорта угля, почти четверть объема международных продаж которого приходилась на КНР⁸.

Стремясь минимизировать негативный эффект для своей экономики, Канберра в 2021 г. возобновила буксующие с 2018 г. переговоры по торговому соглашению с ЕС. Вышло на первый план торговое соглашение с Лондоном, параметры которого прорабатывала специальная рабочая группа еще с 2016 г.

Британия – второй после США крупнейший иностранный инвестор в австралийскую экономику. Тем не менее, объемы торговли остаются весьма скромными. В 2020 г. Австралия стала 7-м торговым партнером Лондона вне ЕС с товарооборотом в 13,9 млрд ф. ст. (экспорт составил 9,8 млрд ф. ст., импорт – 4,1 млрд ф. ст.). Для сравнения: годовой объем торговли Соединенного Королевства с ЕС – 660 млрд ф. ст. Общие параметры Соглашения о свободной торговле между Лондоном и Канберрой были согласованы в июне 2021 г., а в декабре 2021 г. документ был подписан⁹. Однако договор вступит в силу только после обсуждения в парламенте, что, по разным оценкам, может затянуться до 2023 г.

Для Британии сделка стала первой «с нуля» после завершения переходного периода в отношениях с ЕС. Все заключенные ранее торговые соглашения (с Японией, Канадой и пр.) были «калькой» распространявшихся ранее на Лондон соглашений Брюсселя с третьими странами. Британское правительство объявило торговую сделку с Канберрой приоритетом, руководствуясь интересами, которые не исчерпываются причинами экономического характера. В политическом аспекте договор призван продемонстрировать успехи независимой торговой политики «Глобальной Британии». Подчеркивая особенность сделки, британский истеблишмент подтвердил исключительный статус Австралии в собственных внешнеполитических приоритетах. В июне 2021 г. министр международной торговли Л. Трасс, в частности, назвала договоренности «историческими», которые станут «золотым стандартом» торговых соглашений эпохи постбрекзита. Однако, по оценкам аналитиков, максимально возможная экономическая выгода Британии составит от 0,01 до 0,02% ВВП (500 млн ф. ст. в течение 15 лет при оптимистичном сценарии)¹⁰.

Переговоры существенно облегчал тот факт, что Австралия представляет собой относительно небольшую и открытую экономику, которая установила минимальные торговые

⁷ Australia's trade in goods with China in 2020. Australian Bureau of Statistics. (<https://www.abs.gov.au/articles/australias-trade-goods-china-2020>).

⁸ Австралия ежегодно добывает около 500 млн тонн угля, большую часть которого (до 75%) она экспортирует. В 2019 г. страна экспортировала уголь на 64 млрд долл., что обеспечило до 8,3% ВВП.

⁹ UK-Australia Free Trade Agreement. Gov.uk. (<https://www.gov.uk/government/collections/uk-australia-free-trade-agreement>).

¹⁰ UK-Australia free trade agreement: the UK's strategic approach. Gov.uk. (<https://www.gov.uk/government/publications/uks-approach-to-negotiating-a-free-trade-agreement-with-australia/uk-australia-free-trade-agreement-the-uks-strategic-approach>).

барьеры на товары и инвестиции из Великобритании. Стороны договорились отменить все тарифы на экспортируемые британские товары, в частности на машины, виски, продукцию текстильной промышленности и пр. (товарооборот примерно на 4 млрд ф. ст.) и почти на все австралийские товары, экспортируемые в Британию.

Сделка открывает для Австралии британский рынок животноводства и сельского хозяйства (говядина, баранина, молочные продукты, сахар и пр.), на которые пока распространяются квоты. Решено, что после вступления договора в силу тарифы и квоты, например, на говядину и баранину сократят в течение 15 лет, на сахар – в течение 8 лет. Однако против соглашения выступили британские фермеры¹¹, для которых сделка стала «неприятным рождественским подарком». Они высказали опасения, что либерализация рынка ударит по британским производителям, в несколько раз увеличит импорт и усилит сепаратистские настроения в Шотландии. Также сделка с Австралией, как и гипотетическое торговое соглашение с США, вызвала обеспокоенность из-за возможного понижения стандартов производства (австралийские фермеры используют пестициды), поскольку в документе не прописан механизм контроля стандартов.

Разработчики рассчитывают, что торговое соглашение будет стимулировать онлайн-торговлю, создаст возможности для свободного «движения цифровых данных» и общую «электронную среду» в сфере коммерческих услуг. Последний пункт вызывает беспокойство у британцев из-за опасений, что британские стандарты регулирования интернет-среды могут быть снижены.

Договор не предполагает свободу передвижения рабочей силы между Британией и Австралией, как ожидалось ранее, однако предусматривает меры, значительно облегчающие передвижение молодежи (от 18 до 35 лет). В рамках специальной схемы мобильности австралийцы смогут находиться в Великобритании в течение трех лет.

Что более важно, торговое соглашение, наряду с заключенным ранее договором с Японией, открывает Британии путь во Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (СРТПП), переговоры по которому начались в июне 2021 г.¹² Объемы торговли Великобританией со странами данной группы в 2019 г. составили 111 трлн ф. ст., увеличившись на 8% с 2016 г. Лондон рассчитывает, что Канберра окажет ему лоббистскую поддержку в вопросе вступления в данный экономический блок.

Военно-политическое сотрудничество: региональный аспект

Со второй половины XX в. Великобритания по решению лейбористского правительства Г. Вильсона вывела большую часть военного контингента из региона «к Востоку от Суэца», утратив стратегические позиции в бассейне Индийского и Тихого океанов. В 1966 г. премьер-министр Австралии Г. Холт называл такое решение исторической ошибкой, «поскольку стабильный и мирный прогресс» в регионе нуждался «в моральной, материальной и военной поддержке со стороны Соединенного Королевства»¹³. Эксперты указывали, что именно опора на Австралию позволяла Лондону «ошутить terra firma в регионе» [Howard 1966]. Переориентация бывших доминионов на сотрудничество с Вашингтоном,

¹¹ Farmers' opposition to UK-Australia trade deal grows. BBC. 2 June 2021. (<https://www.bbc.com/news/science-environment-57268681>).

¹² Britain launches negotiations with £9 trillion Pacific free trade area. Gov.uk. 21 June 2021. (<https://www.gov.uk/government/news/britain-launches-negotiations-with-9-trillion-pacific-free-trade-area>).

¹³ Will AUKUS cement 'Global Britain'? ASPI Strategist. (<https://www.aspistrategist.org.au/will-aucus-cement-global-britain>).

подкрепленное в 1951 г. военно-политическим соглашением Австралии, Новой Зеландии и США (ANZUS), означала фактически «сужение» зоны влияния Соединенного Королевства до европейского континента.

Британия, тем не менее, не ушла из региона полностью. Так, подписанное в 1971 г. Оборонное соглашение пяти держав (Австралия, Малайзия, Новая Зеландия, Сингапур и Соединенное Королевство), по мнению экспертов, позволило Великобритании присоединиться к «экосистеме оборонных союзов» в Юго-Восточной Азии. Договоренности не аналогичны принципу коллективной обороны НАТО – они обязывают страны консультироваться в случае нападения на одну из них. Сегодня такие форматы наряду с Альянсом «Пять глаз» приобретают особую ценность для британской внешней политики, несмотря на то, что, как указывают многие, они остаются «наследием империи и эпохи холодной войны».

Повышенный интерес к военно-политической кооперации с Австралией демонстрировало коалиционное правительство консерваторов и либеральных демократов (2010–2015 гг.), которое задолго до брексита проводило политику диверсификации торговых и политических партнеров. В 2013 г. страны подписали Соглашение об обороне и военном сотрудничестве (Australia–United Kingdom Defence and Security Cooperation Treaty)¹⁴. После длительного перерыва был реанимирован министерский диалог AUKMIN¹⁵ по линии глав внешнеполитических и оборонных ведомств.

В стратегических документах Австралии зафиксирован приоритетный характер сотрудничества с Британией. Так, в Белой книге по обороне 2016 г. отмечено, что британо-австралийские отношения базируются на исторических и культурных связях. Обе страны выступают в пользу «порядка, основанного на правилах», согласуют подходы к обеспечению международной безопасности и сходятся в оценках угроз¹⁶. В Белой книге по внешней политике Австралии 2017 г. Британия обозначена в качестве самого важного международного партнера¹⁷.

С 2017 г. с подачи Вашингтона Канберра активно вовлечена в антикитайские политические форматы в регионе. Например, она участвует в реанимированном Д. Трампом четырехстороннем диалоге по безопасности с Индией, США и Японией. С приходом администрации Дж. Байдена роль военно-политических союзов в Тихом океане возросла в связи с американским видением концепции «свободной и открытой Индо-Пацифики» [Wallis, Powles 2021]. В соответствии с общим трендом на милитаризацию региона обновленная Стратегия обороны Австралии от 2020 г. предусматривает существенное увеличение военных расходов (свыше 270 млрд долл. в течение ближайших 10 лет)¹⁸. Такая тенденция открывает дополнительные «окна возможностей» для укрепления стратегических позиций «Глобальной Британии» как «естественного союзника» Канберры в долгосрочной перспективе и несет прямые выгоды для британского ВПК.

С 2017 г. стороны ведут министерский диалог высокого уровня по вопросам обороны и оборонного сотрудничества Defence Industry and Capability Dialogue, направленный на

¹⁴ Australia–UK defence arrangements. ASPI Strategist. (<https://www.aspistrategist.org.au/australia-uk-defence-arrangements>).

¹⁵ Британия и Австралия начали регулярные консультации в формате AUKMIN в 2006 г.

¹⁶ Defence White Paper. 2016. (<https://www.defence.gov.au/whitepaper/Docs/2016-Defence-White-Paper.pdf>). P. 137–138.

¹⁷ 2017 Foreign Policy White Paper. (<https://www.dfat.gov.au/publications/minisite/2017-foreign-policy-white-paper/fpwhitepaper/foreign-policy-white-paper/chapter-six-global-cooperation/our-global-partnerships.html>).

¹⁸ Defending Australia and its interests. Prime Minister of Australia. (<https://www.pm.gov.au/media/defending-australia-and-its-interests>).

тесную кооперацию в области оборонной промышленности. Уже через год британская BAE System выиграла тендер на разработку и строительство девяти фрегатов нового поколения Hunter-class на основе британского «Глобального боевого корабля» Type 26 для Королевского ВМФ Австралии. Производством займется судостроительная компания ASC Shipbuilding в Осборне в Южной Австралии (родина австралийского кораблестроения). Важнейшие аспекты сотрудничества были отмечены в специальном меморандуме министров обороны двух стран в октябре 2020 г.¹⁹

Возвращение Британии в регион выражалось в первую очередь в военно-морской активности при поддержке ближайших союзников. Важнейшим событием повестки 2021 г. стали военно-морские маневры авианосной группы, анонсированные еще в 2017 г. министром иностранных дел Б. Джонсоном в ходе его визита в Сидней. Маневры в ИТР Британия активно координировала с Австралией. Более того, было решено, что в регионе на постоянной основе будут находиться два британских военных корабля HMS Spey и HMS Tamag, которые будет поддерживать ВМФ Австралии.

Кроме того, в июле 2021 г. начались масштабные военные учения Австралии и США, к которым также присоединились 11 государств, в том числе Великобритания²⁰. Через месяц военно-морские силы двух стран активно участвовали в учениях Bersama Gold в ознаменование 50-летнего юбилея Оборонного соглашения пяти держав.

Кульминацией международных повесток двух стран стало объявление осенью 2021 г. о создании трехстороннего пакта по безопасности между Австралией, США и Великобританией, который легитимизирует присутствие Британии в ИТР в долгосрочной перспективе. Договоренности предполагают углубленное сотрудничество в сфере обмена военными разработками и технологиями, а также координацию оборонного и дипломатического сотрудничества в Индо-Пацифике. Первым шагом такого партнерства стало решение содействовать Канберре в строительстве 8 атомных подводных лодок, в связи с чем в ноябре 2021 г. стороны подписали соглашение о передаче соответствующих ядерных технологий²¹. В апреле 2022 г. было объявлено, что следующим этапом трехстороннего сотрудничества станет совместная работа над гиперзвуковым оружием²². Соглашение об AUKUS нацелено на то, чтобы ближайшие союзники продолжали вовлекать Австралию в гонку вооружений в регионе и эскалировать напряженность, что власти КНР неоднократно называли проявлением «мышления времен холодной войны». Китайские СМИ охарактеризовали Австралию «страной-гангстером», которая продвигает идею «оси белого превосходства» в «мафиозном сообществе под руководством США»²³.

¹⁹ Australia and the United Kingdom cooperate on frigate programs. Australian Government. Ministry of Defence. (<https://www.minister.defence.gov.au/minister/lreynolds/media-releases/australia-and-united-kingdom-cooperate-ffrigate-programs>).

²⁰ 11 nations participate in massive US-Australia military drill. The Times of India. Jul 16, 2021. (<https://timesofindia.indiatimes.com/world/rest-of-world/11-nations-participate-in-massive-us-australia-military-drills-as-tensions-escalate-in-indo-pacific/articleshow/84458710.cms>).

²¹ UK/Australia/USA: Agreement for the Exchange of Naval Nuclear Propulsion Information [MS No.8/2021]. Gov.uk. (<https://www.gov.uk/government/publications/ukaustraliausa-agreement-for-the-exchange-of-naval-nuclear-propulsion-information-ms-no82021>).

²² AUKUS Leaders' Level Statement: 5 April 2022. Gov.uk. (<https://www.gov.uk/government/news/aukus-leaders-level-statement-5-april-2022>).

²³ Chinese state media calls Australia a 'gangster' as trade war flares. News.com.au. February 26, 2021. (<https://www.news.com.au/world/five-eyes-china-accuses-australia-of-being-part-of-an-axis-of-white-supremacy/news-story/14599f6ca8e6100632b30557c2105a75>).

AUKUS с более широкими целями военного и оборонного сотрудничества представляет собой автономный от Альянса «Пять глаз» треугольник привилегированных партнеров, объединенных общими целями в регионе. Неизменная солидаризация с американской трактовкой безопасности в ИТР [Scott 2013], по мнению экспертов, меняет внешнеполитическую традицию Австралии, в которой нарушается баланс между поведением «средней державы» и «зависимого союзника» [Taylor 2020]. Фактически из «ответственного международного актора» Австралия постепенно превращается в игрока, чья линия поведения подчинена стратегии Вашингтона. Лондон, в свою очередь, выступает в качестве силы, которая цементирует союз трех держав, стремится примерить на себя роль моста, апробированную на трансатлантическом направлении, а за счет апелляции к общей идентичности старается представить себя способной влиять на Канберру стороной. Военные эксперты не исключают, что для демонстрации своего присутствия Британия разместит военный контингент в бывшем доминионе, где с 2018 г. уже увеличили военное присутствие США (в частности, в столице Северной территории – городе Дарвин).

Дальнейшее усиление двустороннего диалога подтвердил очередной раунд переговоров в формате AUKMIN в январе 2022 г.²⁴. Визит в Австралию двух ключевых членов британского Кабинета (главы МИД Л. Трасс и главы оборонного ведомства Б. Уоллеса) прошел на фоне обострения военно-политической обстановки в Европе и циркулировавших сообщений о якобы запланированном «вторжении РФ на Украину». Символично прозвучало выступление Л. Трасс в ведущем австралийском аналитическом центре Институте Лоуи, где она назвала Австралию ближайшим союзником «в защите демократии и свободы во всем мире»²⁵. Данное выступление перекликалось с программной речью Л. Трасс в Чатэм Хаус в декабре 2021 г., где она назвала приоритетом Лондона «сеть свободы и демократии», которая будет создана с ближайшими союзниками²⁶.

Итоги британо-австралийских переговоров AUKMIN носили и прикладной характер. В частности, стороны согласовали «Стратегический инфраструктурный диалог развития» (Strategic Infrastructure and Development Dialogue). Новое соглашение предполагает поддержку высокотехнологичных проектов, таких как устойчивая к стихийным бедствиям и изменениям климата инфраструктура в ИТР. Страны получают доступ к тренировочным площадкам друг друга, исследовательским программам и на постоянной основе занимаются совместными военными разработками.

Наконец, еще одна будущая сфера сотрудничества – Партнерство в сфере кибербезопасности и критических технологий (Cyber and Critical Technology Partnership). В феврале 2022 г. в ходе виртуального саммита премьер-министров двух стран было подписано соглашение об укреплении вклада Британии в кибербезопасность, морскую безопасность и противодействие угрозам, исходящим от государств, на сумму 25 млн ф.ст.²⁷ В центре внимания сторон находятся глобальные цепочки поставок технологий и противодействие вредоносной деятельности в киберпространстве, противодействие «злонамеренным госу-

²⁴ Australia-UK ministerial meeting. Gov.uk. 21 January 2022. (<https://www.gov.uk/government/publications/aukmin-2022-joint-statement/australia-uk-ministerial-meeting-joint-statement>).

²⁵ Foreign Secretary Liz Truss' speech to the Lowy Institute. Gov.uk. (<https://www.gov.uk/government/speeches/foreign-secretarys-speech-to-the-lowy-institute>).

²⁶ Foreign Secretary Liz Truss and the UK's foreign policy priorities. Chatham House. 8 December 2021. (<https://www.chathamhouse.org/events/all/members-event/foreign-secretary-liz-truss-and-uks-foreign-policy-priorities>).

²⁷ Joint statement on UK-Australia virtual summit: 16 February 2022. Gov.uk. (<https://www.gov.uk/government/news/joint-statement-on-uk-australia-virtual-summit-16-february-2022>).

дарственным акторам» в соответствии с усилиями Лондона по созданию «сети свободы и демократии» – в том числе в информационной сфере.

Стороны активно расширяют сотрудничество в области науки и технологий: правительство Британии окажет поддержку австралийской финтех-компании PEXA, а британская энергетическая компания Ostorus займется проектами в области возобновляемых источников энергии в Австралии.

В целом Лондон позиционирует себя «предпочтительным европейским партнером в ИТР», конкурируя с Пекином и подчеркивая общие ценности, историческую судьбу и идентичность с Канберрой.

Выводы

Комплекс исторических, политических, экономических и геостратегических факторов, направленных на преодоление острой конкуренции в современных международных отношениях, привел к возросшему вниманию Лондона к бывшему доминиону. По замыслу разработчиков концепции «Глобальной Британии», акцент на оборонной составляющей партнерства с Канберрой должен подчеркнуть исключительную роль Лондона в обеспечении безопасности на мегапространстве от Евро-Атлантики до Индо-Пацифики.

Британия стремится воздействовать на Австралию, используя риторику об «особом» и «естественном» партнерстве. Кабинет Б. Джонсона продвигал так называемые торговые сделки «в австралийском стиле» и иммиграционную реформу по «австралийскому образцу», что чаще всего было лишь фигурой речи, призванной подчеркнуть особое значение Канберры в политике Британии и схожесть их интересов. После референдума о членстве в ЕС британский истеблишмент в выступлениях стал чаще упоминать о сходстве моделей государственного управления Британии и Австралии, а в более широком контексте – о приверженности неолиберальной системе международных отношений, на что китайские СМИ отреагировали риторическим вопросом, не станет ли Британия следующей мишенью масштабных санкций со стороны КНР²⁸. Парадокс политики Лондона долгое время состоял в том, что страна не сформулировала однозначную линию в отношении Поднебесной. Например, Соединенное Королевство заняло жесткую позицию по отношению к китайскому технологическому гиганту Huawei последним из союзников по Альянсу «Пять глаз», что демонстрировало вынужденный характер такого решения.

Вместе с тем британское руководство неоднократно напоминало, что Лондон будет поддерживать Канберру в ее противостоянии с Китаем. Вашингтон и Лондон рассчитывают на Австралию как на «опорный пункт» в Индо-Пацифике, что формально подтвердил военно-политический союз AUKUS, который цементирует общий курс союзников на сдерживание Пекина в попытке сместить в их пользу баланс сил в регионе.

Курс австралийского правительства на конфронтацию с КНР вызывает критику со стороны оппозиции, поскольку страна рискует проиграть в международной экономической конкуренции под воздействием китайских санкций, а также быть вовлеченной в прямой конфликт с Пекином. Роль Соединенного Королевства, несмотря на попытки выступать посредником в Индо-Пацифике и «особым партнером» Канберры, остается вспомогательной по отношению к американской политике, а готовность Лондона участвовать в прямом военном столкновении в регионе маловероятна.

²⁸ Will UK be the next Australia and inflict damage on itself? Global Times. Feb 18, 2021. (<https://www.globaltimes.cn/page/202102/1215833.shtml>).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алешин А.А. (2020) Внешнеполитическая стратегия Австралии: средняя держава в высококонкурентной среде // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. № 2. С. 63–75. DOI: <https://doi.org/10.20542/afij-2020-2-63-75>.
- Ананьева Е.В., Годованюк К.А. (2021) Стратегия национальной безопасности Великобритании // Аналитические записки Института Европы РАН. № 5 (235). С. 1–7. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics52021>.
- Британия после брекзита (2021) Отв. ред. К.А. Годованюк. Москва: ИЕ РАН. 184 с. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report82021_386.
- Годованюк К.А. (2020) Приоритеты Великобритании в Индо-Тихоокеанском регионе // Современная Европа. № 1. С. 37–48. DOI <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120203748>.
- Портанский А.П. (2020) Изменение в торговой политике Британии после брекзита // Современная Европа. № 6. С. 129–141. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62020129141>.
- Abbondanza G. (2021) Australia the ‘Good International Citizen’? The Limits of a Traditional Middle Power // Australian Journal of International Affairs. Vol. 75. Pp. 178–196.
- Beeson M., Higgott R. (2014) The Changing Architecture of Politics in the Asia-Pacific // International Relations of the Asia-Pacific. Vol. 14. No. 2. Pp. 215–237.
- Bridge C. (2006) Introduction: Australia’s Changing Relations with Britain and the Commonwealth from Menzies to Howard via Fraser – A Brief Survey // The Commonwealth Journal of International Affairs. Vol 95. Issue 387. Pp.661–665.
- Brophy D. (2021) China Panic: Australia’s Alternative to Paranoia and Pandering // Melbourne: La Trobe University Press. 272 p.
- Chapnik A. (1999) The Middle Power // Canadian Foreign Policy Journal. Vol. 7. No. 1. Pp. 73–82. DOI: 10.1080/11926422.1999.9673212.
- Evans G. (2022) Good International Citizenship: The Case for Decency. 96 p.
- Hill C. (2019) The Future of British Foreign Policy. Security and Diplomacy in a World after Brexit. Cambridge: Political Press. 256 p.
- Howard M. (1966) Britain’s Strategic Problem East of Suez // International Affairs. Vol. 42. Pp. 179–183.
- Peters M.A. (2021) Geopolitical Rebirth of the Anglosphere as a World Actor after Brexit // Educational Philosophy and Theory. DOI: <https://doi.org/10.1080/00131857.2021.1991791>.
- Scott D. (2013) Australia’s Embrace of the ‘Indo-Pacific’: New Term, New Region, New Strategy? // International Relations of the Asia-Pacific. Vol. 13. Issue 3. Pp. 425–448. DOI: <https://doi.org/10.1093/irap/lct009>.
- Taylor B. (2020) Is Australia’s Indo-Pacific Strategy an Illusion? // International Affairs. Vol. 96. Issue 1. Pp. 95–109. DOI: <https://doi.org/10.1093/ia/iiz228>.
- Ungerer C. (2007) The “Middle Power” Concept in Australian Foreign Policy // Australian Journal of Politics and History. Vol. 53. No. 4. P. 538–51.
- Vucetic S. (2022) Elite–Mass Agreement in British Foreign Policy // International Affairs. Vol. 98 (1). Pp. 245–262. DOI: doi: 10.1093/ia/iiab203.
- Wallis J., Powles A. (2021) Burden-Sharing: The US, Australia and New Zealand Alliances in the Pacific Islands // International Affairs. Vol. 97. Issue 4. Pp. 1045–1065. DOI: <https://doi.org/10.1093/ia/iiab081>.
- Wellings B., Mycock A. (2019) The Anglosphere: Continuity, Dissonance and Location. Oxford: British Academy; Oxford University Press. 248 p.
- Wheeler N.J., Dunne T. (1998) Good International Citizenship: A Third Way for British Foreign Policy // International Affairs. Vol. 74. No. 4. Pp. 847–870.

REFERENCES

- Aleshin A.A. (2020) Vneshnepoliticheskaya strategiya Avstralii: srednyaya derzhava v vysokokonkurentnoj srede [Australian Foreign Policy Strategy: Middle Power in a Highly Competitive Environment]. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*. no. 2, pp. 63–75. DOI: <https://doi.org/10.20542/afj-2020-2-63-75>.
- Ananieva E.V., Godovanyuk K.A. (2021) Strategiya nacional'noj bezopasnosti Velikobritanii [UK National Security Strategy]. *Analytical papers of the Institute of Europe RAS*. no. 5 (235), pp. 1–7. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics52021>.
- Britaniya posle brekzita* [The United Kingdom after Brexit] (2021) Ed(s): Godovanyuk K.A. Moscow: IE RAS. 184 p. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report82021_386.
- Godovanyuk K.A. (2020) Prioritety Velikobritanii v Indo-Tihookeanskom regione [The UK Priorities in the Indo-Pacific]. *Sovremennaya Evropa*. no. 1, pp. 37–48. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120203748>.
- Portanskiy A.P. (2020) Izmenenie v torgovoj politike Britanii posle brekzita [The UK's Post-Brexit Trade Policy]. *Sovremennaya Evropa*. no. 6, pp. 129–141. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62020129141>.
- Abbondanza G. (2021) Australia the 'Good International Citizen'? The Limits of a Traditional Middle Power. *Australian Journal of International Affairs*. vol. 75, pp. 178–196.
- Beeson M., Higgott R. (2014) The Changing Architecture of Politics in the Asia-Pacific. *International Relations of the Asia-Pacific*. vol. 14, no. 2, pp. 215–237.
- Bridge C. (2006) Introduction: Australia's Changing Relations with Britain and the Commonwealth from Menzies to Howard via Fraser – A Brief Survey. *The Commonwealth Journal of International Affairs*. vol. 95, issue 387, pp. 661–665.
- Brophy D. (2021) *China Panic: Australia's Alternative to Paranoia and Pandering*. Melbourne: La Trobe University Press. 272 p.
- Chapnik A. (1999) The Middle Power. *Canadian Foreign Policy Journal*. vol. 7, no. 1, pp. 73–82. DOI: [10.1080/11926422.1999.9673212](https://doi.org/10.1080/11926422.1999.9673212).
- Evans G. (2022) *Good International Citizenship: The Case for Decency*. 96 p.
- Hill C. (2019) *The Future of British Foreign Policy. Security and Diplomacy in a World after Brexit*. Cambridge: Political Press. 256 p.
- Howard M. (1966) Britain's Strategic Problem East of Suez. *International Affairs*. vol. 42, pp. 179–183.
- Peters M.A. (2021) Geopolitical Rebirth of the Anglosphere as a World Actor after Brexit. *Educational Philosophy and Theory*. DOI: <https://doi.org/10.1080/00131857.2021.1991791>.
- Scott D. (2013) Australia's Embrace of the 'Indo-Pacific': New Term, New Region, New Strategy? *International Relations of the Asia-Pacific*. vol. 13, issue 3, pp. 425–448. DOI: <https://doi.org/10.1093/irap/lct009>.
- Taylor B. (2020) Is Australia's Indo-Pacific Strategy an Illusion? *International Affairs*. vol. 96, issue 1, pp. 95–109. <https://doi.org/10.1093/ia/iiz228>.
- Ungerer C. (2007) The "Middle Power" Concept in Australian Foreign Policy. *Australian Journal of Politics and History*. vol. 53, no. 4, pp. 538–51.
- Vucetic S. (2022) Elite–Mass Agreement in British Foreign Policy. *International Affairs*. vol. 98 (1), pp. 245–262. DOI: [10.1093/ia/iiab203](https://doi.org/10.1093/ia/iiab203).
- Wallis J., Powles A. (2021) Burden-Sharing: The US, Australia and New Zealand Alliances in the Pacific Islands. *International Affairs*. vol. 97, issue 4, pp. 1045–1065. DOI: <https://doi.org/10.1093/ia/iiaab081>.
- Wellings B., Mycock A. (2019) *The Anglosphere: Continuity, Dissonance and Location*. Oxford: British Academy; Oxford University Press. 248 p.
- Wheeler N.J., Dunne T. (1998) Good International Citizenship: A Third Way for British Foreign Policy. *International Affairs*. vol. 74, no. 4, pp. 847–870.

Информация об авторе

Годованюк Кира Анатольевна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела страновых исследований Института Европы Российской академии наук. Адрес: Моховая ул., д. 11, стр. 3, Москва, 127005. E-mail: kira.godovanyuk@gmail.com

About the author

Kira A. Godovanyuk, Candidate of Sciences (Politics), Leading Researcher, Department of Country Studies, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (IE RAS). Address: 127005, Moscow, Mokhovaya Street, 11-3. E-mail: kira.godovanyuk@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 01.04.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 08.04.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 15.04.2022

DOI: 10.31857/S0869049922020046
EDN: EVFYDU

Оригинальная статья / Original Article

Морехозяйственные аспекты Системы Договора об Антарктике¹

© П.А. ГУДЕВ

Гудев Павел Андреевич, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), gudev@imemo.ru. ORCID: 0000-0002-2951-6313

В статье рассмотрены вопросы различных видов морехозяйственной деятельности в Антарктике, включая разведку генетических ресурсов морского дна, морские научные исследования, регулирование рыболовства, борьбу с незаконным, неконтролируемым и нерегулируемым выловом водных биологических ресурсов, создание морских охраняемых районов и развитие туристической активности (в том числе круизного судоходства). Сделаны выводы о том, что данные виды деятельности содержат в себе достаточно высокий уровень конфликтного потенциала, зачастую не имеют соответствующего правового регулирования или в той или иной степени противоречат действующим нормам современного международного – прежде всего морского – права, а также подвержены высокой степени политизированности. Данные особенности приводят к тому, что Система Договора об Антарктике сталкивается с новыми вызовами и вынуждена подстраиваться под меняющиеся условия, но эта адаптация, в свою очередь, угрожает ее устойчивости.

Ключевые слова: морские научные исследования, биоразведка, биоразнообразие, Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., АНТКОМ, ННН промысел, водные биоресурсы, криль, МОР, туризм, Полярный Кодекс, МАРПОЛ

Цитирование: Гудев П.А. (2022) Морехозяйственные аспекты Системы Договора об Антарктике // Общественные науки и современность. № 2. С. 48–62. DOI: 10.31857/S0869049922020046, EDN: EVFYDU

¹ Финансирование. Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Funding. The article was prepared within the project «Post-Crisis World Order: Challenges and Technologies, Competition and Cooperation» supported by the grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

Maritime Aspects of the Antarctic Treaty System

© P. GUDEV

Pavel A. Gudev, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), gudev@imemo.ru. ORCID: 0000-0002-2951-6313

Abstract. The paper studies issues related to the implementation of certain types of marine economic activities in the Antarctic, including exploration of the seabed genetic resources, marine scientific research, regulation of fishing activities, combating illegal, uncontrolled and unregulated catch of aquatic biological resources, creation of marine protected areas and development of tourist activity including cruise shipping. The analysis concluded that all these types of activities contain a high conflict potential, often do not have an appropriate legal regulation or in one way or another contradict the current norms of modern international, primarily maritime, law, and are the subject to a high degree of politicization. In general, this leads to the conclusion that the Antarctic Treaty System faces new challenges and has to adapt to the changing conditions, but this adaptation in turn threatens its stability.

Keywords: marine scientific research, bioprospecting, biodiversity, 1982 UN Convention on the Law of the Sea, CCAMLR, IUU, aquatic bioresources, krill, IOR, tourism, Polar Code, MARPOL

Citation: Gudev P. (2022) Maritime Aspects of the Antarctic Treaty System. *Obshchestvennyye nauki I sovremennost'*, no. 2, pp. 49–62. DOI: 10.31857/S0869049922020046, EDN: EVFYDU

Проблема свободы морских научных исследований

Как известно, свобода проведения морских научных исследований (МНИ) – одна из шести свобод открытого моря. Договор об Антарктике предполагает, что в пределах 60° южной широты есть район открытого моря, который, правда, никак не обозначен. Положения Конвенции по регулированию освоения минеральных ресурсов Антарктики (Конвенция 1988 г.) указывают на то, что в зоне действия Договора об Антарктике есть как континентальный шельф (КШ), так и глубоководные районы морского дна. Режим морских научных исследований (МНИ) в КШ прописан в Конвенции ООН по морскому управу 1982 г. (Конвенция 1982 г.), проведение МНИ в отношении глубоководных районов регулирует Международный орган по морскому дну (МОМД). Данная ситуация ведет к определенным противоречиям.

С точки зрения государств, которые отвергают любые претензии других стран, наиболее выгодная позиция – признание полной свободы МНИ как на материке, так и в морских зонах вокруг него, которые такие государства могут рассматривать как акваторию открытого моря. Однако для стран-претендентов, которые заявляют о своих правах на морские зоны суверенитета и юрисдикции вокруг Антарктиды, а также считают себя полноправными «прибрежными» государствами, все выглядит немного иначе.

Так, Конвенция 1982 г. предполагает, что в пределах территориального моря (ТМ) проведение любых МНИ носит исключительно разрешительный характер (ст. 245). В пределах же ИЭЗ и на КШ любые виды МНИ находятся под юрисдикцией прибрежного государства, и, соответственно, требуют получения его формального согласия на проведение исследований (ст. 246).

В результате, например, Австралия, которая на национальном законодательном уровне установила и режим ТМ, и режим ИЭЗ в отношении Австралийской антарктической

территории [Green 2001, 5], исходит из того, что свобода МНИ в зонах под «ее» суверенитетом и юрисдикцией действует лишь в отношении других участников Договора 1959 г., а в отношении остальных стран используется режим Конвенции 1982 г.

Договор же об Антарктике провозглашает свободу научных исследований для всех стран – независимо от того, участвуют ли они в нем или нет. Представляется, что в связи с тем, что свобода проведения научных исследований существовала в регионе и до подписания Договора 1959 г., данное положение можно рассматривать как норму международного обычного права, которая применяется ко всем государствам в одинаковой степени. Соответственно, любые попытки тех или иных государств, заявивших о своих территориальных претензиях, ограничить толкование указанного положения и рассматривать его исключительно как договорное обязательство по отношению лишь к другим участникам Договора 1959 г. представляются несостоятельными [Голицын 1990, 12].

Можно выдвинуть предположение, что Консультативное совещание Договора об Антарктике (КСДА) следует наделить коллективной юрисдикцией по контролю и регулированию МНИ как на самом материке, так и в прилегающих морских районах с особым акцентом на природоохранные меры в рамках Мадридского протокола (Протокол по охране окружающей среды к Договору об Антарктике). Данное решение может стать путем разрешения текущих противоречий [Lefebver 2013].

Проблема регулирования доступа к генетическим ресурсам

Многие страны заинтересованы проводить работы по биоразведке, то есть исследовать генетические ресурсы морского дна в зоне действия Договора об Антарктике. Интерес не случаен – биота в данной зоне имеет уникальные характеристики, экстремальные условия окружающей среды привели к эволюции ряда физиологических адаптаций, а биологические ресурсы Антарктики – особенно большое количество местных антарктических микроорганизмов – рассматриваются как потенциально богатые источники материалов для различных отраслей промышленности [Guyonard 2006, 148].

Однако неизбежно встает вопрос: как согласовать такую деятельность с положениями СДА – и прежде всего с недопустимостью новых претензий на суверенитет, свободой проведения научных исследований, с одной стороны, и необходимостью защиты морских антарктических экосистем, с другой. Биоразведка может стать катализатором ревизии всей Системы, т.к. в ее рамках неизбежно встают вопросы, которые касаются собственности, доступа, патентования, распределения выгод, и, наконец – суверенитета и юрисдикции [Scott 2013, 32].

Проект соглашения на базе Конвенции ООН по морскому праву о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции, который нацелен на регулирование доступа к морским генетическим ресурсам, на сегодняшний день находится в стадии согласования. Однако некоторые выводы сделать уже можно².

Во-первых, ни одно государство не может претендовать на суверенитет или суверенные права в отношении морских генетических ресурсов в районах за пределами действия

² Шувалова Т. В ООН разрабатывают новый документ по сохранению морского биоразнообразия. РСМД. (https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/v-oon-razrabatyvayut-novyy-dokument-po-sokhraneniuyu-morskogo-bioraznoobraziya/?sphrase_id=43746422); Шувалова Т. Морское биоразнообразие в поле зрения ООН: в ожидании новых ответов на старые вопросы. РСМД. (https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/morskoe-bioraznoobrazie-v-pole-zreniya-oon-v-ozhidanii-novykh-otvetov-na-starye-voprosy/?sphrase_id=30982812).

национальной юрисдикции. В проекте Соглашения зафиксировано, что «использование морских генетических ресурсов в районах за пределами действия национальной юрисдикции должно осуществляться на благо всего человечества в целом с учетом интересов и потребностей развивающихся государств» (ст. 9(4))³.

Во-вторых, предполагается, что «морские генетические ресурсы... не должны становиться предметом патентов, за исключением тех случаев, когда такие ресурсы видоизменяются под вмешательством человека, в результате чего получается продукция промышленного применения...» (ст. 12(3)). Тем не менее, пользователи морских генетических ресурсов и заявители патентов должны раскрывать происхождение морских генетических ресурсов, а также консультироваться с Научно-техническим органом при подаче заявки на патенты с целью совместного использования выгод (ст. 12(4)).

Целый ряд вопросов остается нерешенным. Так, пока нет окончательного понимания относительно институциональных механизмов регулирования, в том числе того, какую роль в данном процессе будет играть МОМД. Применительно к зоне действия Договора об Антарктике также не понятно, как будет происходить взаимодействие и координация между самой СДА и новыми структурами, которые отвечают за защиту биоразнообразия за пределами зон национальной юрисдикции. Наконец, до конца не урегулирован вопрос о том, как между собой будет соотноситься свобода проведения научных исследований и предусмотренный Конвенцией 1959 г. обмен данными и результатами научных наблюдений, а также свободный доступ к ним (ст. 3(1с)), с одной стороны, и использование генетических ресурсов – то есть их добыча, промысел, получение, извлечение, сбор, анализ, обработка – в коммерческих целях или с целью коммерческой выгоды (ст. I (15 alt. 2)), с другой. Принимая во внимание то обстоятельство, что основными интересантами доступа к исследованию генетических ресурсов будут крупнейшие корпорации (прежде всего фармацевтические), которые в большинстве своем не подконтрольны государству, данная проблема требует самого пристального внимания. Не размоют ли в таком случае неизбежная коммерциализация, патентное право и институт интеллектуальной собственности тот режим, который действует в рамках СДА [*Jabour-Green, Nicol 2003, 76*]?

Конвенция АНТКОМ (пространственно-правовые противоречия)

Одним из важных элементов СДА считается Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики 1980 г. и ее регулирующий орган – Комиссия по сохранению морских живых ресурсов Антарктики (АНТКОМ). Зона действия АНТКОМ шире зоны действия Договора 1959 г.: на определенных участках она проходит в диапазоне 60-55° – 50-45° ю.ш.⁴, что обусловлено границами Антарктического полярного фронта, или же Конвергенции. В результате в зоне ее действия находятся обширные пространства открытого моря, а также целый ряд субантарктических островов, расположенных севернее 60° ю.ш., а именно: о-в Херд и о-ва Макдональд (Австралия), о-ва Кергелен и Крозе (Франция), о-в Буве (Норвегия), о-ва Принс-Эдуард (ЮАР), Южная Георгия и Южные Сандвичевы о-ва (Великобритания/Аргентина). Они наделены правом по формированию предписанных Конвенцией 1982 г. морских зон суверенитета, суверенных прав и юрисдикции, в ко-

³ Draft text of an agreement under the United Nations Convention on the Law of the Sea on the conservation and sustainable use of marine biological diversity of areas beyond national jurisdiction. A/CONF.232/2019/6. (https://digitalibrary.un.org/record/3811328/files/A_CONF-232_2019_6-EN.pdf).

⁴ Зона действия Конвенции. АНТКОМ. (<https://www.ccamlr.org/ru/system/files/r-CCAMLR-Convention-Area.pdf>).

торых находится значительное количество ценных видов водных биологических ресурсов (ВБР) – в том числе патагонский клыкач [*Moleenar* 2001].

В отношении французских островов Кергелен и Крозе было отдельно заявлено, что Франция имеет все полномочия по сохранению тех национальных мер, которые она установила в морских зонах островов до вступления в силу Конвенции 1980 г., причем они могут быть более строгими, чем меры АНТКОМ. Данное правило применимо и к морским зонам всех других островов⁵.

В связи с данной особенностью возникает очередное противоречие: какие меры по защите ВБР и контролю за рыболовством должны беспрекословно соблюдать страны, если они ведут вылов в пределах морских зон – в данном случае ИЭЗ – вокруг таких островов: национальные или введенные в рамках АНТКОМ [*Serdy* 2013]? Так, на практике борьба с ННН (незаконным, нерегистрируемым, нерегулируемым) выловом ВБР, которую ведут прибрежные страны в пределах ИЭЗ таких островов, приводит к определенным правовым казусам. Например, в деле об аресте российского судна «Волга» властями Австралии по обвинению в незаконной рыбной ловле в австралийской рыболовной зоне в пределах ИЭЗ о-вов Херд и Макдональд вице-президент Международного Трибунала по морскому праву высказал мнение, что такие необитаемые о-ва, как французский Кергелен, равно как австралийские Херд и Макдональд, не должны вообще обладать ИЭЗ. По крайней мере, посчитал он, нет необходимости в том, чтобы отдельные государства применяли свои собственные меры в провозглашенной ими ИЭЗ внутри сферы действия АНТКОМ, которая и так предусматривает природоохранные меры и систему наблюдения и инспекций⁶.

ННН промысел

Долгие годы, если не десятилетия, с принятия Конвенции АНТКОМ ННН промысел – в основном таких ценных видов, как криль и патагонский клыкач – оставался одним из главных вызовов в рамках СДА [*Vidas* 2000, 201]. Он подрывал ее природоохранную направленность и противоречил введенному в ее рамках экосистемному подходу. Ситуация осложнялась двумя обстоятельствами. Во-первых, в ННН вылов было вовлечено большое количество судов под так называемыми удобными флагами, то есть контроль за их деятельностью со стороны государства флага был минимальным или же просто отсутствовал. Во-вторых, юрисдикцию АНТКОМ в водах Антарктики, где предполагается наличие неочерченного района открытого моря, признают не все государства – в особенности это относится к странами-нечленам.

Для решения данной проблемы комиссия проделала большую работу, в частности по налаживанию сотрудничества и взаимодействия между членами и не членами АНТКОМ; по получению разрешений со стороны государств флага на ведение их судами промысла в конвенционной зоне; по введению системы документации улова (СДУ); по отслеживанию выгрузки, включая портовые инспекции; по соблюдению соответствующих мер по сохранению даже со стороны государств, которые не участвуют в АНТКОМ; по ведению списка ННН судов договаривающихся и недоговаривающихся сторон. И если раньше среди судов, вовлеченных в ННН промысел, были даже такие уважаемые государства флага, как Дания, Канада, КНР, Мальта, Португалия и Сингапур, то теперь их количество сокра-

⁵ Заявление Председателя Конференции по сохранению морских живых ресурсов Антарктики. CCAMLR. (<https://www.ccamlr.org/ru/organisation/camlr-convention-text>).

⁶ Declaration of Vice-President Vukas. ITLOS. (https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_11/11_judgment_231202_dec_Vukas_en.pdf).

тилось до следующих стран: Того, Гамбия, Ангола, Иран, Нигерия, Сент-Винсент и Гренадины, Панама.

Прискорбно, что по запросу Новой Зеландии по итогам воздушного наблюдения российское судно «Палмер» обвинили в ННН промысле в закрытом подрайоне в январе 2020 г. США и ЕС активно выступали за включение этого судна в список ННН судов. Россия со своей стороны настаивает на отсутствии нарушений, ставя под сомнение правильность представленных Новой Зеландией данных. Солидарность с позицией России выразила только КНР, которая заявила об отсутствии правил и процедур АНТКОМ в области наблюдения с воздуха⁷. В целом же можно констатировать, что существующие межгосударственные противоречия между Россией и странами Запада не обошли стороной и проблему ННН промысла – она также становится чрезмерно политизированной, что представляет серьезную угрозу всей устойчивости США.

Проблема создания морских охраняемых районов

Именно внутри АНТКОМ с 1985 по 2005 гг. разрабатывалась методология формирования морских охраняемых районов, или МОР (МРА, Marine Protected Areas) [Serdy 2013]. Цель их создания – охрана видов и экосистемных процессов, мест обитания и биоразнообразия.

В 2009 г. АНТКОМ по инициативе Великобритании создала первый МОР в открытом море в районе Южных Оркнейских островов (94 тыс. км²). В рамках района были запрещены все типы промысловой деятельности, за исключением научно-промысловых исследований⁸. В конце 2016 г. по инициативе США и Новой Зеландии был сформирован защищенный район площадью 1,57 млн км² (изначально планируемая площадь – 2,1 млн км²) в море Росса сроком на 35 лет. Данное событие ознаменовало создание первого в мире МОР такого масштаба, в котором те или иные виды морехозяйственной деятельности (прежде всего вылов клыкача) строго ограничиваются⁹. Сейчас на повестке дня стоит обсуждение вопроса о создании трех МОР в Восточной Антарктике площадью около 1,7 млн км² в соответствии с предложением Австралии, Франции и ЕС, МОР в районе моря Уэдделла и Западного Антарктического полуострова, а также расширение и ужесточение мер в МОР субантарктических островов¹⁰ (рис. 1).

Создание таких районов предполагает: «сохранение включает рациональное использование», «вытесненные данным МОР промыслы будут перераспределены в районах за пределами МОР», а также «ничто в настоящей мере по сохранению не должно быть истолковано или использовано таким образом, чтобы ущемить права или обязанности любого государства в рамках международного права, в т. ч. в том виде, в каком это отражено в Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву»¹¹.

⁷ Отчет тридцать девятого совещания Комиссии. 27–30 октября 2020 г. С. 3-6. (<https://www.ccamlr.org/ru/system/files/r-cc-39-rep.pdf>).

⁸ Мера по сохранению 91-03 (2009) Охрана южного шельфа Южных Оркнейских островов. С. 264 (https://www.ccamlr.org/ru/system/files/r-schedule2020-21_2.pdf).

⁹ Мера по сохранению 91-05 (2016) Морской охраняемый район в регионе моря Росса. С. 273-274 (https://www.ccamlr.org/ru/system/files/r-schedule2020-21_2.pdf).

¹⁰ Потребность в сети морских охраняемых районов в Южном океане (https://www.pewtrusts.org/-/media/assets/2021/05/need_for_mpa_network_final_ru.pdf).

¹¹ Мера по сохранению 91-05. Морской охраняемый район в регионе моря Росса. 2016. С. 271. (https://www.ccamlr.org/ru/system/files/r-schedule2020-21_2.pdf).

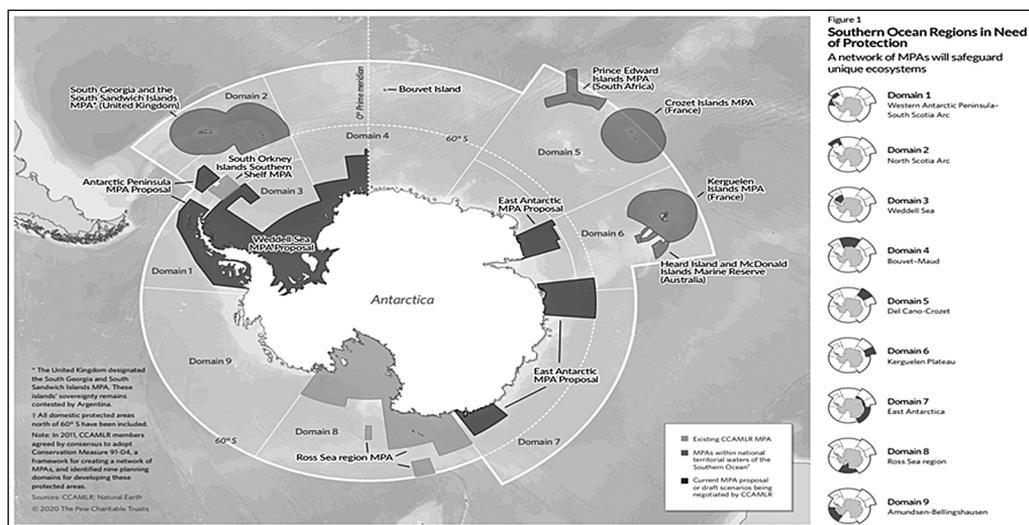


Рис. 1. Существующие и планируемые МОР в зоне действия АНТКОМ

Figure 1. Existing and planned MPAs in the CCAMLR area

Источник: https://www.pewtrusts.org/-/media/assets/2020/10/need_for_mpa_network.pdf.
 Source: https://www.pewtrusts.org/-/media/assets/2020/10/need_for_mpa_network.pdf.

Учитывая, что в ст. VI Договора об Антарктике говорится о существовании здесь неочерченного района открытого моря, создание МОР в данном регионе приводит к определенной правовой дилемме. Дело в том, что создание МОР в районах открытого моря напрямую противоречит нормам и положениям Конвенции 1982 г., так как фактически создается некий «закрытый» район в зоне, которая не может принадлежать ни одному государству [Гудев 2014]. Данное противоречие предоставляет право некоторым странам утверждать, что создание МОР в открытом море нарушает положения ст. 89 Конвенции 1982 г. о неправомерности претензий на суверенитет над открытым морем.

С другой стороны, в упомянутом выше проекте соглашения на базе Конвенции ООН по морскому праву о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции созданию таких районов в открытом море уделяется первоочередное внимание. Одновременно предполагается, что именно Региональные организации по регулированию рыболовства (РОРР), такие как АНТКОМ, будут наделены полномочиями по разработке научно-обоснованных планов создания комплексных МОР, что позволит добиться их всеобщего признания¹².

На сегодняшний день «противостояние» по этому вопросу разделило экспертов на два лагеря.

С точки зрения первых, создание МОР в зоне действия АНТКОМ теоретически противоречит ключевому принципу, зафиксированному в самой Конвенции, а именно: «целью настоящей Конвенции является сохранение морских живых ресурсов Антарктики».

¹² Шувалова Т. В ООН разрабатывают новый документ по сохранению морского биоразнообразия. РСМД. (https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/v-oon-razrabatyvayut-novyy-dokument-po-sokhraneniuyu-morskogo-bioraznoobraziya/?sphrase_id=43746422).

Однако «для целей настоящей Конвенции термин «сохранение» включает рациональное использование» (ст. II (2))¹³.

С точки зрения вторых, создание МОР и запрет на те или иные виды деятельности (прежде всего рыболовство) не противоречит «рациональному использованию», так как последнее в большей степени соответствует «устойчивому использованию», ведь именно такая интерпретация было закреплена в рамках задачи по расширению количества МОР в открытом море после Саммита по устойчивому развитию в Рио-Де-Жанейро в 2002 г. [Smith, McGee, Jabour 2016].

Традиционные противники МОР, среди которых Россия, Украина, Китай, Япония и другие страны, заинтересованные в морском промышленном рыболовстве, настаивали всегда на обратном: «рациональное использование» напрямую разрешает эксплуатацию морских ресурсов и она не может быть запрещена. Наиболее объективную позицию еще в 2012 г. высказывала украинская делегация, которая заявила: «Вводя постоянные ограничения на разведочный промысел в определенных районах, мы пришли к тому, что ловить рыбу можно только в очень локализованных районах. От организации, которая должна разрабатывать методы обеспечения рационального использования морских живых ресурсов, АНТКОМ постепенно превратилась в организацию, ориентированную только на их сохранении. Как мы видим, если ситуация будет продолжаться в том же духе, то существующая Конвенция потеряет всякий разумный смысл. Тогда возникнет необходимость говорить о прекращении действия Конвенции и создании новой, или о пересмотре Конвенции»¹⁴.

Позиция отечественной рыбопромысловой науки также исходит из того, что расширение количества МОР ставит под вопрос дальнейшее развитие промысла тех или иных ценных видов, так как биоресурсы Антарктики перестают быть общедоступными и становятся изолированными в рамках МОР [Зайцев, Ребик, Кухарев 2019]. Тенденцией же последних лет становится все большая ориентация АНТКОМ «на пропагандируемые в СМИ и ничем не обоснованные, но научнообразно сформулированные природоохранные требования к мировому сообществу, включая предложение по полному запрету рыбного промысла в океане, по повсеместному введению МРА, по борьбе с последствиями изменения климата и пр., которые носят алармистский характер и рассчитаны на положительную оценку радиальной экологической общественности» [Кухарев, Зайцев 2018].

В то же время страны-члены АНТКОМ, которые одновременно являются и странами-претендентами, неоднократно пытались добиться разрешения на передачу под их управление тех или иных акваторий МОР. Лишь благодаря усилиям России, Украины, Японии и Китая удалось заблокировать этот вопрос на очередной сессии АНТКОМ несколько лет назад [Кухарев, Зайцев 2018]. Такие действия со стороны государств-претендентов не могут рассматриваться иначе, как стремление ограничить те или иные виды морехозяйственной деятельности на территориях и в акваториях, на которые они пытаются распространить свой суверенитет и юрисдикцию [Лукин 2014]. Ситуация усугубляется тем, что предлагаемые ими запреты, например, в отношении донного, тралового и ярусного промыслов, носят явный спекулятивный характер, так как они сами продолжают донное траление в пределах своих ИЭЗ – в том числе субантарктических островов [Петров, Касаткина 2019] – но выступают резко против данного метода в зоне действия АНТКОМ.

¹³ Заявление Председателя Конференции по сохранению морских живых ресурсов Антарктики. CCAMLR. (<https://www.ccamlr.org/ru/organisation/camlr-convention-text>).

¹⁴ CCAMLR-XXXI. P. 42. (<https://www.ccamlr.org/en/system/files/e-cc-xxxi.pdf>).

В результате можно констатировать, что уже сейчас, после создания МОР в море Росса и с учетом закрытых ранее акваторий, стали недоступными около 70% промысловых участков Антарктики. Ограничения привели к тому, что, согласно статистическим данным АНТКОМ, за период с 2008 по 2020 гг. вылов ВБР Российской Федерацией в водах Антарктики сократился более чем в 25 раз: с 9,65 тыс. тонн до 0,366 тыс. тонн. Россия сейчас ведет лишь вылов антарктического клыкача, в то время как вылов патагонского клыкача, криля, ледяной рыбы, макрурусы, антарктического краба и скатообразных сведен к нулю. Безусловные лидеры в области вылова – Норвегия и КНР, при этом даже Украина нарастила вылов криля с 4,6 тыс. тонн (сезон 2012/2013 гг.) до 20,7 тыс тонн в 2020 г. (таб. 1). В 1980-е гг. вылов криля флотом СССР достигал в среднем 120–130 тыс. тонн в год. Сегодняшнее пороговое значение по крилю в размере 620 тыс. тонн в год, установленное АНТКОМ, с точки зрения представителей российской рыбопромысловой науки «не имеет научного обоснования и является эмпирической величиной» [Корзун, Кухарев, Зайцев, Битютский, Сербин 2020], которая мало коррелирует с показателями общего допустимого улова (ОДУ) в 5,6 млн тонн.

Таблица 1

Вылов ВБР в водах действия АНТКОМ за 2020 г. по трем ключевым показателям

Table 1

Catches in CCAMLR area for 2020 in three key indicators

№	Страна	Криль (тыс. тонн)	Патагонский клыкач (тыс. тонн)	Антарктический клыкач (тыс. тонн)	Всего (тыс. тонн, вкл. др. виды)
1	Норвегия	245	0	0	245,5
2	КНР ¹⁵	118	0	0	118
3	Южная Корея	44,5	0	1,1	45,7
4	Чили	21,6	0,36	0,14	22
5	Украина	20,7	0	0,53	21,3
6	Франция	0	5,9	0	6,6
7	Австралия	0	3	0,26	4,2
8	Великобритания	0	1,2	0,7	2
9	Новая Зеландия	0	0,3	0,4	0,8
10	Россия	0	0	0,366	0,366

Источник: CCAMLR Statistical Bulletin, Vol. 33 (<https://www.ccamlr.org/ru/document/data/ccamlr-statistical-bulletin-vol-33>).¹⁵

Source: CCAMLR Statistical Bulletin, Vol. 33 (<https://www.ccamlr.org/ru/document/data/ccamlr-statistical-bulletin-vol-33>).

Проблемы судоходства и туризма

Судоходство и связанное с ним загрязнение морской среды представляют существенную угрозу всей экосистеме Антарктики. Ситуация усугубляется тем обстоятельством, что в данном районе плавают суда под флагами государств, которые не участвуют в СДА,

¹⁵ Китай планирует довести вылов криля до 1 млн тонн из-за потребности в крилевой муке для развития аквакультуры.

а также появляется все больше и больше туристических судов, включая яхты – также под флагами третьих стран [Boone 2013]. В целом это ведет к увеличению риска новых инцидентов, в особенности принимая во внимание то обстоятельство, что возможности по поиску и спасанию в данном регионе крайне ограничены.

С одной стороны, проблем с регулированием судоходства в Антарктике не существует. Так, в Мадридском протоколе (ст. 13–14) зафиксировано, что Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов (МАРПОЛ) полностью применима к зоне действия Договора об Антарктике. Более того, между КСДА и Международной морской организацией (ИМО) существует тесная кооперация и сотрудничество. Так, например, еще в 1990 г. по инициативе КСДА ИМО определила район действия Договора об Антарктике в качестве «особого района», где необходимы специальные обязательные методы предотвращения загрязнения морской среды. В частности, в зоне действия Договора об Антарктике был запрещен сброс нефти, вредных жидких веществ и мусора¹⁶.

В 2010 г. были приняты поправки к МАРПОЛ (Правило 43), касающиеся Антарктики, которые запрещают использовать в регионе сырую нефть, битум, гудрон и их эмульсии – за исключением судов, занимающихся обеспечением безопасности или поисково-спасательными операциями¹⁷. Ограничения были направлены на то, чтобы запретить большим круизным лайнерам заходить в воды Антарктики [Zebich-Knos, Speth 2015].

В 2017 г. вступил в силу Международный кодекс ИМО для судов, эксплуатируемых в полярных водах (Полярный кодекс)¹⁸. Он охватывает весь спектр вопросов, касающихся проектирования, строительства, оборудования, эксплуатации, обучения, поисково-спасательных операций и защиты окружающей среды, которые относятся к судам, работающим в полярных водах. Однако основная проблема кодекса заключается в том, что часть его положений носит обязательный характер, а часть – рекомендательный¹⁹. Кроме того, текущая версия документа не применима к нескольким категориям судов, которые также изъяты из сферы Международной Конвенции по охране человеческой жизни на море 1974 г. (СОЛАС). К ним относятся: военные корабли; грузовые суда валовой вместимостью менее 500 рег. т.; суда, не имеющие механических средств движения; деревянные суда примитивной конструкции; прогулочные яхты, не занимающиеся коммерческими перевозками; рыболовные суда²⁰. Очевидно, существующих мер недостаточно, и на повестке дня стоит вопрос о разработке второй версии Кодекса или же принятия дополнительных протоколов к нему. Вполне логично было бы, если Секретариат Договора об Антарктике участвовал в разработке регулярных обновлений для Полярного Кодекса [Zebich-Knos, Speth 2015].

Секретариат Договора об Антарктике сообщает о том, что «до 1980-х гг. каждое лето Антарктиду посещали всего несколько сотен туристов. За 2019–2020 гг. Антарктиду посетили уже около 74000 туристов. Подавляющее большинство туристов путешествуют

¹⁶ Special Areas under MARPOL. IMO. (<https://www.imo.org/en/OurWork/Environment/Pages/Special-Areas-Marpol.aspx>).

¹⁷ Amendments to Marpol Annex I to Add Chapter 9 – Special Requirements For The Use Or Carriage Of Oils In The Antarctic Area. IMO. ([https://www.wapps.imo.org/blast/blastDataHelper.asp?data_id=28814&filename=189\(60\).pdf](https://www.wapps.imo.org/blast/blastDataHelper.asp?data_id=28814&filename=189(60).pdf)).

¹⁸ Shipping in Polar Waters. IMO. (<https://www.imo.org/en/MediaCentre/HotTopics/Pages/Polar-default.aspx>).

¹⁹ Банщикова И. Между нами тает лед? Полярный кодекс и международное сотрудничество в Арктике. (<https://russiancouncil.ru/blogs/estoppel/mezhdu-nami-taet-led/>).

²⁰ Часть А. Правило 3 «Исключения» Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 г. (СОЛАС-74) (<http://docs.cntd.ru/document/901765675>).

на пассажирских судах в регион Антарктического полуострова, куда можно добраться из портов Южной Америки за несколько дней»²¹.

Одна из проблем такого туризма – то, что абсолютное большинство национальных правительств не занимаются никаким регуляционным контролем за своими гражданами, которые собираются посетить Антарктику с туристическими целями. Существует единый туристический оператор – Международная ассоциация антарктических туроператоров (ИААТО), которая имеет статус приглашенной экспертной организации в КСДА, однако многие туристические фирмы в нее не входят.

Секретариат Договора об Антарктике занимается вопросами, связанными с туризмом, еще с 1966 г. За прошедшие годы принято около 54 документов, которые регулируют туристическую деятельность в регионе Южного полюса²². В 2007 г., принимая во внимание инциденты с судами в районе действия Договора об Антарктике²³, были приняты рекомендации странам-участникам. В том числе им рекомендовали: 1) препятствовать или не разрешать туроператорам, использующим перевозящие более 50 пассажиров суда, совершать какие-либо высадки в Антарктике; 2) требовать от туроператоров координировать действия друг с другом таким образом, чтобы не более одного туристического судна находилось на месте остановки одновременно; 3) ограничивать количество пассажиров на берегу одновременно в 100 человек или менее²⁴. В 2009 г. были обозначены общие принципы антарктического туризма²⁵. Однако принятые рекомендации не носят обязательный характер, и стороны могут по собственному усмотрению принимать соответствующие решения.

В результате складывается ситуация, в которой СДА скорее реагирует на рост туристической деятельности в регионе, а не направляет ее развитие. Среди разных государств существуют диаметрально противоположные взгляды на развитие или ограничение туризма, нет универсальной системы мониторинга туристической деятельности, а туризм может стать для тех или иных стран-претендентов удобным проводником их правоприятий, так как он рушит тезис о материке, где на первое место поставлены защита среды и научные исследования. Также на практике туризм зачастую противоречит базовым принципам предосторожного подхода.

Все это вместе подрывает авторитет КСДА, а значит и всей СДА. Саморегулирование не может быть выходом из положения, которое в любой момент может быть усугублено серьезной экологической катастрофой. Ослабление же авторитета КСДА может в перспективе привести к возобновлению дискуссии относительно распространения концепции ОНЧ на всю Антарктику и приданию ООН дополнительных полномочий в этой сфере, т.к. эксклюзивный характер управления регионом устраивает не все государства. Таким образом, именно бездействие в данной области становится главным вызовом для всей СДА [Verbitsky 2013].

²¹ Туризм и неправительственная деятельность. (<https://www.ats.aq/t/tourism.html>)

²² База данных Договора об Антарктике. Туризм. (<https://www.ats.aq/devAS/ToolsAndResources/SearchAtd?from=1/1/1958&to=1/1/2158&lang=r&cat=14>).

²³ В 2007 г. канадское круизное судно Explorer после столкновения с подводной льдиной затонуло в водах Антарктики неподалеку от Южных Шетландских островов.

²⁴ Ship-based Tourism. Секретариат Договора об Антарктике. (<https://www.ats.aq/devAS/Meetings/Measure/385?s=1&from=1/1/1958&to=1/1/2158&cat=14&top=0&type=0&stat=0&txt=&curr=0&page=3>).

²⁵ General Principles of Antarctic Tourism. Секретариат Договора об Антарктике. (<https://www.ats.aq/devAS/Meetings/Measure/448?s=1&from=1/1/1958&to=1/1/2158&cat=14&top=0&type=0&stat=0&txt=&curr=0&page=2>).

* * *

Антарктика сегодня существенно меняется, так как ее изолированность от всего остального мира, похоже, постепенно сходит на нет. Несмотря на то, что процесс носит длительный характер, появление новых видов деятельности в регионе – биоразведки и туризма – свидетельствует о возникновении в нем бизнес-интересов. Такого рода коммерциализация размывает всю философию США, которая зиждется на двух столпах: приоритет защиты окружающей среды и научные исследования. Система вынуждена реагировать на новые вызовы, но пока не очень успешно. Отсутствие регулирования в области туризма создает угрозу всей экосистеме, а его зарегулированность лишит отрасль привлекательности. Подобная ситуация складывается и в сфере биоразведки: как сохранить хрупкую морскую среду, но при этом получить доступ к новым данным, материалам и технологиям?

С одной стороны, Антарктика остается и будет оставаться основным полигоном для разработки норм и положений международного экологического права [Rothwell 2000, 613]. Экосистемный, предосторожный подходы – абсолютные императивы в рамках США. С другой стороны, не все государства согласны с теми ограничениями, которые вводятся, например, в области морского промышленного рыболовства. Россия, КНР и Украина входят в число таких государств. Их позиция тем более заслуживает внимания, так как противостояние по линии защита среды/экономические интересы носит весьма политизированный характер. Некоторые меры – такие как создание МОР – до сих пор вызывают дискуссии в экспертном сообществе, т.к. они плохо коррелируются с нормами и положениями современного международного морского права.

В результате складывается парадоксальная ситуация, когда те или иные виды морехозяйственной деятельности и меры, принимаемые КСДА в их отношении, становятся источниками конфликтов между странами-членами Договора об Антарктике, ослабляют всю США изнутри, ведут к росту противоречий. Удастся ли Системе устоять – очень нетривиальный вопрос. Очевидно лишь то, что возможная разморозка доступа к разведке и разработке минеральных ресурсов [Гудев 2021] – т.е. к еще одному виду деятельности – станет для нее финальным испытанием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голицын В.В. (1990) Международно-правовой режим Антарктики. Автореферат диссертации на соискание уч. степени д.ю.н. М.: Дипакадемия МИД СССР. 31 с.
- Гудев П.А. (2014) Конвенция ООН по морскому праву: проблемы трансформации режима. М.: ИМЭМО РАН. 201 с.
- Гудев П.А. (2021) Проблемы Системы Договора об Антарктике (политико-правовые аспекты) // Общественные науки и современность. №6. С. 91–103.
- Зайцев А.К., Ребик С.Т., Кухарев Н.Н. (2019) Проблемы современного промысла антарктического и пагагонского клыкачей (*Dissostichus spp.* J) в водах Антарктики // Вопросы рыболовства. № 3. С. 339–349.
- Корзун Ю.В., Кухарев Н.Н., Зайцев А.К., Битютский Д.Г., Сербин В.В. (2020). Криль Индоокеанского сектора Антарктики и перспективы возобновления его отечественного промысла // Промысловые беспозвоночные. Материалы IX Всероссийской научной конференции. Симферополь, Ариал. С. 61–67.
- Кухарев Н.Н., Зайцев А.К. (2018) Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики и проблемы управления // Водные ресурсы и среда обитания. Т. 1. № 2. С. 70–94.

Лукин В. (2014) Антарктика и вопросы мироустройства // Россия в глобальной политике. № 6. С. 152–163.

Петров А.Ф., Касаткина С.М. (2019) Морские охраняемые районы (МОП) в Антарктике – инструмент геополитической борьбы // Рыбное хозяйство. № 3. С. 3–16.

Boone L. (2013) International Regulation of Polar Shipping // in: *The Law of the Sea and the Polar Regions*. Ed(s): Erik J. Molenaar, Alex G. Oude Elferink, Donald R. Rothwell. Martinus Nijhoff. Pp. 193–215. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004255210_010.

Green J. (2001) Australian Maritime Boundaries: The Australian Antarctic Territory // *Marine Policy*. Vol. 25 (1). Pp. 1–11.

Guyomard A.-I. (2006) Bioprospecting in Antarctica: A New Challenge for the Antarctic Treaty System. // in Francioni, F., & Scovazzi, T. (Eds.). *Biotechnology and International Law*. London: Hart Publishing. DOI: <http://dx.doi.org/10.5040/9781472563705>.

Jabour-Green J., Nicol D. (2003) Bioprospecting in Areas Outside National Jurisdiction: Antarctica and the Southern Ocean // *Melbourne Journal of International Law*. Vol. 4. No. 1. Pp. 76–112.

Lefeber R. (2013) Marine Scientific Research in the Antarctic Treaty System // in: *The Law of the Sea and the Polar Regions*. Ed(s): Erik J. Molenaar, Alex G. Oude Elferink, Donald R. Rothwell. Martinus Nijhoff. Pp. 323–341. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004255210_015.

Molenaar E.J. (2001) CCAMLR and Southern Ocean Fisheries // *The International Journal of Marine and Coastal Law*. 16(3). Pp. 465–499. DOI: <https://doi.org/10.1163/157180801X00171>.

Rothwell D.R. (2000) Polar Environmental Protection and International Law: The 1991 Antarctic Protocol // *European Journal of International Law*. Volume 11. Issue 3. Pp. 591–614. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/11.3.591>.

Serdy A. (2013) Antarctic Fisheries Management // In: *The Law of the Sea and the Polar Regions*. Ed(s): Erik J. Molenaar, Alex G. Oude Elferink, and Donald R. Rothwell. Martinus Nijhoff. Pp. 217–242. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004255210_011.

Smith D., McGee J., Jabour J. (2016) Marine Protected Areas: A Spark for Contestation Over ‘Rational Use’ of Antarctic Marine Living Resources in the Southern Ocean? // *Australian Journal of Maritime & Ocean Affairs*. Vol. 8. Issue 3. Pp. 180–198. DOI: 10.1080/18366503.2016.1229398.

Scott S.V. (2013) The Evolving Antarctic Treaty System: Implications of Accommodating Developments in the Law of the Sea // In: *The Law of the Sea and the Polar Regions*. Ed(s): Erik J. Molenaar, Alex G. Oude Elferink, and Donald R. Rothwell. Martinus Nijhoff. Pp. 17–34. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004255210_003.

Verbitsky J. (2013) Antarctic Tourism Management and Regulation: The Need for Change // *Polar Record*. Vol. 49. Issue 3. Pp. 278–285. DOI: 10.1017/S003224741200071X.

Vidas Davor (2000) Emerging Law of the Sea Issues in the Antarctic Maritime Area: A Heritage for the New Century? // *Ocean Development & International Law*. Vol. 31. Issue 1–2. Pp. 197–222. DOI: 10.1080/009083200276120.

Zebich-Knos, M., & Speth, J.G. (2015) Managing Polar Policy through Public and Private Regulatory Standards: The Case of Tourism in the Antarctic // In: *Diplomacy on Ice: Energy and the Environment in the Arctic and Antarctic*. Ed(s): Pincus R., Ali S. H. Yale University Press. Pp. 94–110. (<http://www.jstor.org/stable/j.ctt13x1stj.11>).

REFERENCES

Boone L. (2013) International Regulation of Polar Shipping. In: *The Law of the Sea and the Polar Regions*. Ed(s): Erik J. Molenaar, Alex G. Oude Elferink, and Donald R. Rothwell. Martinus Nijhoff. Pp. 193–215. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004255210_010.

- Green J. (2001) Australian Maritime Boundaries: The Australian Antarctic Territory. *Marine Policy*, vol. 25(1), pp. 1–11.
- Golicyn V.V. (1990) *Mezhdunarodno-pravovoj rezhim Antarktiki* [The International Legal Regime of Antarctica]. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uch. stepeni d.yu.n. M.: Dipakademiya MID SSSR. 31 p.
- Gudev P.A. (2014) *Konvenciya OON po morskomu pravu: problemy transformacii rezhima* [The UN Convention on the Law of the Sea: problems of regime transformation]. Moscow: IMEMO RAN. 201 p.
- Gudev P.A. (2021) Gudev P.A. (2021) Problemy Sistemy Dogovora ob Antarktike (politiko-pravovye aspekty) [Problems of The Antarctic Treaty System (Political and Legal Aspects)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 6, pp. 91–103.
- Guyomard A-I. (2006) Bioprospecting in Antarctica: A New Challenge for the Antarctic Treaty System. In: *Biotechnology and International Law*. Ed(s): Francioni, F., & Scovazzi, T. London: Hart Publishing. DOI: <http://dx.doi.org/10.5040/9781472563705>.
- Jabour-Green J., Nicol D. (2003) Bioprospecting in Areas Outside National Jurisdiction: Antarctica and the Southern Ocean. *Melbourne Journal of International Law*. vol. 4, no. 1, pp. 76–112.
- Korzun Yu.V., Kuharev N.N., Zajcev A.K., Bityutskij D.G., Serbin V.V. (2020). Kril' Indookeanskogo sektora Antarktiki i perspektivy vozobnovleniya ego otechestvennogo promysla [Krill of the Indian Ocean Sector of the Antrctic and Prospects for Resumption of Its Domestic Fishery]. *Promyslovye bespozvonochnye. Materialy IX Vserossijskoj nauchnoj konferencii*. Simferopol', Arial. Pp. 61–67.
- Kuharev N.N., Zajcev A.K. (2018) Konvenciya o sohranении morskikh zhivyh resursov Antarktiki i problemy upravleniya [Convention on the Conservation of Antarctic Marine Living Resources and Management Problems]. *Vodnye resursy i sreda obitaniya*. vol. 1, no. 2, pp. 70–94.
- Lefebvre R. (2013) Marine Scientific Research in the Antarctic Treaty System. In: *The Law of the Sea and the Polar Regions*. Ed(s): Erik J. Molenaar, Alex G. Oude Elferink, and Donald R. Rothwell. Martinus Nijhoff. Pp. 323–341. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004255210_015.
- Lukin V. (2014) Antarktika i voprosy miroustrojstva [Antarctica and World Order Issues]. *Rossiya v global'noj politike*. no. 6, pp. 152–163.
- Molenaar E.J. (2001) CCAMLR and Southern Ocean Fisheries. *The International Journal of Marine and Coastal Law*. vol. 16, issue 3, pp. 465–499. doi: <https://doi.org/10.1163/157180801X00171>.
- Petrov A.F., Kasatkina S.M. (2019) Morskie ohranyaemye rajony (MOR) v Antarktike – instrument geopoliticheskoj bor'by [Marine Protected Areas (MPAs) in Antarctica – an Instrument of Geopolitical Struggle]. *Rybnoe hozjajstvo*. no. 3, pp. 3–16.
- Rothwell D.R. (2000) Polar Environmental Protection and International Law: The 1991 Antarctic Protocol. *European Journal of International Law*. vol.11, issue 3, pp. 591–614. <https://doi.org/10.1093/ejil/11.3.591>.
- Serdy A. (2013) Antarctic Fisheries Management. In: *The Law of the Sea and the Polar Regions*. Ed(s): Erik J. Molenaar, Alex G. Oude Elferink, and Donald R. Rothwell. Martinus Nijhoff. Pp. 217–242. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004255210_011.
- Smith D., McGee J., Jabour J. (2016) Marine Protected Areas: A Spark for Contestation over 'Rational Use' of Antarctic Marine Living Resources in the Southern Ocean? *Australian Journal of Maritime & Ocean Affairs*. vol. 8, issue 3, pp. 180–198. DOI: 10.1080/18366503.2016.1229398.
- Scott S.V. (2013) The Evolving Antarctic Treaty System: Implications of Accommodating Developments in the Law of the Sea. In: *The Law of the Sea and the Polar Regions*. Ed(s): Erik J. Molenaar, Alex G. Oude Elferink, Donald R. Rothwell. Martinus Nijhoff. Pp. 17–34. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004255210_003.
- Verbitsky J. (2013) Antarctic Tourism Management and Regulation: The Need for Change. *Polar Record*. vol. 49, issue 3, pp. 278–285. doi:10.1017/S003224741200071X.
- Vidas Davor (2000) Emerging Law of the Sea Issues in the Antarctic Maritime Area: A Heritage for the New Century? *Ocean Development & International Law*. vol. 31, issue 1–2, pp. 197–222. DOI: 10.1080/009083200276120.

Zajcev A.K., Rebik S.T., Kuharev N.N. (2109) Problemy sovremennogo promysla antarkticheskogo i patagonskogo klykachej (*Dissostichus* spp. J) v vodah Antarktiki [Problems of Modern Antarctic and Patagonian Toothfish (*Dissostichus* spp. J) Fishing in Antarctic Waters]. *Voprosy rybolovstva*. no. 3, pp. 339–349.

Zebich-Knos, M., & Speth, J.G. (2015) Managing Polar Policy through Public and Private Regulatory Standards: The Case of Tourism in the Antarctic. *Diplomacy on Ice: Energy and the Environment in the Arctic and Antarctic*. Ed(s): R. Pincus, S.H. Ali. London: Yale University Press. Pp. 94–110 <http://www.jstor.org/stable/j.ctt13x1stj.11>

Информация об авторе

Гудев Павел Андреевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук. Адрес: Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997. E-mail: gudev@imemo.ru

About the author

Pavel A. Gudev, Candidate of Sciences (History), Leading Research Associate, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO). Address: 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russian Federation, 117997. E-mail: gudev@imemo.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 16.02.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 24.03.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 30.03.2022

DOI: 10.31857/S0869049922020058
EDN: EVRUXU

Оригинальная статья / Original Article

Мировое ракетное распространение: вызовы и решения¹

© К.В. БОГДАНОВ, Д.В. СТЕФАНОВИЧ

Богданов Константин Вадимович, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), sbogdanov@imemo.ru. ORCID: 0000-0002-5922-0791

Стефанович Дмитрий Викторович, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), stefanovich@imemo.ru. ORCID: 0000-0002-8694-8040

В статье представлен анализ динамики распространения ракетного вооружения, его основные драйверы, тренды и акторы. Авторы отмечают усложнение глобального ландшафта в данной сфере, выявляют ключевые направления технологического развития и выделяют несколько типов участников ракетного распространения, что обуславливает значение этого распространения в контексте международной безопасности. Рассмотрены существующие и перспективные механизмы контроля над вооружениями, нераспространения и многосторонних мер по снижению угроз. Подчеркивается, что имеющиеся инструменты формировались в первую очередь с акцентом на снижение угрозы создания средств доставки оружия массового уничтожения, в то время как на сегодняшний день наибольшее значение имеет потенциальное применение ракет в обычном оснащении. Предложено сконцентрировать усилия на методах «мягкого контроля над вооружениями», чтобы заложить фундамент для постепенного повышения управляемости в данной области в условиях отсутствия реальных перспектив верифицируемых и интрузивных многосторонних мер.

¹ Финансирование. Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Funding. The article was published within the framework of the project «Post-Crisis World Order: Challenges and Technologies, Competition and Cooperation» under the grant of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for conducting major scientific projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement No. 075-15-2020-783).

Ключевые слова: баллистические ракеты, контроль над вооружениями, крылатые ракеты, ракетное распространение, нераспространение, Режим контроля за ракетной технологией, Гаагский кодекс поведения

Цитирование: Богданов К.В., Стефанович Д.В. (2022) Мировое ракетное распространение: вызовы и решения // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 63–77. DOI: 10.31857/S0869049922020058, EDN: EVRUXU

Global Missile Proliferation: Challenges and Solutions

© K. BOGDANOV, D. STEFANOVICH

Konstantin V. Bogdanov, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), cbogdanov@imemo.ru. ORCID: 0000-0002-5922-0791

Dmitry V. Stefanovich, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), stefanovich@imemo.ru. ORCID: 0000-0002-8694-8040

Abstract. The article analyzes the missile proliferation dynamics, its main drivers, trends and actors. The authors note the complication of the global landscape in this area, identify key areas of technological development and specify several types of missile proliferators, which determine the importance of missile proliferation in the context of international security. Existing and prospective mechanisms of arms control, non-proliferation and multilateral risk reduction measures are considered. The authors specify that the existing tools were formed primarily to reduce the risks associated with delivery vehicles for weapons of mass destruction, while today the potential use of conventional missiles is of the greatest importance. The article proposes to concentrate efforts on the «soft arms control» methods in order to create a foundation for a gradual increase in manageability in this area in the absence of real prospects for verifiable and intrusive multilateral measures.

Keywords: arms control, ballistic missiles, cruise missiles, missile proliferation, non-proliferation, Missile Technology Control Regime, Hague Code of Conduct

Citation: Bogdanov K., Stefanovich D. (2022) Global Missile Proliferation: Challenges and Solution. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. С. 63–77. DOI: 10.31857/S0869049922020058, EDN: EVRUXU

* * *

Развитие, распространение и интеграция технологий меняют ландшафт мирового ракетостроения и национальных ракетных потенциалов в глобальном масштабе. Одновременно трансформируется и набор базовых факторов, которые ранее находились в фокусе проблемы нераспространения ракетных технологий и соответствующих мер и методов контроля над вооружениями и экспортного контроля.

Вопросы ракетного распространения и контроля над ним широко изучали отечественные эксперты. Значительный пласт исследований общесистемных проблем распространения ракетных технологий в связи с распространением ядерного оружия и развитием новых технологий неядерных высокоточных вооружений выполнили в последние 20 лет в Центре международной безопасности ИМЭМО РАН под руководством А. Арбатова и В. Дворкина [Ядерное оружие... 2006; Ядерное распространение... 2009; Ядерная перезагрузка... 2011; Контроль над вооружениями в новых... 2020].

Общие проблемы ракетного распространения и состояние режима РКРТ анализировали в своих работах В. Мизин [Мизин 2009], В. Новиков [Новиков 2012], В. Веселов [Веселов 2012]. Тенденции распространения ракетных технологий в Азии – наиболее проблемной с этой точки зрения региональной зоне – изучали П. Литаврин [Литаврин 1998], В. Сажин [Сажин 2011], С. Ознобищев и П. Топычканов [Ознобищев, Топычканов 2012]. Юридические аспекты проблем ракетного распространения нашли отражение в работах Ю. Гусыниной [Гусынина 1999].

Проблематика ракетного распространения также находит своих исследователей в известных западных аналитических центрах. В частности, площадка «Европейской сети лидеров» (European Leadership Network) опубликовала доклады К. Кубяк о необходимости повысить место ракетного оружия в иерархии приоритетов международной политической повестки дня [Kubiak 2019] и Ф. Хоффмана о трендах в сфере распространения крылатых ракет [Hoffman 2021]. Тема распространения гиперзвукового оружия нашла свое отражение в масштабном исследовании сотрудников корпорации РЭНД (RAND), которое стало своего рода настольным справочником для специалистов в данной области [Speier, Nacouzi, Lee, Moore 2017]. Кроме того, ряд публикаций по вопросу гиперзвукового оружия подготовили структуры ООН [UNODA 2019, UNIDIR 2019]. Коллектив авторов Международного института стратегических исследований (IISS) детально рассмотрел проблему гонки вооружений на Корейском полуострове с акцентом на ракетные технологии [IISS 2021].

Помимо роста доступности плодов технического прогресса, основная причина продолжающегося ракетного распространения, бурного развития собственных ракетных программ и активных внешних закупок ракетного оружия странами бывшего «третьего мира» лежит в сфере борьбы за региональное лидерство на фоне резко возросшего дефицита безопасности. Данный мотив существовал всегда, однако он сильно обострился после целого ряда внешних вмешательств крупных мировых держав во время окончания холодной войны, когда нестабильное мироустройство так и не сумело оформиться в новый, четко определенный миропорядок. Тем не менее, опасения о создании ракет промежуточной и межконтинентальной дальности, угрожающих ведущим державам (США, России и европейским государствам) имеют под собой все основания, однако это – не главный риск, поскольку в первую очередь ракетный потенциал формируется для применения против региональных конкурентов на всю глубину их территории.

Наконец, принципиально новым фактором становится выход проблемы дестабилизирующих ударных ракетных вооружений за пределы вопроса о распространении оружия массового уничтожения (ОМУ). С одной стороны, это происходит вследствие существенного прогресса в технологиях высокоточного оружия большой дальности, а с другой – из-за нарастающей хрупкости критических инфраструктур, на которые точечное неядерное воздействие уже оказывает эффекты стратегического характера. Последние в масштабах региональных конфронтаций можно рассматривать как значительный сдерживающий ущерб, что меняет саму роль неядерных ракетных систем: отныне они способны выступать не только в роли средства поля боя, но и как средство сдерживания, одновременно сохраняя относительно низкий порог применения (по сравнению с ОМУ).

Накопленные изменения требуют решений в области контроля над вооружениями. Перспективы совершенствования целых классов ракетного оружия и совмещенных с ним видов военной техники (платформы, системы управления и целеуказания) показывают, что эта задача не утратит актуальности в ближайшие десятилетия – особенно на фоне обвальной деградации международно-правовой системы безопасности, которая сложилась по результатам и сразу после окончания «прошлой» холодной войны.

Основные проблемы ракетного распространения на современном этапе

Типовая проблема ракетного распространения, сформированная к концу 1980-х гг., выглядела достаточно узко. Она была по большей части связана с оперативно-тактическими баллистическими ракетами. В основном речь шла о жидкостных ракетах советского производства Р-17 (Scud-B), которые относительно легко модернизировать – в первую очередь по дальности (что давало перспективный задел уже и для создания ракет средней дальности). На развитие данного класса ракетного оружия долгое время опирались самобытные школы ракетостроения Ирака (при С. Хусейне) и КНДР, а также отчасти Ирана и Пакистана.

Особенностью этого класса ракет была низкая точность, которая не позволяла использовать их по-настоящему эффективно без оснащения ОМУ (химическими или ядерными боеголовками). Противоречивый опыт «войны городов» в период Ирано-иракской войны 1980–1988 гг. показал, что такие ракеты в обычном оснащении бессмысленно применять против военных целей из-за низкой точности, их применение в качестве контрценностного (террористического) оружия путем неизбирательных ударов по городской застройке не дает значимого военно-стратегического эффекта, а морально-психологический результат в стане врага может быть и прямо противоположным [Bogdanov 2020]. Сходными были и результаты «Войны в Заливе» 1991 г.: иракские баллистические ракеты не достигли значимого военного результата, а Саудовская Аравия воздержалась от применения своих ракет средней дальности китайского производства по городам Ирака именно из-за неизбирательности поражения [Khaled bin-Sultan, Seal 1995, 350].

В этот момент проблема ракетного распространения прочно слилась с проблематикой нераспространения ОМУ – и в таком виде она нашла отражение в основных технических параметрах систем, которые ограничивают к передаче согласно Режиму контроля над ракетной технологией (РКРТ) 1987 г. [Ozga 1994]. Так, пресловутое ограничение забрасываемого веса в 500 кг было обосновано массогабаритными параметрами типовых ядерных боезарядов, выполненных по сравнительно невысокой технологии потенциальных стран-претендентов [Feickert 2003, 1] (высокие технологии, которые были в распоряжении США и СССР, уже давали массу 100–150 кг даже для боезарядов среднего класса мощности). Однако ракетные технологии не стояли на месте, а их доступность только повышалась – в том числе и для стран, ранее не замеченных в попытках обойти подобный «двойной» режим нераспространения.

Революция в элементной базе бортовых систем управления и появление новых материалов изменили облик военного ракетостроения. Во-первых, изменения позволили создать принципиально новый класс ракетного оружия – высокоточные баллистические ракеты большой дальности в обычном оснащении. Решения, ранее доступные только сверхдержавам (как было в случае с ракетами Pershing II, оснащенными бортовыми радаром и цифровыми эталонами карт местности), теперь распространились на бывший «третий мир». Данная динамика отражается на примере нового поколения иранских баллистических ракет с корректируемыми головными частями, которые демонстрируют высокую точность, что было подтверждено атаками в январе 2020 г. в Айн-аль-Асаде [Savelsberg 2020].

Во-вторых, технологии крылатых ракет с точным наведением, которые в 1980-е гг. также были привилегией сверхдержав, стали доступны и другим странам. Это связано и с общими темпами научно-технического прогресса, и с направленными действиями по обретению ключевых технологий – например, Иран в 2001 г. организовал криминальную поставку советских стратегических крылатых ракет Х-55 (без ядерных боезарядов) с территории Украины [Einhorn, van Diepen 2019, 13].

Результаты распространения этого типа оружия хорошо видны на примере атак йеменских хуситов (поддерживаемых Ираном) на нефтеперегонные комплексы и терминалы Саудовской Аравии в последние годы. В прошлом даже удар по ним баллистическими ракетами в обычном оснащении не гарантировал сдерживающего ущерба из-за высокой вероятности промаха. Точность крылатых ракет позволяет поражать выборочные строения, а в отсутствие конструктивной защиты зданий и заглубления они практически гарантируют успех против взрыво- и пожароопасных «мягких целей» вроде нефтеперерабатывающих заводов и терминалов.

На приведенных примерах видна трансформация стратегий развития ракетного оружия региональных держав в сторону неядерного стратегического сдерживания. Способность наносить сравнительно точные удары баллистическими и крылатыми ракетами в обычном оснащении по отдельным военным объектам и критическим узлам гражданской инфраструктуры – новая реальность для региональных держав. Ракетное распространение, тем самым, отделяется от своего «теневого alter ego» (ОМУ) и приобретает куда более широкий размах.

Особое внимание, если не сказать ажиотаж, в последние годы вызывает тематика гиперзвукового ракетного оружия. В настоящее время существует несколько подходов к его определению, однако все они носят в значительной степени условный характер. Для целей настоящего материала авторы предлагают выделять три основных категории: ракетно-планирующие системы (баллистические ракеты с планирующими крылатыми блоками в качестве боевого оснащения, они же «гиперзвуковые глайдеры»), гиперзвуковые крылатые ракеты с прямоточными воздушно-реактивными двигателями и аэробаллистические ракеты с маневрирующими либо неотделяемыми головными частями (способные к управляемому маневру на траектории). Отдельно стоит отметить, что некоторые авторы определяют планирующие крылатые блоки как подвид маневрирующей головной части [Лысенко 2016, 237]. В ситуации с разработкой гиперзвукового оружия фактически видна эволюция двух давно известных видов ракетного оружия: аэробаллистических и баллистических ракет с маневрирующими головными частями и высокоскоростных крылатых ракет.

Ключевая особенность гиперзвукового оружия – комбинация высокой (гиперзвуковой, то есть превышающей 5 Махов на соответствующей высоте) скорости, полета в атмосфере на значительной части траектории и внутриатмосферного маневрирования. По мнению разработчиков и эксплуатантов, такие характеристики способствуют эффективному преодолению систем противоракетной и противовоздушной обороны противника, а также повышению точности – причем в зависимости от ситуации ставят акцент на одном из этих преимуществ.

Отдельным вопросом можно считать приоритетный тип боевой части гиперзвуковых ракет, так как теоретически высокая точность в сочетании с высокой скоростью могут позволить сократить мощность и вес боевой части – как ядерной, так и неядерной. Вместе с тем до настоящего времени в широком доступе имеется лишь очень ограниченная информация о реальных характеристиках соответствующих изделий и результатах испытаний. Боевое применение же в целом ограничено ударами гиперзвукового аэробаллистического ракетного комплекса воздушного базирования «Кинжал» по отдельным (предположительно высокозащищенным) объектам в марте 2022 г. на территории Украины. Однако если для России, и – насколько можно судить – Китая отдельные гиперзвуковые системы разрабатывают в варианте «двойного» боевого оснащения (ядерного и неядерного), в США до настоящего времени делают акцент на исключительно неядерном характере своих гиперзвуковых программ. Вместе с тем, например, в случае Франции гиперзвуковые проекты,

исходя из имеющейся информации, ведут в интересах сил ядерного сдерживания [*Tertrais* 2020, 65]. Аналогичная ситуация, видимо, наблюдается и в КНДР. Прочие же страны (Индия, Великобритания, Япония, Южная Корея, Австралия и др.) в принципе не концентрируют внимание на данном вопросе, либо они не обладают ядерным статусом [*Saylor* 2022].

Гиперзвуковое ракетное оружие – весьма затратный проект. Выполнение подобной программы требует серьезных инвестиций в разработку (либо приобретение и освоение) электроники для систем управления и наведения, специальных материалов (в том числе абляционных и жаропрочных), топлива нового типа, двигателей, а также испытательных комплексов (аэродинамических труб и достаточно протяженных полигонов со всеми необходимыми средствами телеметрии). Эффективное применение любого высокоточного оружия большой дальности (гиперзвукового в особенности) в значительной мере зависит от инфраструктуры разведки, целеуказания и связи.

Несмотря на указанные сложности, гиперзвуковое оружие становится все более заметным элементом мирового ракетного ландшафта, в том числе и в части распространения. Подогретый интерес к данной технологии может оживить и оптимизировать существующие механизмы контроля, либо, исходя из существующего опыта, привести к разработке новых инструментов, которые смогут охватить категорию высокоточного оружия большой дальности в целом.

Технологический прогресс приводит не только к повышению доступности ракетных вооружений для региональных игроков. Интеграция технологических решений и общие тенденции в появлении новых классов вооружений создают принципиально иную военнотехническую среду – в том числе в вопросах, не имеющих отношение непосредственно к ракетному распространению. В первую очередь эта проблема связана с созданием точных сенсоров на новом поколении элементной базы, а также высокопроизводительных вычислительных средств и средств цифровой связи, которые позволяют интегрировать бортовую аппаратуру в общий контур управления силами и средствами на театре военных действий.

Так, со всей очевидностью, ударные БПЛА как несомненный компонент современного высокоточного оружия становятся, с одной стороны, своего рода субститутами пилотируемой штурмовой и армейской авиации, а с другой – крылатых ракет. То же самое касается и «класса слияния» – барражирующих боеприпасов («дроны-камикадзе») и перспективного вида вооружений – смертоносных автономных систем оружия (САС), в которых решения на боевое применение принимаются на основании работы бортовых алгоритмов искусственного интеллекта с самообучением.

В этом смысле развитие беспилотных (автономных) платформ и их все более значимое распространение, заметное по опыту боевых действий последних лет в Йемене, Сирии, Ливии, в Нагорном Карабахе и на Украине, следует сопоставлять с проблемами ракетного распространения в целом. Это тем более насущно, что конкретная интерпретация норм, например, со стороны США в контексте упрощения ими экспорта БПЛА явно способствует расширению доступности систем ударных вооружений, формально подпадающих под РКРТ [*Kimball* 2020].

Заметным трендом становится «интеллектуализация» средств поражения. Фактически мы наблюдаем постепенное слияние категорий «крылатая ракета», «барражирующий боеприпас» и «ударный беспилотный летательный аппарат». Их с двух сторон сближают все более совершенные малогабаритные высокоточные ракеты поля боя, эволюционировавшие из противотанковых ракетных комплексов (в т. ч. израильский SPIKE или российский «Гермес»), а с другой – крылатые ракеты и корректируемые снаряды РСЗО, оснащенные отделяемыми либо кассетными боевыми частями, в предельном случае к тому же попада-

ющие в «корзину» гиперзвуковых летательных аппаратов (например, американский проект *Vintage Racer*). Представляется, что с течением времени благодаря миниатюризации и относительной доступности элементной базы вполне возможна ситуация, при которой практически все виды средств поражения на дальностях свыше прямой видимости будут обладать самостоятельной возможностью доразведки и донаведения на цель, а также запрограммированного маневра уклонения от средств противодействия.

Интеграция этих перспективных видов вооружений со старыми, но исполненными на новой технологической основе крылатыми и баллистическими ракетами в состав единых автоматизированных систем управления силами и средствами на театре военных действий способна придать им дополнительный боевой потенциал просто за счет комплексирования в едином контуре разведки, целераспределения и управления. Данная перспектива создает новые боевые возможности, которые прежде не были доступны для типовых армий бывших стран «третьего мира», и потенциально становится дестабилизирующим фактором в условиях региональных конфликтов (в том числе за счет резкого сжатия циклов боевого управления – сокращения «времени на принятие решения», важного фактора эскалации).

Таким образом, мы наблюдаем классическую динамику гонки вооружений как параллельных инвестиций и в «меч», и в «щит». Ее драйвером является в первую очередь воспринимаемая угроза отставания от вероятных противников либо приобретения таковыми качественных преимуществ.

Такая гонка уже идет – в первую очередь качественная. Однако при весьма вероятных условиях дальнейшей дестабилизации международной безопасности она способна быстро превратиться в количественную [Horowitz, Schwartz 2020].

Актеры ракетного распространения и их мотивация

Для целей данной работы акторов ракетного распространения можно приблизительно подразделить на три основные категории.

К первой из них относятся поставщики: технологически развитые страны, чаще всего – великие державы, которые производят передовые системы ракетных вооружений и предлагают их на экспорт. Данный класс находится на вершине «пищевой пирамиды»: именно отсюда ракетные технологии начинают свой сложный путь в менее развитые страны, по дороге пересекая формальные и неформальные линии ограничений. Поставщики, включаясь в процесс распространения, руководствуются сложным комплексом военно-политических и экономических мотиваций, что дополнительно усложняет построение эффективных режимов контроля.

Ко второй категории следует отнести клиентов: получателей потенциально опасных систем ракетных вооружений от стран-поставщиков. Клиенты выступают в двойной роли. С одной стороны, они, по сути, представляют собой объекты, а в ряде случаев и инструменты внешней политики великих держав-поставщиков, которые руководствуются соображениями внешнего управления региональными балансами сил за счет модулирования потоков современного оружия. С другой, среди нынешних клиентов есть немало самостоятельных претендентов на региональное лидерство – особенно в современном мире, который становится все более многополярным. Клиенты таким образом пытаются заполучить как минимум современные ударные потенциалы, а как максимум – технологии для развития национальной оборонной промышленности (в том числе для экспортных целей). Некоторые из них уже находятся в промежуточном состоянии – например, Турция или Индия, которые теоретически могут выступать и в роли поставщиков отдельных видов ракетного оружия.

К третьей категории относятся пролифераторы: страны, которые по тем или иным соображениям исключены из системы условно-легитимного распространения ракетных технологий от поставщиков, но в силу особенностей восприятия своего военно-политического окружения считают необходимым обзавестись соответствующими потенциалами. К данной категории можно отнести КНДР, Иран, Пакистан, в определенном смысле и Индию, в прошлом – Ирак, Египет, Ливию и Сирию. Пролифераторы известны своей неформальной сплоченностью и склонностью к формированию теневых рынков «запретных» технологий, как было с масштабным трансфером северокорейских ракетных инженерных решений в Иран и Пакистан [*Katmani* 2002]. Угрозы «контрраспространения» со стороны стран-поставщиков приводят пролифераторов к попыткам в интересах сдерживания обзавестись передовыми ракетными технологиями, а иногда, как в случае с КНДР, и ядерным оружием.

Эти соображения неизбежно влияют на структуру связей между поставщиками и покупателями по принципу технологической сегрегации, которая осуществляется не по военно-техническим основаниям (параметры систем, разрешенных к передаче согласно тем или иным режимам и договоренностям), а по соображениям динамики двусторонних отношений. Формируется среда, в которой исключения работают как правило, что разрушает универсальность контрольных режимов.

Технологическая сегрегация на неформальной основе встречалась и ранее. «Родовая травма» РКРТ – поставки крылатых ракет Tomahawk и баллистических ракет Trident II из США в Великобританию: передачу ракетного оружия своим союзникам по НАТО вывели из-под режима, как не создающую рисков неуправляемого распространения [*Хромов* 2000, 89]. В 1997 г. Великобритания пошла на следующий шаг – уже в отношении ОАЭ. Она передала ОАЭ крылатые ракеты Black Shaheen (модификация крылатой ракеты Storm Shadow), что вызвало скандал и дальнейшие изменения в процедурах определения топливно-эффективных профилей полета при расчете максимальной дальности для нужд РКРТ. Однако данная мера не предотвратила последующие поставки в Катар и Саудовскую Аравию [*Стефанович* 2019]. В дальнейшем схожие решения использовали США при поставках крылатых ракет JASSM и JASSM-ER в Польшу и Финляндию, а Германия и Швеция – при поставках ракет Taurus KEPD 350 в Испанию и Южную Корею. На данный момент есть все основания полагать, что ракеты Tomahawk также передадут Австралии в рамках новой сделки по строительству для нее ударных атомных подлодок.

Здесь выявляется главное противоречие ракетного распространения: попытки ведущих игроков удержаться на рынке заставляют их выставлять на продажу все более совершенные образцы вооружений – и, тем самым, постепенно размывать пороги ограничений, принятые ранее. Вопрос носит далеко не только коммерческий характер: военно-политическое значение поставок современных вооружений дружественным государствам не ниже, а зачастую и выше соображений поддержания уровня продаж оружия за рубеж – равно как выше их находятся и соображения конкуренции великих держав за влияние в бывшем «третьем мире» путем продажи оружия.

Сложившаяся ситуация влияет и на игроков, исключенных из системы трансфера передовых вооружений по военно-политическим мотивам. Лучшим примером здесь будет Иран: оказавшись вообще без доступа к современным ударным вооружениям (особенно к самолетам тактической авиации и их высокоточным средствам поражения) в самом начале 1990-х гг., страна в итоге создала оригинальную, диверсифицированную и довольно эффективную ракетостроительную отрасль – в первую очередь из-за необходимости не отставать в боевом потенциале от окружающих государств региона, которые получали высокотехнологические вооружения из США и стран Западной Европы.

Динамика в треугольнике отношений «поставщики – клиенты – пролифераторы» носит самоподдерживающийся характер и дополнительно стимулирует все вовлеченные стороны наращивать масштабы распространения, в том числе поверх ограничивающих режимов. Данная ситуация ставит вопрос о состоятельности всей контрольной системы, ее фокусировке и определении реального предназначения в новых условиях.

Есть ли решение через контроль?

В настоящее время существует два ключевых многосторонних механизма, напрямую связанных с ракетной проблематикой. В первую очередь это созданный в 1987 г. Режим контроля над ракетной технологией (РКРТ), к которому на данный момент присоединились 35 государств, включая все высокоразвитые в технологическом отношении страны, кроме Китая и Израиля.

Сам по себе РКРТ на сегодняшний день выступает в первую очередь в качестве площадки для технического диалога, и новые технологии остаются одной из приоритетных тем. Особую ценность представляют детально проработанные списки конкретных контролируемых технологий и изделий (т. н. Категория II), поставки которых на экспорт хоть и принципиально не запрещены, но которые следует особо тщательно контролировать. Нельзя недооценивать и мероприятия по схеме outreach: встречи представителей РКРТ и государств, не участвующих в режиме, но обладающих серьезным ракетным потенциалом. Помимо возможного (с оговорками) расширения членства в РКРТ, такие мероприятия помогают формировать единый понятийно-категориальный аппарат и буквально обсуждать проблемы ракетного распространения на одном языке. Одновременно в повестке РКРТ присутствуют и наиболее медийно-острые ракетные досье, в том числе иранское и северокорейское [Public Statement... 2021]. Несмотря на высокую важность технических консультаций, вне всякого сомнения, окончательное решение по этим темам должно быть найдено и утверждено на других площадках.

Председательство России в РКРТ в 2021–2022 гг. по причинам, связанным с обострением международного соперничества, не достигло и не могло достичь значимых целей. Однако нельзя не отметить, что российская сторона выступала с конкретными предложениями реанимации инициатив по созданию Глобального режима ракетного нераспространения (ГРРН) и Глобальной системы контроля за нераспространением ракет и ракетных технологий (ГСК) [МИД России 2021]. При этом были высказаны вполне понятные опасения относительно перспектив ГСК и ГРРН в кратко- и среднесрочной перспективе, но в качестве долгосрочного приоритета отмечалась именно необходимость создать всеобъемлющий механизм.

Гаагский кодекс поведения (ГКП) представляет собой еще более мягкий инструмент, чем РКРТ. Его ключевые элементы – взаимные уведомления о пусках баллистических ракет и ракет космического назначения, а также технические консультации. Нельзя сказать, что все государства-участники ГКП в полной мере исполняют свои добровольные обязательства, но, как минимум, существует еще одна площадка для предметного и (в идеале) деполитизированного обсуждения рассматриваемой проблемы.

В определенной мере общей проблемой РКРТ и ГКП стало наследие борьбы с потенциальными средствами доставки ОМУ, положенной в их фундамент. В то же время, как уже было показано выше, на сегодняшний день не менее актуальной проблемой становятся высокоточные ракеты в обычном оснащении.

В целом же, как представляется, и РКРТ, и ГКП – вполне рабочие механизмы, которые способны сыграть роль в снижении ракетных угроз в глобальном масштабе. Вместе

с тем оба этих режима носят добровольный характер и базируются на общих ценностях и приоритетах государств-участников, что дополнительно осложняется далеко не универсальным характером этого участия. В случае расхождения приоритетов эффективность соответствующих инструментов резко падает. Примером тому могут служить американские санкции в отношении ряда российских предприятий ракетостроения [*Черненко, Джорджевич* 2017]. Тем не менее, в ракетной сфере, да и в контроле над вооружениями в целом (в особенности в вопросе верификации соблюдения достигнутых соглашений), как показывает практика, многое зависит от добросовестного намерения сторон сотрудничать [*Podvig* 2022]. В конце концов, те условия, под которыми подписываются страны-участницы – лишь «нулевая отметка»: никто не запрещает государствам принимать на себя более строгие обязательства и вести более детальную отчетность на национальном уровне (как это наблюдается в режиме ядерного нераспространения).

Ключевой угрозой, к которой должна адресоваться эффективная всеобъемлющая система контроля над ракетным распространением, на сегодняшний день становится дальнейшее неуправляемое горизонтальное и вертикальное распространение эскалационно-опасных вооружений и военной техники. К ним следует отнести все те вооружения, которые по умолчанию находятся в высокой степени боевой готовности в мирное время, способны наносить поражение на оперативную и стратегическую глубину, а также могут применяться для сигнальных и разведывательных действий – в том числе формально при мероприятиях боевой подготовки (включая так называемые «электронные пуски») в непосредственной близости от линий соприкосновения вероятных противников.

На треке нераспространения в данный момент представляется целесообразным фокусироваться не столько на прямых ограничениях в сфере военно-технического сотрудничества и экспортного контроля, сколько на выявлении базовых, глубинных причин и противоречий, которые заставляют те или иные страны участвовать в соответствующих гонках вооружений. Предположительно, ни одна страна мира не стала бы инвестировать значительные средства в создание либо приобретение того или иного вида оружия исключительно из желания обладать ими ради военно-политического статуса. Конечно, статусные соображения зачастую подкрепляются наличием того или иного современного изделия в арсенале (как, например, происходит с ракетно-ядерной программой Индии, где статусный аспект довольно высок, но все равно не является главным и даже доминирующим [*Богданов, Куприянов* 2020]). Однако в роли реального драйвера выступает восприятие угроз национальной безопасности – неважно, насколько они реалистичны. Соответственно, необходимо выявлять такие воспринимаемые угрозы и их взаимно-усиливающие пары – и искать альтернативные пути деэскалации ожиданий. Аргументами в пользу альтернативных путей могут выступать как описательные модели дилеммы безопасности, так и продвижение мер по снижению угроз и контроля над вооружениями в качестве эффективного инструмента обеспечения национальной безопасности.

Достаточно радикальной идеей может стать уход от обсуждения детальных технических характеристик тех или иных видов ракетного вооружения и их компонентов со сведением проблематики контроля над ракетным распространением к поведенческим вопросам. Представляется как минимум потенциально рабочим вариантом вести обсуждение уже упомянутых воспринимаемых угроз и подходов к их купированию на концептуальном уровне, то есть не с точки зрения, например, баллистических ракет как таковых, а в контексте эскалационно-опасных сценариев их боевого применения и доктринальных установок, воспринимаемых как дестабилизирующие. В качестве примера подобного процесса, пусть и в весьма ограниченном формате, можно привести диалог «Ядерной пятерки» по доктринам [*P5 Conference... 2021*].

Другим направлением работы может стать разработка мер сдержанности, в том числе односторонних, одним из примером которых служит российская инициатива о моратории на развертывание ракет средней и меньшей дальности в отдельных регионах мира в условиях прекращения действия Договора 1987 г. о ракетах средней и меньшей дальности. Кроме того, заинтересованные стороны могли бы обсудить меры доверия по отдельным видам высокоточного оружия большой дальности, которые вызывают наибольшую озабоченность – в том числе в части обмена данными о существующих и планируемых количественных показателях и географии развертывания соответствующих систем [Стефанович 2021].

В целом следует отметить, что в нынешних условиях совершенствование контроля над ракетным распространением нужно в некотором смысле начинать с нуля из-за того, что имевшиеся ранее механизмы раз за разом дают сбои, либо попросту не затрагивают некоторые дестабилизирующие потенциалы из-за резко ушедшего вперед технического прогресса. Такой «пейзаж после взрыва» парадоксальным образом упрощает практическую работу: для минимального улучшения ситуации с ракетным распространением достаточно «мягкого контроля над вооружениями» – простых, в ряде случаев даже односторонних ограничений. Однако важность развития диалога об угрозах не вызывает сомнения. Сохраняется определенный потенциал наличных режимов контроля как дополнительных инструментов обеспечения нераспространения ОМУ, но он постепенно девальвируется в условиях прогресса технологий. Вместе с тем авторы вынуждены констатировать, что формирование по-настоящему жестких глобальных режимов ракетного распространения с интрузивной верификационной базой на данный момент не выгодно ни одной из категорий его акторов, и поэтому представляется маловероятным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богданов К., Куприянов А. (2020) Взаимное сдерживание Индии и Пакистана: Стратегическая культура и ядерная стратегия // В: Ежегодник СИПРИ 2019: Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН. 893 с. С. 833–846.
- Веселов В. (2012) Нераспространение ракетных технологий: вклад России в укрепление международного режима // Международные процессы. Т. 10. № 2 (29). С. 46–56.
- Гусынина Ю. (1999) Международно-правовые аспекты нераспространения ракетной технологии // Дисс. на соиск. уч. степени канд. юр. наук. Москва: МГИМО-Университет. 193 с.
- Контроль над вооружениями в новых военно-политических и технологических условиях (2020) Под ред. А. Арбатова. М.: ИМЭМО РАН. 177 с.
- Литаврин П. (1998) Проблемы ракетного распространения в Азии // Ядерный контроль. № 3. С. 5–10.
- Лысенко Л. (2016) Наведение баллистических ракет. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана. 445 с.
- МИД России. (2021) Выступление заместителя Министра иностранных дел Российской Федерации С.А. Рябкова на открытии пленарного заседания Режима контроля за ракетной технологией (РКРТ). Сочи. 6 октября 2021 г. (<https://mid.ru/ru/detail-material-page/1777921/>).
- Мизин В. (2009) Россия и РКРТ: эволюция подхода и будущее режима. М.: МГИМО-Университет. 88 с.
- Новиков В. (2012) Состояние и перспективы режима контроля над ракетной технологией // Проблемы национальной стратегии. № 1 (10). С. 73–91.
- Ознобищев С., Топычканов П. (2012) Развитие «региональных» ракетных потенциалов и систем ПРО // Мировая экономика и международные отношения. № 12. С. 24–32.

- Сажин В. (2011) Ракетно-ядерный потенциал Исламской Республики Иран. М.: Ленанд. 128 с.
- Стефанович Д. (2019) «Достратегический» экспорт и режим контроля за ракетной технологией // Экспорт вооружений. № 6. С. 38–40.
- Стефанович Д. (2021) Распространение высокоточного оружия большой дальности: стратегическое, техническое и политическое измерения // Новый оборонный заказ. Стратегии № 1 (66). С.32–37.
- Хромов Г. (2000) Политика Индии в области ракетного и ядерного нераспространения и сотрудничество с Россией // В: Экспортный контроль в России: Политика и практика. М.: ПИР-Центр. 216 с. С. 80–97.
- Черненко Е., Джорджевич А. (2017) По ракетам средней и меньшей дальности ударили санкциями. Коммерсант. 20 декабря 2017 г. (<https://www.kommersant.ru/doc/3502100>).
- Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений. (2011) Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. М.: РОССПЭН. 511 с.
- Ядерное оружие после «холодной войны». (2006) Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. М.: РОССПЭН. 560 с.
- Ядерное распространение: новые технологии, вооружения и договоры. (2009) Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. М.: РОССПЭН. 272 с.
- Bogdanov K. (2020) Missile and Nuclear Capabilities of Middle East Countries // In: Kantor V. (ed.) Middle East Crisis: Scenarios and Opportunities. Moscow: National Institute of Corporate Reform. 127 p. Pp. 111–130.
- Einhorn R., van Diepen V. H. (2019) Constraining Iran's Missile Capabilities. Washington, DC: The Brookings Institution. 71 p.
- Feickert A. (2003) Missile Technology Control Regime (MTCR) and International Code of Conduct Against Ballistic Missile Proliferation (ICOC): Background and Issues for Congress. CRS Report RL31848. Washington, DC: Congressional Research Service. 31 p.
- Hoffman F. (2021) Cruise Missile Proliferation: Trends, Strategic Implications, and Counterproliferation. European Leadership Network. 38 p.
- Horowitz M., Schwartz J. (2020) To Compete or Retreat? The Global Diffusion of Precision Strike // SSRN. December 20. DOI: 10.2139/ssrn.3752391.
- IISS (2021) The Arms Race on the Korean Peninsula // Strategic Comments. Vol. 27. Issue 8. Pp. 4–6. DOI: 10.1080/13567888.2021.1996065.
- Kampani G. (2002) Second Tier Proliferation: The Case of Pakistan and North Korea // The Non-Proliferation Review. Vol. 9. No. 3. Pp. 107–116. DOI: 10.1080/10736700208436907.
- Khaled bin-Sultan, Seal P. (1995) Desert Warrior: A Personal View of the Gulf War by the Joint Forces Commander. New York: Harper Collins. 512 p.
- Kimball D. (2020) U.S. Reinterprets MTCR Rules // Arms Control Today. September 2020. (<https://www.armscontrol.org/act/2020-09/news/us-reinterprets-mtcr-rules>).
- Kubiak K. (2019) Missile Control: It's Not Rocket Science. European Leadership Network. 26 p.
- Ozga D. (1994) A Chronology of Missile Technology Control Regime // The Non-Proliferation Review. Vol. 1. Issue 2. Pp. 66–93. DOI: 10.1080/10736709408436541.
- P5 Conference Joint communiqué (2021) Paris. December 2-3. (https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/p5_statement_2_3-12-21_cle04ad34.pdf).
- Podvig P. (ed.). (2022) Exploring Options for Missile Verification. Geneva: UNIDIR. 68 p. DOI: 10.37559/WMD/22/Misver/01.
- Public Statement from the Plenary Meeting of the Missile Technology Control Regime (2021) Missile Technology Control Regime. Sochi. October 8. (<https://mtcr.info/public-statement-from-the-plenary-meeting-of-the-missile-technology-control-regime-sochi-8-october-2021/>).
- Savelsberg R. (2020) 'Massive Improvement' In Accuracy Of Iran Missiles Over Scud-B // Breaking Defense. January 15, 2020. (<https://breakingdefense.com/2020/01/massive-improvement-in-accuracy-of-iran-missiles-over-scud-b/>).

Sayler, K. (2022) Hypersonic Weapons: Background and Issues for Congress. Congressional Research Service Report. March 17.

Speier R.H., Nacouzi G., Lee C, and Moore R.M. (2017) Hypersonic Missile Nonproliferation: Hindering the Spread of a New Class of Weapons. Santa Monica: RAND Corporation.

Tertrais B. (2020) French Nuclear Deterrence Policy, Forces, And Future: A Handbook. Paris: Fondation pour la recherche stratégique. 73 p.

UNIDIR (2019) The Implications of Hypersonic Weapons for International Stability and Arms Control: Report on a UNIDIR-UNODA Turn-based Exercise. United Nations Institute for Disarmament Research. 16 p.

UNODA (2019) Hypersonic Weapons: A Challenge and Opportunity for Strategic Arms Control. United Nations Office for Disarmament Affairs. 50 p.

REFERENCES

Arbatov A. (ed.) (2020) *Kontrol' nad vooruzheniyami v novykh voyenno-politicheskikh i tekhnologicheskikh usloviyakh* [Arms Control in the New Military-Political and Technological Conditions]. Moscow: IMEMO RAN. 177 p.

Arbatov A., Dvorkin V. (ed.) (2006) *Yadernoye oruzhiye posle «kholodnoy voyny»* [Nuclear Weapons after the Cold War.]. Moscow: ROSSPEN. 560 p.

Arbatov A., Dvorkin V. (ed.) (2009) *Yadernoye rasprostraneniye: novyye tekhnologii, vooruzheniya i dogovory* [Nuclear Proliferation: New Technologies, Weapons and Treaties]. Moscow: ROSSPEN. 272 p.

Arbatov A., Dvorkin V. (ed.) (2011) *Yadernaya perezagruzka: sokrashcheniye i nerasprostraneniye vooruzheniy* [Nuclear Reset: Arms Reduction and Non-Proliferation.]. Moscow: ROSSPEN. 511 p.

Bogdanov K. (2020) Missile and Nuclear Capabilities of Middle East Countries. In: *Middle East Crisis: Scenarios and Opportunities*. Ed(s): Kantor V. National Institute of Corporate Reform. pp. 111–130.

Bogdanov K., Kuprianov A. (2020) Vzaimnoe sderzhivanie Indii i Pakistana: Strategicheskaya kultura i yadernaya strategiya. [The Indo-Pakistani Mutual Deterrence: Strategic Culture and Nuclear Strategy] In: *Yezhegodnik SIPRI 2019: Vooruzheniya, razorusheniye i mezhdunarodnaya bezopasnost*. Moscow: IMEMO RAN. 893 p. pp. 833–846.

Chernenko E., Dzordzevich A. (2017) Po raketam sredney i men'shey dalnosti udarili sanktsiyami [The Intermediate-Range and Shorter-Range Missiles Were Hit with Sanctions]. *Kommersant*. 20.12.2017. (<https://www.kommersant.ru/doc/3502100>).

Einhorn R., van Diepen V. H. (2019) *Constraining Iran's Missile Capabilities*. Washington, DC: The Brookings Institution, 2019. 71 p.

Feickert A. (2003) *Missile Technology Control Regime (MTCR) and International Code of Conduct Against Ballistic Missile Proliferation (ICOC): Background and Issues for Congress*. CRS Report RL31848. Washington, DC: Congressional Research Service. 31 p.

Gusynina Y. (1999) *Mezhdunarodno-pravovyye aspekty nerasprostraneniya raketnoy tekhniki*. [International Legal Aspects of Non-Proliferation of Missile Technology.]. Diss. na soisk. uch. stepen' kand. yur. nauk. Moscow: MGIMO-Universitet. 193 p.

Hoffman F. (2021) *Cruise Missile Proliferation: Trends, Strategic Implications, and Counterproliferation*. European Leadership Network. 38 p.

Horowitz M. C., Schwartz, J. (2020) To Compete or Retreat? The Global Diffusion of Precision Strike. *SSRN*. December 20, 2020. DOI: 10.2139/ssrn.3752391.

IISS (2021) The Arms Race on the Korean Peninsula. *Strategic Comments*. vol. 27, issue 8, pp. 4–6. DOI: 10.1080/13567888.2021.1996065.

Kampani G. (2002) Second Tier Proliferation: The Case of Pakistan and North Korea. *The Non-Proliferation Review*. vol. 9, no. 3, pp. 107–116. DOI: 10.1080/10736700208436907.

Khaled bin-Sultan, Seal P. (1995) *Desert Warrior: A Personal View of the Gulf War by the Joint Forces Commander*. New York: Harper Collins. 512 p.

Khromov G. (2000) Politika Indii v oblasti raketnogo i yadernogo nerasprostraneniya i sotrudnichestvo s Rossiei. [India's Missile and Nuclear Non-Proliferation Policy and Cooperation with Russia]. In: *Eksportnyy kontrol v Rossii: Politika i praktika*. Moscow: PIR-Center. 216 p. pp. 80–97.

Kimball D. (2020) U.S. Reinterprets MTCR Rules. *Arms Control Today*. September 2020. (<https://www.armscontrol.org/act/2020-09/news/us-reinterprets-mtcr-rules>).

Kubiak K. (2019) Missile Control: It's Not Rocket Science. *European Leadership Network*. 26 p.

Litavrin P. (1998) Problemy raketnogo rasprostraneniya v Azii [Problems of Missile Propagation in Asia]. *Yadernyy kontrol'*. no. 3, pp. 5–10.

Lysenko L. (2016) *Navedenie ballisticheskikh raket* [Ballistic Missile Guidance]. Moscow: MGТУ im. N.E. Bauman. 445 p.

MID Rossii (2021) Vystuplenie zamestitelya Ministra inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii S.A. Ryabkova na otkrytii plenarnogo zasedaniya Rezhima kontrolya za raketnoi tekhnologii (RKRT) [Statement by S.A. Ryabkov, Deputy Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation, at the Opening Plenary Session of the Missile Technology Control Regime (MTCR)]. Sochi, October 6, 2021. (<https://mid.ru/ru/detail-material-page/1777921/>).

Mizin V. (2009) *Rossiya i RKRT: evolyutsiya podkhoda i budushcheye rezhima* [Russia and the MTCR: The Evolution of the Approach and the Future of the Regime]. Moscow: MGIMO-Universitet. 88 p.

Novikov V. (2012) Sostoyaniye i perspektivy rezhima kontrolya nad raketnoy tekhnologiyey [Status and Prospects of the Missile Technology Control Regime]. *Problemy natsional'noy strategii*. no. 1 (10), pp. 73–91.

Ozga D. (1994) A Chronology of Missile Technology Control Regime. *The Non-Proliferation Review*. vol. 1, issue 2, pp. 66–93. DOI: 10.1080/10736709408436541.

Oznobishchev S., Topychkanov P. (2012) Razvitiye «regional'nykh» raketnykh potentsialov i sistem PRO [Development of “Regional” Missile Potentials and Missile Defense Systems]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. no. 12, pp. 24–32.

P5 Conference Joint communiqué (2021) Paris. December 2-3. (https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/p5_statement_2_3-12-21_cle04ad34.pdf).

Podvig, P. (ed.). (2022) *Exploring Options for Missile Verification*. Geneva: UNIDIR. 68 p. DOI: 10.37559/WMD/22/Misver/01.

Public Statement from the Plenary Meeting of the Missile Technology Control Regime (2021) Missile Technology Control Regime. Sochi. October 8. (<https://mtcr.info/public-statement-from-the-plenary-meeting-of-the-missile-technology-control-regime-sochi-8-october-2021/>).

Savelsberg R. (2020) ‘Massive Improvement’ In Accuracy Of Iran Missiles Over Scud-B. *Breaking Defense*. January 15. (<https://breakingdefense.com/2020/01/massive-improvement-in-accuracy-of-iran-missiles-over-scud-b/>).

Sayler K. (2022) *Hypersonic Weapons: Background and Issues for Congress*. Congressional Research Service Report. March 17, 2022.

Sazhin V. (2011) *Raketno-yadernyy potentsial Islamskoy Respubliki Iran* [Nuclear and Missile Potential of the Islamic Republic of Iran]. Moscow: Lenand. 128 p.

Speier R.H., Nacouzi G., Lee C, Moore R.M. (2017) *Hypersonic Missile Nonproliferation: Hindering the Spread of a New Class of Weapons*. Santa Monica: RAND Corporation.

Stefanovich D. (2019) «Dostrategicheskiy» eksport i rezhim kontrolya za raketnoy tekhnologiyey [«Sub-strategic» Export and Missile Technology Control Regime]. *Eksport vooruzheniy*. no. 6, pp. 38–40.

Stefanovich D. (2021) Rasprostraneniye vysokotochnogo oruzhiya bol'shoy dal'nosti: strategicheskoye, tekhnicheskoye i politicheskoye izmereniya [Proliferation of Long-Range Precision Weapons: Strategic, Technical and Political Dimensions]. *New Defence Order. Strategy*. no. 1 (66), pp. 32–37.

Tertrais B. (2020) *French Nuclear Deterrence Policy, Forces, And Future: A Handbook*. Paris: Fondation pour la recherche stratégique. 73 p.

UNIDIR (2019) *The Implications of Hypersonic Weapons for International Stability and Arms Control: Report on a UNIDIR-UNODA Turn-based Exercise*. United Nations Institute for Disarmament Research. 16 p.

UNODA (2019) *Hypersonic Weapons: A Challenge and Opportunity for Strategic Arms Control*. United Nations Office for Disarmament Affairs. 50 p.

Veselov V. (2012) *Nerasprostraneniye raketnykh tekhnologiy: vklad Rossii v ukrepleniye mezhdunarodnogo rezhima [Non-Proliferation of Missile Technologies: Russia's Contribution to Strengthening the International Regime]*. *Mezhdunarodnyye protsessy*. vol. 10, no. 2 (29), pp. 46–56.

Информация об авторах

Богданов Константин Вадимович, кандидат технических наук, старший научный сотрудник Центра международной безопасности Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук. Адрес: Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997. E-mail: cbogdanov@imemo.ru

Стефанович Дмитрий Викторович, научный сотрудник Центра международной безопасности Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук. Адрес: Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997. E-mail: stefanovich@imemo.ru

About the authors

Konstantin V. Bogdanov, Candidate of Sciences (Engineering), Senior Research Fellow, Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO). Address: 23, Profsoyuznaya st., Moscow, Russian Federation, 117997. E-mail: cbogdanov@imemo.ru

Dmitry V. Stefanovich, Research Fellow, Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO). Address: 23, Profsoyuznaya st., Moscow, Russian Federation, 117997. E-mail: stefanovich@imemo.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 04.04.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 12.04.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 19.04.2022

DOI: 10.31857/S086904992202006X
EDN: EVUVRW

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ SOCIOLOGICAL STUDIES

Оригинальная статья / Original Article

Модели легитимации и альтернативы социальной динамики¹

© И.Е. ДИСКИН

Дискин Иосиф Евгеньевич, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), idiskin9@gmail.com. ORCID: 0000-0001-5002-7867

Масштабные социально-экономические преобразования неизбежно влекут за собой социально-политические риски. Для профилактики таких рисков необходимо проанализировать факторы легитимации и разработать соответствующие модели. Эти модели отражают специфику группового восприятия социальной реальности, которая обуславливает формирование оценок легитимности социально-политической системы. Эмпирической основой построения рассматриваемых моделей стали результаты социологического исследования, включающего в себя фокус-группы и общероссийский опрос. В качестве дифференцирующего основания для отнесения к одной из моделей легитимации выбраны предпочтения респондентов к определенной исторической эпохе. Исследование подтвердило гипотезу о наличии двух базовых моделей легитимации: «конвенционалистов» и «ригористов». Применение моделей позволило оценить альтернативы взаимодействия их представителей, представить ориентиры социального развития, связанные со снижением рисков социально-политической стабильности.

Ключевые слова: легитимность, легитимация, модели легитимации, модели социальной динамики, стратегии социального развития

Цитирование: Дискин И.Е. (2022) Модели легитимации и альтернативы социальной динамики // Общественные науки и современность. № 2. С. 78–94. DOI: 10.31857/S086904992202006X, EDN: EVUVRW

¹ Финансирование. Статья подготовлена по результатам проекта «Легитимность российской социально-политической системы: проблемы, специфика, пути упрочения», осуществленного при финансовой поддержке РФФИ, проект: 21-011-31887 опн.

Funding. The article was prepared based on the results of the project “Legitimacy of the Russian Socio-Political System: Problems, Specifics, Ways of Strengthening”, carried out with the financial support of the RFBR, project no. 21-011-31887 opn.

Models of Legitimation and Alternatives to Social Dynamics

© I. DISKIN

Iosif Y. Diskin, HSE University (Moscow, Russia), idiskin9@gmail.com. ORCID: 0000-0001-5002-7867

Abstract. Large-scale socio-economic transformations inevitably entail socio-political risks. Prevention of said risks requires the analysis of legitimation factors, as well as the development of appropriate models. In these models it is necessary to reflect the specifics of the perception of social reality, which determines the formation of assessments of the legitimacy of the socio-political system. The article presents the results of a sociological study, which includes focus groups and an all-Russian survey. As a differentiating basis for attribution to one of the models were chosen the respondents' preferences in relation to certain historical eras. The study confirmed the hypothesis that there are two basic models of legitimation: «conventionalists» and «rigorists». The application of these models made it possible to assess alternatives to the interaction of representatives of these models and to present the guidelines for social development associated with reducing the risks of socio-political stability.

Keywords: legitimacy, legitimation, models of legitimation, models of social dynamics, strategies of social development

Citation: Diskin I. (2022) Models of Legitimation and Alternatives to Social Dynamics. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 78–94. DOI: 10.31857/S086904992202006X, EDN: EVUVRW

В последние годы легитимность социально-политической системы находится в фокусе идейно-политической борьбы. Обвинения власти в нелегитимности стали стандартным приемом.

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена также тем, что масштабные социально-экономические преобразования, направленные на достижение национальных целей, неизбежно порождают значимые социальные структурные изменения и, соответственно, социально-политические риски [Дискин 2021]. Для их профилактики и купирования нужно понимать существо процессов легитимации. Возникает необходимость эксплицитно выделить факторы, которые значимо влияют на процессы легитимации.

Исходные положения

Рассмотрение вопросов легитимности принято начинать с работ М. Вебера, который, собственно, и ввел данную проблему в научный оборот [Weber 1964]. Исходным положением стало разграничение между легитимностью с одной стороны и легальностью с другой. Его видение развил знаменитый последователь Т. Парсонс, который ввел различие между универсальными и партикулярными ценностями [Парсонс 2000]. Стало возможным рассматривать не только секулярные социальные регуляторы, но и регуляторы, которые имеют религиозную основу.

Влияние легитимности на характер функционирования социально-политической системы описал Д. Истон. Он связал легитимность со способностью поддерживать политическую стабильность. Большое значение также имеет развитие им типологии легитимности [Easton 1975]. В ее рамках были выделены различные основания легитимности,

включая ценности и интересы. Следует отметить, что данные конструкции не были эмпирически верифицированы.

Линию Истона продолжил и обобщил С. Липсет [*Lipset, Lakin 2004.*] Его вкладом в тему стал анализ ролей различных акторов, в том числе государства и элит, в легитимации социально-политической системы. С. Липсет указал также на связь между характером политической системы, с одной стороны, и уровнем социально-экономического развития, с другой [*Lipset, Lakin 2004.*]. Следует обратить внимание на то, что С. Липсет, в отличие от Т. Парсонса, в качестве легитимных рассматривает лишь универсальные ценности.

Следует также иметь в виду и альтернативную конструкцию, в рамках которой на уровень социально-экономического развития и на характер функционирования социально-политической системы существенно влияет общий фактор – преобладающие социальные регулятивные механизмы [*Дискин 2016.*].

С учетом сделанных оговорок, автор принимает определение С. Липсета: «Легитимность означает, что общество в целом считает политические институты наиболее приемлемыми, независимо от мнения о конкретных людях, находящихся у власти в данной момент» [*Lipset, Lakin 2004, 209.*]. Оно лежит в рамках классической вебериянской традиции социологического анализа легитимности.

Развернутый анализ методологических и теоретических проблем политической социологии, включая легитимацию, представил А.С. Филиппов [*Филиппов 2002, Филиппов 2002a.*]. Особенности отечественной легитимности проанализировали М.В. Ильин и А.Ю. Мельвиль [*Ильин, Мельвиль 2007.*].

В исследовании проблем легитимации сложилось магистральное направление, которое связывает ее с демократичностью электоральных процедур [*Beetham 2013; Levi, Sacks, Tyler 2009; Lipset, Lakin 2004.*]. Полагается, что эффективная электоральная система способна обеспечить достаточную легитимность социально-политической системы.

Не отрицая мейнстримного подхода, можно утверждать, что в рамках анализа процессов легитимации недостаточное внимание уделяют изучению ее социальных механизмов и разработке моделей, характеризующих специфическое восприятие социальной реальности, которое и обуславливает формирование соответствующих оценок легитимности.

Актуальность такого подхода, как представляется, ярко проявилась при обсуждении результатов президентских выборов в США, а также при анализе влияния идеологизированных взглядов на оценку социальной реальности [*Гоффе, Монусова 2020; Дискин 2021.*].

Важным фактором резкого повышения актуальности стало и социальное влияние пандемии. Пандемия коронавируса, также как и социальный «шок» 1990-х гг., привела к широкому – хоть и несколько меньшему, чем тогда – «тревожному» состоянию массового сознания. Так, по данным ВЦИОМ, 46% населения испытывают чувство тревоги. Показатель лишь немного меньше, чем доля тех, кто ощущает спокойствие – 49% [ВЦИОМ 2022]. Ощущение тревоги снижает рациональную компоненту оценки ситуации и, напротив, повышает влияние эмоциональных, часто аффектированных оценок.

Ряд экспертов полагает, что часть общества, которая негативно относится к политике властей по борьбе с коронавирусной инфекцией, занимает и негативную позицию в отношении легитимности власти [*Мамонов 2021.*].

В ходе социологического исследования – основания верификации – ставилась задача проверить гипотезу о том, что выделить носителей различных моделей оценки легитимности можно на основе дифференцирующих оснований: наличия социального опыта, а также соотношения регуляторной роли рефлексии социально-экономических интересов, с одной стороны, и ценностей, с другой. Соответственно, объектами исследования стали социальные группы, которые характеризуют:

- достаточный социальный опыт, наличие определенного уровня рефлексии как собственных, так и общественных социально-экономических интересов, значимое нравственно-этическое влияние. В качестве представителей рассматривались члены региональных и муниципальных общественных палат. Они характеризуются определенным статусом и навыками рефлексии личных и общественных социально-экономических интересов;
- отсутствие значимого социального опыта, необходимого для рефлексии социально-экономических интересов, и наличие образовательного потенциала, необходимого для восприятия нравственно-этического влияния – студенты младших курсов ВУЗов;
- невысокий уровень рефлексии собственных социально-экономических интересов, преобладание ценностных, нравственно-этических оценок – массовые социальные группы, характеризующиеся преимущественно низким и средним ресурсным потенциалом, различным образовательным уровнем.

Результаты

В рамках проекта были проведены фокус-группы:

- с участием членов региональных и муниципальных общественных палат Республики Татарстан, Краснодарского края, Саратовской и Свердловской областей;
- с участием студентов НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург и Пермь), Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова, Южнорусского института управления (филиал РАНХиГС).

Опрос (телефонный) жителей России был проведен по общероссийской квотной выборке – 1600 человек, метод опроса – телефонное интервью по стратифицированной двух-основной случайной выборке стационарных и мобильных номеров².

Результаты исследования показывают, что социальные изменения последнего времени усилили фрагментацию массового сознания, и, как представляется, обусловили формирование двух базовых моделей:

1. «Ригористы» обоих флангов, которые предъявляют власти абсолютные нравственные критерии и требования, не допускают в своих оценках нравственных компромиссов³. Следует учитывать наличие переходных состояний, включая «мягких ригористов». У них преобладают нравственно-этические оценки ситуации, но сохраняется включенность в диалог.

2. «Конвенционалисты» – сторонники взаимно приемлемой конвенции относительно нравственных норм в хозяйственной, государственной и общественной жизни, учета разного рода жизненных обстоятельств, а главное, допустимых отклонений в соблюдении этих норм⁴.

Данные модели и ранее присутствовали в массовом сознании, но с довольно мягкими переходами и взаимопроникновениями.

² Социологическое исследование было проведено в рамках фундаментального исследования, осуществленного при финансовой поддержке РФФИ проект: 21-011-31887 опп. Руководитель проекта – автор статьи.

³ Rigorous (англ.) строгий, суровый, неукоснительный. Метафора ригоризма позволяет характеризовать основное качество этой модели: ригоризм исключает компромиссы и не учитывает принципы, отличные от исходного. Использование этой метафоры позволяет также увидеть историческую традицию использования этого слова. В этике принцип ригоризма был сформулирован в учении Канта о долге как единственной критерии нравственности [Философский словарь, Ригоризм].

⁴ Это название связано с концепцией, обоснованной в ряде работ автора [Дискин 2016; Дискин 2021].

Результаты исследования подтвердили актуальность проблемы легитимности социально-политической системы. Большинство участников фокус-групп указывает на наличие ситуации, которую они воспринимают как разрыв между «ценностями власти» и «ценностями народа». Представители общественных палат и общественных советов смотрят на ситуацию как на базовый социально-политический контекст страны – и как на проблему, требующую конструктивного решения совместными усилиями государства и гражданского общества.

Данные оценки совпадают с результатами опроса. Так, более 42% опрошенных отмечают определенное несовпадение между ценностями российской власти и ценностями народа.

В качестве точки, где интересы власти и народа сходятся, называют стабильность и качество жизни. Здесь характерно мнение одного из участников фокус-групп: «Раз мы говорим о легитимности, даже компромиссной, то первое, например, это стабильность. Хотим того или не хотим, на сегодняшний день у власти и народа общая ценность – стабильность».

Подтверждается гипотеза о большей склонности к социально-политическому компромиссу у исследуемого сегмента гражданского общества. Компромисс они рассматривают как один из путей легитимации. В этом смысле можно сделать вывод о том, что представители общественных палат следуют модели «конвенционалистов».

Данная модель преобладает в обществе, что подтверждается данными опроса. 55% опрошенных полностью или частично согласны с тем, что «народ и власть в России вынуждены постоянно идти на компромиссы по отношению друг к другу». Не согласны с такой позицией около четверти опрошенных.

При сопоставлении материалов фокус-групп с участием членов общественных палат, с одной стороны, и студентов, с другой, привлекает внимание более распространенное у студентов нравственное, эмоционально окрашенное восприятие власти. Так, представительным было мнение студента из Казани: «Сама государственная жизнь, она вообще многообразна, но палитра тоже, соответственно, нашей эмоциональной реакции тоже от благодарности, от гордости до просто негативного отношения к ряду моментов, связанных с коррупцией».

Результаты опроса показывают наличие различных оснований оценок ситуации. Чтобы более четко различать такие основания, были использованы предпочтения респондентов в отношении разных «эпох»⁵. Представления о предпочитаемых эпохах связаны с достаточно размытыми их образами, которые формируются системой образования и СМИ. В то же время в этих образах индивиды, как представляется, считывают признаки, связанные как с оценками нравственно-этических черт соответствующих «эпох», так и с учетом властями того времени социально-экономических интересов людей.

Анализ представленных в интернете референций этих «эпох» с характеристиками их привлекательных черт вполне корреспондирует с указанной позицией. Брежневский период приводят как пример заботы «о простом человеке». Сталинский становится примером величия страны, ее способности к быстрому решению насущных проблем (послевоенное восстановление, создание ракетно-ядерного оружия и т.п.). Эпоху России последней трети XIX – начала XX вв. считают расцветом отечественного искусства, быстрого роста экономики. Период правления Б.Н. Ельцина связан с ориентацией на либерально-демократические ценности.

⁵ Этот подход неоднократно использовался в ряде социологических исследований.

Неопределенность возникает с оценками современной России. Здесь нет еще устоявшихся представлений. Респонденты, выбравшие современную «эпоху», могут быть носителями различных моделей легитимации. Соответственно, необходим дополнительный анализ, сопоставление данного периода с более четкими предпочтениями других «эпох».

С целью такого сопоставления были проанализированы данные как проведенного автором социологического исследования, так и результатов исследования ЦИРКОН [ЦИРКОН 2021]. В них были заданы вопросы, близкие по смыслу к следующему: в какую эпоху Вы хотели бы жить, если бы у Вас была такая возможность?

1. В современной России.
2. В СССР в период Л. Брежнева.
3. В СССР в период И. Сталина.
4. В России последней трети XIX – начала XX вв.
5. В России времен Б. Ельцина.
6. В другую эпоху.

Ответы на них, как представляется, дифференцировали опрошенных по признаку их принадлежности к одной из базовых моделей легитимации. Те, кто предпочитает современную Россию и период Л.И. Брежнева (по данным опроса ЦИРКОН, примерно 2/3), преимущественно можно отнести к «конвенционалистам». Примерно треть опрошенных, которые предпочитают времена И. Сталина и Б. Ельцина, можно отнести к «ригористам», хотя и ориентированным на кардинально различающиеся идеологические позиции. Наше исследование дает несколько иные результаты:

Распределение по вопросу 12: «В какую эпоху Вы хотели бы жить, если бы у Вас была такая возможность?»



Примечательно, что молодежные поколения (18–24 года) больше всего предпочитают современную «путинскую» Россию – 57%. Выбор примечателен в связи с тем, что эти поколения явно не обладают достаточным собственным жизненным опытом. Их оценки современной «эпохи» формируются примерно по тем же основаниям, что и отношение к предшествующим. Единственная возрастная когорта, которая предпочла «эпоху» Брежнева – респонденты 60+ (вероятно в связи с тем, что на этот период пришлась их молодость).

Дальнейший ход анализа направлен на проверку гипотезы о дифференцирующей роли исторического выбора. Данная проверка предполагает выявление существенных различий, которые влияют на формирование оценок легитимности.

Данные таблицы 1 показывают явное смещение в сторону позитивных оценок теми, кто предпочитает современную «эпоху». Оценку «очень плохая» выбирают те, чьи оценки, как и предполагалось, связаны с ценностными – а точнее идеологическими – основаниями. И сторонники «эпохи» Сталина, и сторонники «эпохи» Ельцина («ригористы» в соответствии с гипотезой) почти одинаково негативно оценивают ситуацию.

Тезис о типологической принадлежности сторонников «эпохи» Ельцина к либеральным «ригористам» подкрепляют данные таблицы 2.

Таблица 1.

% по столбцу	В какую эпоху Вы хотели бы жить, если бы у Вас была такая возможность?	В современной России	В СССР в период Л. Брежнева	В СССР в период И. Сталина	В России последней трети XIX – начала XX вв.	В России времен Б. Ельцина	В другую эпоху
	Очень хорошая	2,9	0,3	2,0	0,0	0,0	1,4
	Хорошая	14,7	8,8	6,9	12,6	3,6	4,2
	Скорее хорошая	28,7	20,1	18,6	21,8	9,1	12,5
	Скорее плохая	25,4	23,3	20,6	33,3	32,7	19,4
	Плохая	14,1	18,8	15,7	13,8	18,2	20,1
	Очень плохая	8,8	24,4	34,3	17,2	32,7	34,7
	Затрудняюсь ответить	5,2	4,3	2,0	1,1	1,8	7,6
	Отказ от ответа	0,3	0,0	0,0	0,0	1,8	0,0

Таблица 2.

% по столбцу	В какую эпоху Вы хотели бы жить, если бы у Вас была такая возможность?	В современной России	В СССР в период Л. Брежнева	В СССР в период И. Сталина	В России последней трети XIX – начала XX вв.	В России времен Б. Ельцина	В другую эпоху
	То, как власти защищают национальные интересы страны, решают проблемы ее безопасности	53,8	51,7	41,2	44,8	29,1	45,1
	То, как власти решают проблемы развития экономики и социальной сферы	56,5	50,7	46,1	57,5	65,5	64,6
	То, как власти заботятся о решении насущных проблем таких людей как Вы	43,1	39,7	32,4	50,6	38,2	45,8
	То, как власти защищают права и свободы граждан	45,8	32,4	41,2	52,9	50,9	56,9
	То, каков моральный авторитет наших властей, в целом	26,1	21,2	21,6	27,6	18,2	38,9
	Затрудняюсь ответить	5,6	8,3	5,9	5,7	3,6	6,3
	Отказ от ответа	0,5	1,9	2,9	0,0	1,8	0,7

Из них видно, что эту группу меньше других заботит защита национальных интересов и безопасности. Их – вместе со сторонниками России последней трети XIX – начала XX вв. и «другой эпохи» – беспокоит защита прав и свобод граждан. Здесь можно выделить линию разграничения между «государственниками», с одной стороны, и «либералами», с другой.

Важным дифференцирующим признаком становятся мотивы, которыми руководствуются респонденты в трудных ситуациях (таб. 3). Акцент на «трудную ситуацию» здесь связан с тем, что в такого рода ситуациях настает уровень проблематизации и снижается влияние моделей стереотипного поведения.

Стоит отметить, что большинство опрошенных обращаются в таких ситуациях к собственным убеждениям и принципам. Здесь, безусловно, сказываются процессы индивидуализации, на которые неоднократно обращали внимание исследователи [Бызов 2007; Дискин 2008].

Достаточно парадоксально выглядит низкая регулятивная роль закона в оценках сторонников «эпохи» Ельцина. Она даже ниже, чем у сторонников «эпохи» Сталина. Такую нигилистическую позицию у них можно объяснить типологическим отнесением к «ригористам», для которых нравственные оценки важнее, чем требования современного «закона», в легитимности которого они сомневаются. Структура мотивов сторонников «современной эпохи» вполне укладывается в гипотезу о том, что большинство из них относятся к «конвенционалистам».

Для оценки гипотезы значим анализ позиций сторонников разных «эпох» в отношении тех действий, которые обусловлены их убеждениями (таб. 4).

Представленные данные подтверждают предположения о преобладании «конвенционалистов» среди сторонников «эпохи» современной России. Важно, что «конвенционалисты» преимущественно ориентированы на легальные средства, в том числе выборы. «Ригористы» же готовы отстаивать свои убеждения и на виртуальных (в интернете), и на реальных улицах.

Соответственно, в относительно стабильной ситуации использование легальных средств позволяет «конвенционалистами» реализовать свое большинство даже при относительно небольшой политической активности.

При возникновении социально-политической напряженности и проблематизации легитимности социально-политической системы значимой становится готовность «ригористов» к активным протестам, особенно если они преобладают и на виртуальной, и на реальной «улицах». Такая ситуация будет мультиплицировать пассивность «конвенционалистов», нивелировать их «молчаливое» большинство.

Такое видение социально-политической диспозиции позволяет сделать вывод о том, сложившаяся социально-политическая стабильность имеет скорее инерционный характер и возникает из-за соотношения в обществе «конвенционалистов» и «ригористов». Одновременно их соотношение мультиплицируется структурой социально-политической активности каждого из рассматриваемых типов.

Для дополнительной оценки дифференцирующего влияния рассматриваемого выбора «исторических эпох» целесообразно рассмотреть связь этого выбора с оценкой собственного материального положения (таб. 5).

Для данного обсуждения важна именно субъективная оценка респондентами своего материального положения. На нее в различной мере оказывают влияние: реальные компоненты этого положения, соответствующие притязания, рефлексия социально-экономических интересов и ценностные ориентации, которые, в соответствии с гипотезой, способны существенно переформатировать соответствующие притязания и оценки.

Таблица 3.

% по столбцу	В какую эпоху Вы хотели бы жить, если бы у Вас была такая возможность?	В современной России	В СССР в период Л. Брежнева	В СССР в период И. Сталина	В России последней трети XIX – начала XX вв.	В России времен Б. Ельцина	В другую эпоху
	Собственными убеждениями и принципами	61,0	53,6	51,0	66,7	63,6	66,0
	Нормами закона	53,6	43,4	45,1	44,8	36,4	52,1
	Этическими нормами, нормами морали	52,3	49,9	33,3	54,0	36,4	52,8
	Нормами культуры, правилами этикета	29,8	24,9	20,6	29,9	27,3	40,3
	Традициями, сложившимися в обществе	20,6	16,9	17,6	20,7	16,4	24,3
	Советами друзей, родных	28,0	21,2	19,6	26,4	23,6	29,2
	Нормами религии, которую Вы исповедуете	16,7	15,0	10,8	17,2	7,3	18,8
	Нормами профессиональной этики	30,0	19,8	22,5	21,8	29,1	34,7
	Рекомендациями руководства	15,1	10,2	14,7	11,5	5,5	15,3
	Другое	0,8	1,6	2,9	0,0	0,0	3,5
	Загрудняюсь ответить	0,7	2,1	3,9	0,0	0,0	2,1
	Отказ от ответа	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0

Таблица 4.

% по столбцу	В какую эпоху Вы хотели бы жить, если бы у Вас была такая возможность?	В современной России	В СССР в период Л. Брежнева	В СССР в период И. Сталина	В России последней трети XIX – начала XX вв.	В России времен Б. Ельцина	В другую эпоху
	Готов участвовать в согласованных массовых протестных акциях, митингах	21,7	28,7	31,4	29,9	25,5	28,5
	Готов участвовать в массовых протестных акциях, митингах, в том числе несогласованных	7,1	10,5	16,7	10,3	27,3	11,8
	Готов заниматься политической агитацией на улицах	5,2	4,8	6,9	11,5	7,3	6,9

интересов, в том числе политических?	Готов агитировать в социальных сетях	9,5	9,7	12,7	18,4	16,4	11,1
	Готов искать поддержки у правозащитных организаций	22,6	18,0	21,6	36,8	29,1	23,6
	Готов написать жалобу	33,9	23,3	33,3	33,3	25,5	34,0
	Готов подать в суд	34,3	26,3	32,4	32,2	29,1	38,9
	Не готов на решительные действия	31,3	33,0	21,6	20,7	20,0	25,0
	Загрудняюсь ответить	4,3	5,4	6,9	2,3	3,6	7,6
	Другое	4,8	5,6	5,9	2,3	0,0	9,0
	Отказ от ответа	2,6	1,1	1,0	1,1	1,8	4,2

Таблица 5.

	В современной России	В СССР в период Л. Брежнев	В СССР в период И. Сталина	В России последней трети XIX – начала XX вв.	В России времен Б. Ельцина	В другую эпоху
% по столбцу	2,3	8,6	4,9	4,6	9,1	9,7
В какую эпоху Вы хотели бы жить, если бы у Вас была такая возможность?	16,3	30,3	29,4	20,7	20,0	19,4
Денег не хватает даже на питание						
Денег хватает на еду, но уже покупка одежды и обуви вызывает затруднение						
Денег, в основном, хватает, однако испытываем затруднение при покупке товаров длительного пользования (например, бытовой техники)	36,9	33,5	34,3	44,8	50,9	37,5
Вызывает затруднение только покупка дорогостоящих вещей (например, автомобиля)	33,9	20,4	19,6	24,1	14,5	25,7
В настоящее время семья практически может ни в чем себе не отказывать	8,1	5,4	9,8	4,6	5,5	5,6
Загрудняюсь ответить	1,4	1,1	1,0	0,0	0,0	0,7
Отказ от ответа	1,1	0,8	1,0	1,1	0,0	1,4

Данные таблицы 5 скорее выражают представления о материальном положении, уже в значительной мере переформатированные исходными позициями, основанными на принадлежности к предложенным моделям легитимации.

Современную «эпоху» склонны выбирать те, кто в ней в основном благополучен. Почти 43% из них не испытывают серьезных материальных затруднений. У этих групп, как характерно и для «конвенционалистов», «бытие определяет сознание». Обращает внимание то, что у «ригористов»–сторонников «эпохи» Сталина оценки благосостояния даже несколько выше, чем у сторонников «эпохи» Ельцина. Серьезные материальные проблемы испытывают сторонники «золотого века», что может указывать на их принадлежность к секторам, где трудно обеспечить материальное благополучие. Представленные данные позволяют лучше понять известную пропагандистскую диспозицию: для каких групп «телевизор» важнее «холодильника», а для каких наоборот.

Можно предположить, что исследование в основном подтвердило исходную гипотезу о наличии в обществе двух кардинально различающихся моделей легитимации.

Первая, «конвенционалисты», в своих оценках легитимности социально-политической системы характеризуется ориентацией на рационализированную рефлексию собственных социально-экономических интересов.

Для данной модели характерна также ориентация на множественность ценностей и интересов, баланс которых устанавливается, как представляется, в результате выработки определенной конвенции (отсюда и название этой модели), в которую включают и допустимую меру нарушения соответствующих норм. Соответственно, представители этой модели в своих оценках легитимности готовы руководствоваться балансом достижений и недостатков социально-политической системы.

Люди, которые относятся к этой модели, различаются как характером соответствующей рационализированной рефлексии, так и степенью влияния нравственно-этических представлений. Здесь возможны «моральные конвенционалисты», для которых их нравственно-этические представления играют важную роль наряду с представлениями о собственных интересах, а также и «циничные конвенционалисты», которые не готовы считаться с нравственными аргументами.

Вторая, «ригористы», в оценке легитимности социально-политической системы характеризуется ориентацией на нравственно-этические (чаще всего в их идеологизированной форме) позиции.

Представители этой модели характеризуются наличием в их ориентациях ценностей первого порядка, которые субординируют всю систему ценностей и представлений, включая и представления о собственных и общественных интересах. «Ригористы» различаются характером ценностей первого порядка, на которые они ориентируются. Например, для сторонников «эпохи» Сталина важны национальные интересы и справедливость, а для сторонников «эпохи» Ельцина главную роль играют мораль и права человека.

В оценке социально-политической системы они руководствуются жестким сравнением ее с неким идеалом (отсюда и название «ригористы»), сформированным под влиянием нравственно-этических представлений – зачастую в их идеологическом оформлении. В рамках модели можно выделить представителей, для которых значимы также рационализированные представления и соответствующие аргументы – «мягких ригористов».

Кардинальные различия групп обуславливают их восприятие друг друга. Различия были особенно заметны в ходе развернувшейся дискуссии вокруг необходимости прививок против коронавируса. «Конвенционалисты» (с той или иной степенью обоснованности) воспринимали оппонентов как «сектантов» или, мягко говоря, людей не совсем вменяемых. «Ригористы» же (с той же степенью обоснованности) представляли своих

оппонентов как беспринципных конформистов, людей, не воспринимающих весь спектр аргументов и т.п.

Можно сделать вывод, что понимающее проникновение в характер формирования общественных оценок легитимности социально-политической системы возможно лишь с учетом наличия кардинально различающихся моделей легитимации.

Альтернативы социальной динамики

Выявление базовых моделей легитимации и специфики их оценок социально-политической реальности позволяет использовать данные модели для анализа ряда достаточно популярных сценариев делегитимации.

Так, маловероятен сценарий, связанный с массовыми протестами как результатом обострения социально-экономических проблем. Чувствительные к таким проблемам «конвенционалисты» не склонны проецировать свое недовольство в активные социальные действия. Как показывает опыт 1990-х гг., их мобилизация маловероятна.

Также мало возможен и сценарий массовой мобилизации «ригористов», так как они проблематизируют достаточно широкий спектр ценностей первого порядка. Ценности, значимые для одних, не могут быть поводом для мобилизации других. Офлайн-мобилизация «ригористов» происходит тогда, когда серьезно затронуты их общие базовые, смысловые ценности. Данный феномен и обусловил протесты на Болотной площади. Ценностная консолидация блокируется их индивидуализмом, слабой ориентацией на внешние авторитеты.

Соответственно, данная модель социально-политической диспозиции дает основания полагать, что риски значимой социально-политической дестабилизации достаточно малы. В то же время следует учитывать влияние макросоциальных перемен, которые могут их повысить.

При выборе стратегии профилактики таких рисков следует учитывать сложившиеся стереотипы и оценить последствия их реализации.

Прежде всего, следует дать оценку последствиям довольно популярных сегодня призывов к созданию доминирующей (государственной) идеологии, а также к активному участию гражданского общества в разработке и реализации какой-либо версии «идеологии развития» [Гончаренко, Авакова 2020; Иванов 2021; Славин 2008].

Из анализа видно, что попытку идеологической консолидации общества негативно встретят как «ригористы», так и «конвенционалисты». Общество настороженно относится к идеологической активности государства. Так, исследование ЦИРКОН показало, что сторонники общей (государственной) идеологии составляют меньшинство (36%), тогда как большинство (51%) выступает за идеологическое многообразие. Существенно различаются и возрастные когорты. В группе молодежи (18–24 года) почти две трети (63%) поддерживают идеологическое многообразие. Единственная возрастная когорта, в которой преобладают сторонники единой идеологии – 65 лет и старше (50%) [ЦИРКОН 2021].

В такой общественной атмосфере неосмотрительно пытаться оказывать идеологизированный прессинг с целью создать прочную общественную основу для успешного развития. Такие попытки могут привести к обострению идеологизированных противостояний, что лишь снизит шансы на успешное развитие [Дискин 2021a]. Попытки идеологизированной консолидации не ведут к решению проблемы профилактики социально-политического кризиса.

Эффективную стратегию можно найти через анализ альтернатив динамики взаимодействия между группами, объединенными в двух моделях легитимации.

1. Блокировка и подавление – консолидация «конвенционалистов» и подавление «ригористов», которая осуществляется через блокирование взаимодействия и диалога между представителями двух разных моделей. В рамках данного сценария происходит рост взаимного непонимания и отторжения, а также нигилистическая консолидация «ригористов», включая «мягких ригористов»⁶. Позиции представителей обеих моделей по отношению друг к другу радикализуются, происходит эскалация риторики «ненависти». В результате растет социально-политическая напряженность, происходит делигитимация социально-политической системы.

Можно сделать вывод, что стратегии, основанные на идеологической консолидации, нереалистичны, и, соответственно, необходимо искать альтернативы.

2. Деэтизация массового сознания, которая ориентирована на демпфирование общественной напряженности путем снижения роли этической компоненты массового сознания. Данная стратегия основана на гипотезе о том, что деэтизация, исключение из риторики нравственно-этической компоненты снижает проблематизацию действий социально-политической системы и не провоцирует рост оппозиционных настроений. Весь технократический инструментарий политики строится на данной гипотезе. Однако практика, в частности «монетизация льгот» и в особенности пенсионная реформа, показали ее ошибочность. Нравственная компонента в оценке деятельности социально-политической системы неизменно присутствует, но в различающейся степени.

Данная стратегия раздражает «ригористов» аморализмом власти⁷. Она консолидирует «ригористов», стимулирует их к переходу на нигилистические позиции. Ее могут рассматривать как легитимацию цинизма и попустительства коррупции. Неизбежно происходит общее снижение эффективности всей системы социальных институтов, блокирование динамичного социально-экономического развития и, как результат, вызревание «кризиса ожиданий», который создает предпосылки для социально-политической дестабилизации.

3. Взаимодействие и диалог. В рамках стратегии создаются механизмы, поддерживающие взаимодействие и взаимно уважительный диалог между представителями разных моделей. В результате может произойти дифференциация позиций «ригористов» разных степеней и маргинализация «жестких ригористов», снижение их влияния на массовое сознание. Нигилистические устремления «мягких» ригористов размываются, а нравственно-этическая компонента в представлениях большинства «конвенционалистов» усиливается. На данной основе может возникнуть позитивная социальная динамика, направленная на упрочение легитимности социально-политической системы⁸.

Представляется, что создать механизмы взаимодействия между представителями разных моделей вряд ли возможно через использование традиционных СМИ. В данном социальном сегменте достаточно низки контакты с традиционными СМИ и широко распространены предубеждения против их деятельности. В нем велико влияние локальных авторитетов и референтных групп, действующих в рамках горизонтального, межличностного взаимодействия.

⁶ Соответствующая эволюция изначально «мягкой ригористки» Л. Бахаревой в последовательную нигилистку блистательно описан в романе Н.С. Лескова «Некуда» [Лесков 1996]. После выхода этого романа автор подвергся многолетней травле со стороны «прогрессивной общественности».

⁷ Здесь уместна аналогия с объединяющим призывом диссидентов «жить не по лжи», который сыграл большую роль в утрате легитимности советской власти.

⁸ Примечательно, что Б. Акунин вменил эту стратегию М.Т. Лорис-Меликову в своем романе «Дорога в Китеж» [Акунин 2021]. Он описал, что революционеры расценили ее как главную угрозу своим планам.

Как показывает проведенное исследование, в структурах гражданского общества широко распространен соответствующий тип личности, обладающий необходимыми качествами для рассматриваемого диалога и влияния. Они включают в свои оценки легитимности как общественные интересы, так и ее ценностные, нравственно-этические характеристики. Отсюда можно сделать вывод, что структуры гражданского общества могут стать важным источником рекрутирования надлежащих коммуникаторов.

Ряд проблем, связанных с соответствующей ролью гражданского общества в увязке с теоретическим анализом трансформационного развития и институциональных преобразований, уже были ранее рассмотрены [Горшков, Петухов 2018; Дискин 2021; Петухов 2019].

В ряду зарубежных работ по этой проблеме следует выделить недавно вышедшую книгу известных институционалистов Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона «Узкий коридор» [Аджемоглу, Робинсон 2021]. В ней авторы вполне справедливо отмечают большое, практически решающее влияние гражданского общества на формирование нормативных представлений о социально-политической системе и на поддержание ее легитимности.

Представленный в статье анализ демонстрирует возможность реализации стратегии социальной интеграции и легитимации социально-политической системы, которая предполагает активное участие гражданского общества, упрочение общественной морали в качестве значимого регулятора социальной активности наиболее влиятельных слоев и групп общества.

Следует осознать, что для воплощения такой стратегии необходимо принять, что ее императив – сход с исторически наезженной «колеи». Уже в течение почти двухсот лет «прогрессивное» российское общество ориентируется исключительно на перемены «внешних» сторон общественной и государственной жизни, на изменение легальных основ государственности. П.Б. Струве в «Вехах» писал: «К политике в умах русской интеллигенции установилось в конце концов извращенное и в корне противоречивое отношение. Сводя политику к внешнему устройству жизни – чем она с технической точки зрения на самом деле и является, – интеллигенция в то же время видела в политике альфу и омегу всего бытия своего и народного (я беру тут политику именно в широком смысле внешнего общественного устройства жизни). Таким образом, ограниченное средство превращалось во всеобъемлющую цель, – явное, хотя и постоянно в человеческом обиходе встречающееся извращение соотношения между средством и целью» [Струве 1907].

Сегодня ширится понимание того, что изменение легальных норм без адекватного нравственно-этического фундамента превращает институты в «гробы повапленные», в формальные оболочки, заполненные либо мало содержательными бюрократическими упражнениями, либо корыстными интересами бюрократов, использующих институциональные ресурсы [Дискин 2016]. Чаше всего и в то, и в другое одновременно.

Чтобы сойти с «наезженной колеи» необходимо, прежде всего, выдвинуть упрочение нравственно-этического фундамента в фокус общественного развития. Однако для этого наше общество должно стать больше «обществом» и больше «гражданским».

Объем статьи не позволяет представить конкретные меры по реализации представленной стратегии. Они намечены в работах автора [Дискин 2016; Дискин 2021].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 25 лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян (2019) Под ред. М.К. Горшкова и В.В. Петухова. М.: Издательство «Весь Мир».
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2021) Узкий коридор. М.: Издательство АСТ.
- Акунин Б. (2021) Дорога в Китеж. М.: Издательство АСТ.
- Бызов Л.Г. (2007) Русское самосознание и социальные трансформации // Политический класс. № 1.
- Восприятие традиционности и политической традиции в массовой политической культуре современной России (2021) Результаты массового опроса населения. ЦИРКОН. Февраль-апрель 2021. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта No 20-011-31543.
- Гончаренко Л.Н., Авакова Э.Б. (2020) К вопросу о государственной идеологии современной России // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». Т. 31. С. 6–20.
- Гоффе Н.В., Монусова Г.А. (2020) Восприятие социальных реалий и субъективное благополучие в развитых странах. М.: ИМЭМО РАН. 166 с.
- Дискин И.Е. (2016) Институты: загадка и судьба. М.: Политическая энциклопедия. 302 с.
- Дискин И.Е. (2021) Консервативная модернизация. М.: Политическая энциклопедия. 342 с.
- Дискин И.Е. (2021а) Понимающая скорбь по либерализму // Тетради по консерватизму. № 4.
- Дискин И.Е. (2008) Прорыв. Как нам модернизировать Россию. М.: РОССПЭН. 319 с.
- Иванов В.Н. (2021) Идеология: pro et contra. М.: Издательство «У Никитских ворот». 72 с.
- Ильин М.В., Мельвиль А.Ю. (1997) Власть // Полис. № 6. С. 146.
- Научный совет ВЦИОМ (2021) Новая норма или закипающий котел: психоэмоциональное состояние российского общества в условиях четвертой «волны» коронавируса. 11 ноября 2021 г.
- Лесков Н.С. (1989) Некуда // В: Собрание сочинений в 12 томах. Т. 2. М.: Издательство «Правда».
- Мамонов М. (2021) Повестка партий по теме коронавируса. ВЦИОМ. (https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/210729_Povestka_partii_na_fone_koronavirusa_Mamonov.pdf).
- Петухов В.В. (2019) Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // Социологические исследования. № 12. С. 3–14.
- Славин Б.Ф. (2010) Россия в поисках идеологии и модели развития // Социально-гуманитарные знания. № 4. С. 3–29.
- Словари Онлайн. Философский словарь. РИГОРИЗМ. (<https://rus-philosophical-enc.slovaronline.com/7319>).
- Струве П. (1909) Интеллигенция и революция // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. (<http://www.vehi.net/vehi/struve.html>).
- Парсонс Т. (2000) О структуре социального действия. М.: Академический проект. 880 с.
- Филиппов А.С. (2002) Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия // Политика. 2002. № 1.
- Филиппов А.С. (2002а) Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия // Политика. 2002. № 2.
- Beetham D. (2013) The Legitimation of Power. 2nd Edition. L.: Palgrave Macmillan. 313 p.
- Easton D.A. (1975) A Re-Assessment of the Concept of the Political Support // British Journal of Political Science. Vol. 5. No. 4. P. 452.
- Gilley B. (2009) The Right to Rule: How States Win and Lose Legitimacy. N.Y.: Columbia University Press. 217 p.

- Levi M., Sacks A., Tyler T. (2009) Conceptualizing Legitimacy, Measuring Legitimizing Beliefs // American Behavioral Scientist. Vol. 3. Issue 3. Pp. 354–375. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002764209338797>.
- Lipset S.M., Lakin J.M. (2004) The Democratic Century. N.: University of Oklahoma Press. P. 209.
- Weber M. (1964) The Theory of Social and Economic Organization. New York, London: Free Press, Collier Macmillan.

REFERENCES

- 25 let socialnoy transformatsii v ocnkah y sjudeniah rossian* [25 Years of Social Transformations in the Assessments and Judgments of Russians] (2018) Ed(s): M.K. Gorshkva y V.V. Petuhova. Moscow: Izdatelstvo “Ves Mir”.
- Akunin B. (2021) *Doroga v Kitezhe* [Road to Kitezh]. Moscow: Izdatelstvo AST.
- Acemoglu D., Robinson J. A. (2021) *Uzkij koridor* [The Narrow Corridor]. Moscow: Izdatelstvo AST.
- Beetham D. (2013) *The Legitimation of Power*. 2nd Edition. London: Palgrave Macmillan. 313 p.
- Byzov L.G. (2007) Russkoe samosoznaniya y socialniye transformatsiyi [Russian Identity and Social Transformations]. *Politicheskoy klass*. № 1.
- Easton D.A. (1975) A Re-assessment of the Concept of the Political Support. *British Journal of Political Science*, vol. 5, no. 4, p. 452.
- Filippov A.S. (2002) Politicheskaya sociologiya. Fundamentalnye problemy I osnovnye ponyatiya [Political sociology. Fundamental Problems and Basic Concepts]. *Politiya*. 2002. № 1.
- Filippov A.S. (2002a) Politicheskaya sociologiya. Fundamentalnye problemy I osnovnye ponyatiya [Political sociology. Fundamental Problems and Basic Concepts]. *Politiya*. 2002. № 2.
- Gilley B. (2009) *The Right to Rule: How States Win and Lose Legitimacy*. New York: Columbia University Press. 217 p.
- Goncharenko L. Avakova E. B. (2020) K voprosu o gosudarstvennoy ideologii sovremennoy Rossii [To the Question of the State Ideology of Modern Russia]. *Izvestia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Politologia, religiovedenie”*. vol. 31, pp. 6–20.
- Goffe N.V., Monusova G.A. (2020) *Vospriyatie socialnykh realiy I subyektivnoe blagopoluchie v razvitykh stranah* [Perception of Social Realities and Subjective Well-Being in Developed Countries]. Moscow: IMEMO RAN. 166 p.
- Diskin I.E. (2016) *Instituty: zagadka i sudba* [Institutions: Mystery and Destiny]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. 302 p.
- Diskin I.E. (2021) *Kocervativnaya modernizatsiya* [Conservative Modernization]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. 342 p.
- Diskin I.E. (2021a) Ponimayushaya skorb po liberalizmu [Understanding Sorrow for Liberalism]. *Tetrady po konservatizmu*. no. 4.
- Diskin I.E. (2008) *Proryv. Kak nam modernizirovat Rossiyu* [Breakthrough. How Can We Modernize Russia]. Moscow: ROSSPEN. 319 p.
- Ivanov V.N. (2021) *Ideologiya: pro et contra* [Ideology: Pro et Contra]. Moscow: Izdatelstvo “U Nikitskih vorot”. 72 p.
- Ilyin M.V., Melville A.Y. (1997) Vlast [Power]. *Polis*. no. 6, p. 146.
- Scientific Council VCIOM (2021) *Novaya norma yly zakipayushiy kotel: psihoemotsionalnoe sostoyanie rossyskogob obshchestva v usloviyah chetvertoy “volny” koronavirusa* [A New Normal or a Boiling Cauldron: The Psycho-Emotional State of Russian Society in the Context of the Fourth “Wave” of Coronavirus] 11th November.
- Slovari online. Filosofskiy slovar. RIGORISM. (<https://rus-philosophical-enc.slovaronline.com/7319>).

Leskov N.S. (1989) Nekuda [Nowhere]. In: *Sobraniye sochineniy v 12 tomah*. Vol. 2. Moscow: Izdatelstvo "Pravda".

Levi M., Sacks A., Tyler T. (2009) *Conceptualizing Legitimacy, Measuring Legitimizing Beliefs*. American Behavioral Scientist. Research Article. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002764209338797>.

Lipset S.M., Lakin J.M. (2004) *The Democratic Century*. Norman: University of Oklahoma Press. p. 209.

Mamonov M. (2021) Povestka partiy po teme coronavirusa. VCIOM. (https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/210729_Povestka_partii_na_fone_koronavirusa_Mamonov.pdf).

Petuhov V.V. (2019) Grazhdanskoye uchastiye v sovremennoy Rossii: vzaimodeystviye politicheskikh I socialnykh praktik [Civic Participation in Modern Russia: Interaction of Political and Social Practices]. *Sociologicheskii issledovaniya*. no. 12, pp. 3–14.

Slavin B.F. (2010) Rossiya v poiskah ideologii I modeli razvitiya [Russia in Search of Ideology and Development Model]. *Socialno-gumanitarnaya znaniya*. no. 4, pp. 3–29.

Struve P. (1909) *Intelligentsia I revolyutsiya* [Intelligentsia and Revolution]. *Vekhi. Cbornik statey o russkoy intelligentsiyi*. (<http://www.vehi.net/vehi/struve.html>).

Parsons T. (2000) *O structure socialnogo deystviya* [On the Structure of Social Action]. Moscow: Akademicheskii projekt.

Vospriyatie traditsionnosti y politicheskoy traditsiyi v massovoy politicheskoy culture sovremennoy Possiyi [Perception of Tradition and Political Tradition in the Mass Political Culture of Modern Russia] (2021) *Resultaty massovogo oprosa naseleniya*. CIRKON. February-april 2021.

Weber M. (1964) *The Theory of Social and Economic Organization*. New York, London: Free Press, Collier Macmillan.

Информация об авторе

Дискин Иосиф Евгеньевич, доктор экономических наук, ведущий эксперт Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 109028, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11. E-mail: idisikin9@gmail.com

About the author

Iosif E. Diskin, Doctor of Sciences (Economics), Leading Expert, Centre for Civil Society and Non-Profit Sector Studies, HSE University. Address: 109028, Moscow, Pokrovsky Boulevard, 11. E-mail: idisikin9@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 31.01.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 01.04.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 08.04.2022

DOI: 10.31857/S0869049922020071
EDN: EVXLVA

Оригинальная статья / Original Article

Социальная справедливость в оценках российской молодежи (на основе данных RLMS за 2019 г.)¹

© Н.С. ВОРОНИНА

Воронина Наталья Сергеевна, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН) (Москва, Россия), navor@bk.ru. ORCID: 0000-0001-8859-6803

Актуальность изучения социальной справедливости обусловлена тем, что россияне рассматривают ее как основополагающий принцип желаемого устройства общества. Тем не менее, реальность в нашей стране не в полной мере отвечает представлениям ее жителей о справедливости. Россияне представляют справедливое общество прежде всего как общество равенства возможностей. Возможности, созданные в обществе, особенно важны для молодых людей, которые определяют свою жизненную стратегию. Предыдущие исследования показывают, что молодежь имеет неодинаковые возможности по сравнению с остальными возрастными когортами, в связи с чем автор предполагает, что именно отсутствие у молодежи возможностей может приводить к тому, что она оценивает российское общество как несправедливое. В качестве теоретической рамки исследования выбран подход А. Сена и М. Нуссбаум, который обосновывает связь оценки справедливости и средств достижения возможностей. На данных RLMS за 2019 г. анализируется, как российская молодежь оценивает справедливость общества. Большинство молодежи оценивает российское общество как в среднем справедливое. Доля респондентов, оценивающих российское общество как несправедливое, наименьшая в группе наиболее молодых людей (14–17 лет), затем с возрастом она увеличивается и становится наибольшей в группе от 30 до 35 лет. Проведен регрессионный анализ связи оценки справедливости с наличием у молодежи средств для обретения возможностей. В разных возрастных группах влияющие средства для достижения возможностей различаются в зависимости от более насущных для возраста проблем: в 14–17 лет – это возможность поступления в вуз, а в 30–35 лет – возможность откладывать деньги на крупные покупки. Результаты исследования показывают, что

¹ Автор выражает благодарность главному научному сотруднику ИС ФНИСЦ РАН, д.с.н. Жаворонкову А.В. за ценные рекомендации при написании статьи.

в обществе достаточно мала доля респондентов, которые оценивают российское общество как справедливое (не превышает 27%). Подобные настроения в молодежной среде могут угрожать стабильности государства, приводить к увеличению социальной напряженности, участию молодежи в протестных акциях и к попыткам самореализоваться за пределами своей страны.

Ключевые слова: социальная справедливость, молодежь, возможности, доход, средства достижения возможностей, равенство

Цитирование: Воронина Н.С. (2022) Социальная справедливость в оценках российской молодежи (на основе данных RLMS за 2019 г.)// *Общественные науки и современность*. № 2. С. 95–108. DOI: 10.31857/S0869049922020071, EDN: EVXLVA

Social Justice in the Assessments of Russian Youth (based on 2019 RLMS data)

© N. VORONINA

Natalia S. Voronina, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, State Academic University of Humanities (GAUGN) (Moscow, Russia), navor@bk.ru. ORCID: 0000-0001-8859-6803

Abstract. The study of social justice is relevant because it is viewed as a fundamental principle of the desired system of society by Russians. Nevertheless, the reality in our country does not correspond with its inhabitants' ideas about justice. Russians imagine a just society primarily as a society of equal opportunities. The opportunities created in society are especially important for young people who determine their life strategy. Previous studies show that young people have different opportunities compared to other age cohorts, because of that it was assumed that it is precisely the lack of opportunities among young people that may lead to their assessment of Russian society as unfair. The approach of A. Sen and M. Nussbaum was chosen as a theoretical framework, which substantiates the connection between the assessment of equity and the means of achieving opportunities. Based on RLMS data for 2019, the author analyzes how Russian youth assess the fairness of society. Most young people assess Russian society as fair on average. The share of respondents who assess Russian society as unfair is the smallest in the group of the youngest (14–17 years old), and then it increases with age, and becomes the largest in the 30–35 age group. A regression analysis of the relationship between the assessment of fairness and the availability of means for young people to acquire opportunities has been carried out. In different age groups, the influencing means of achieving opportunities differ depending on the most pressing problems of the age group: at the age of 14–17 it is the opportunity to enter university, and at the age of 30–35 it is the opportunity to save money for large purchases. The results of the study show that in Russia the proportion of respondents who assess society as fair is quite small (does not exceed 27%). Such attitudes among the youth can threaten the stability of the state, lead to an increase in social tension, the participation of young people in protest actions, and attempts to fulfill themselves outside their country.

Keywords: social justice, youth, opportunities, income, means of achieving opportunities, equality

Citation: Voronina N. (2022) Social Justice in the Assessments of Russian Youth (based on 2019 RLMS data). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 95–108. DOI: 10.31857/S0869049922020071, EDN: EVXLVA

Введение

Актуальность изучения тематики справедливости обусловлена тем, что россияне определяют ее как значимую ценность и основополагающий принцип устройства общества [Шкуренко 2020]. Справедливое общественное устройство – мечта россиян, но они ждут, что эту мечту реализует государство [Горшков, Тихонова 2013]. Исследования показывают [Мареева 2013, Черныш 2017], что реальность в России не отвечает представлениям ее жителей о справедливости. Причем в разных социальных группах справедливость понимают по-разному, но чаще всего респонденты ассоциируют ее с представлениями о должном в различных сферах жизни. Обсуждение того, каким россияне представляют справедливое общество, не сводится и никогда не сводилось лишь к идее преодоления разных видов неравенств [Козырев 2021], однако исследования показывают [Мареева 2013, 16; Хахулина 2003, 6], что россияне представляют справедливое общество прежде всего как общество равных возможностей. Возможности, созданные в нем, особенно важны для молодых людей, которые находятся в процессе определения своей жизненной стратегии.

В исследованиях Ю.А. Зубок и В.И. Чупрова подчеркивается, что молодежь имеет неодинаковые возможности по сравнению с остальными возрастными когортами, что проявляется в «нарушениях трудовых договоров, ограничивая возможности для повышения квалификации и служебного роста, нарушении прав и гарантий на оплату труда и другими нарушениями» [Зубок, Чупров 2009, 197]. Согласно результатам исследования Института социологии РАН, «с дискриминацией по месту работы по возрастному признаку сталкивались 33% работающей молодежи» [Горшков, Шереги 2020]. Из представленных данных можно сделать вывод, что именно отсутствие у молодежи возможностей может приводить тому, что она оценивает российское общество как несправедливое, а это, в свою очередь, может привести к тому, что молодежь при определении дальнейшей жизненной стратегии выберет либо «ретритизм со свойственным ему уклонением от продуктивной деятельности, либо “восстание”, результатом которого, как правило, становится “exit” – переход в ряды тех, кто борется с существующим социальным порядком, или же радикальное решение о том, чтобы покинуть страну временно или навсегда» [Черныш 2017, 344]. Опросы Левада-центра [внесен в реестр НКО-иностраннных агентов – Прим. ред.] показывают, что в 2019 г. около 21% россиян хотели переехать на постоянное место жительства за границу, в группе молодежи от 18–24 лет доля составляла более 50% [Эмиграция 2021]. Данные факторы препятствуют развитию устойчивого общества. Превалирование у молодежи оценок общества как несправедливого может угрожать его стабильности, приводить к протестам и росту социальной напряженности.

Цель данного исследования – выявить связь между наличием возможностей у молодежи и ее оценкой справедливости российского общества. Предполагается проанализировать современные исследования по данному направлению, описать выбранный теоретический подход исследования. Эмпирическая задача исследования – на базе данных RLMS проанализировать оценки справедливости российского общества молодежью и определить, есть ли связь между этой оценкой и имеющимися у молодежи возможностями.

Теоретические предпосылки и гипотезы

Несмотря на большое количество работ по проблеме социальной справедливости, не многие авторы освещают вопрос оценки справедливости российского общества молодежью. Исключение составляют работы Ю.Р. Вишневого и Д.Ю. Нархова [Вишневикий, Нархов 2017], В.А. Касамары, М.С. Максименковой и А.А. Сорокиной [Касамара, Мак-

сименко, Сорокина 2020], Ю.Н. Мазаева и Е.Ю. Киреева [Мазаев, Киреев 2019], Н.Х. Гафиатулиной и С.И. Самыгина [Гафиатулина, Самыгин 2016], а также труд Н.С. Сыроеда [Сыроед 1999] и др. К сожалению, в большинстве своем упомянутые работы не содержат описаний теоретических рамок исследования, а лишь представляют их эмпирические результаты. Проблема справедливости российского общества в оценках молодежи была наиболее проработана в статьях М.Ф. Черныша, который показал, что студенческая молодежь в целом оценивает общество как несправедливое [Черныш 2017, 357]. Следует отметить, что данное исследование включает в себя анализ только студенческой молодежи и в нем используется квотная выборка, поэтому задачей данного исследования станет анализ оценок справедливости молодежи на основе репрезентативных данных по России.

В качестве теоретического подхода исследования автор выбрал теорию справедливости А. Сена, так как она основана на оценках возможностей [Сен 2016]. Основные понятия данной теории – «функционирование» и «возможности». Функционированием Сен считает сущность, деятельность или состояние человека. Комбинация разных функций определяет и ограничивает выбор человека среди множества альтернатив. Комбинации функций А. Сен определяет как возможности. В соответствии с данным подходом, социальная справедливость заключается в «развитии (точнее, предоставлении возможностей для такого развития) базовых функциональных возможностей человека институтами государства и общества» [Канари 2011, 36]. А. Сен не конкретизировал возможности в своих исследованиях, однако его коллега М. Нуссбаум разработала межкультурный минимальный социальный набор возможностей, который должен быть обеспечен любому человеку, он включает в себя: «жизнь (возможность прожить жизнь до старости); физическое здоровье (возможность иметь хорошее здоровье); телесную неприкосновенность (возможность жить в безопасности); чувства, воображение и мысли (возможность испытывать перечисленные чувства, при наличии образования); эмоции (возможность испытывать и проявлять эмоции); практический разум (возможность иметь критическое мышление и осуществлять планирование своей жизни); членство (отсутствие дискриминации по половому, этническому, религиозному и др. признакам в обществе); другие виды живых существ (возможность заботиться и взаимодействовать с растениями и др. частями природы); игру (возможность отдыхать, развлекаться, наслаждаться отдыхом); контроль своей среды обитания (в политической области иметь возможность участия в принятии решений, иметь гарантии свободы слова, в материальном плане иметь возможность владеть собственностью, равными правами на труд)» [Nussbaum 2000, 232]. По мнению Нуссбаум, воплотить на практике модель возможностей на данный момент лучше всего удалось в странах Скандинавии, где высоко развита сфера социальной политики, которая сочетается с экономическим благосостоянием, что, в свою очередь, обеспечивает доступ всех граждан к образованию и здравоохранению.

В рамках подхода Сена, при выявлении факторов, влияющих на оценку справедливости, определяющим считаются возможности индивида [Сен 2016, 329]. Однако Сен предлагает изучать не сами по себе возможности, а средства их достижения. При наличии средств для достижения возможностей у человека будет шанс на развитие, которое ведет к улучшению качества жизни. Средства достижения возможностей необходимо рассматривать не сами по себе, а во взаимосвязи. Например, доход индивида нужно рассматривать во взаимосвязи с оценкой различий между людьми, такими как возраст (у пенсионера меньше возможностей устроиться на работу, чем у более молодого человека), пол (может мешать женщине получить возможности, равные с мужчинами, такие как, например, быть принятой на должность, которая в обществе считается «мужской»), оценка здоровья (человеку с серьезными хроническими заболеваниями будет сложнее добиться равных возможностей со здоровым человеком – например, из-за отсутствия специального оборудования инва-

лид-колясочник не сможет самостоятельно подняться на нужный этаж и вынужден будет нанимать помощника). Согласно Сену, «такие формы депривации, как возраст, физические ограничения или болезнь снижают возможность заработка» [Сен 2016, 333]. Помимо самого показателя дохода нужно учитывать, что люди могут позволить себе приобрести на него.

Также одним из средств для достижения возможностей Сен называет физическую среду, а именно благоприятную экологическую обстановку. Важны также социальная обстановка, условия работы социальных институтов, отсутствие преступности и безопасность. Сен особенно подчеркивает важность контекста изучаемых обществ. Какая-то вещь (например, дорогой телефон) может быть совершенно не нужна в определенной стране, где не принято позволять себе роскошь в соответствии с религиозными нормами. У людей есть возможность для покупки излишеств, но они не делают это именно из-за устоявшихся культурных паттернов.

Подытожим идеи А. Сена. Очевидно, что сам по себе высокий доход и другие блага не говорят о наличии у человека возможностей. Они лишь средства для достижения цели, сама же цель – обрести возможности, наличие которых, возможно, приведет к тому, что общество будут оценивать как справедливое. Тем не менее, сами по себе возможности нельзя операционализировать, так как многие из них не поддаются измерению – например, возможность прожить жизнь до старости и др. Поэтому автор воспользовался положением Сена, согласно которому возможности следует оценивать через средства, такие как богатство, однако оно определяется не только данными о доходе и возможностью приобретать блага, а в совокупности с наличием других средств для достижения возможностей: пол, физические возможности, экологические условия, функционирование государственного здравоохранения, отсутствие преступности, безопасность района, устоявшиеся ценности общества (рис. 1). Таким образом, гипотеза исследования заключается в том, что наличие средств достижения возможностей будет способствовать восприятию общества молодыми людьми как справедливого.



Рисунок 1. Схема подхода возможностей по А. Сену

Figure 1. The scheme of the opportunity approach according to A. Sen

Источник: составлено автором.

Source: combined by author.

В качестве эмпирической базы исследования использовались данные 28-й волны «Российского мониторинга экономики и здоровья населения» за 2019 г. (RLMS-HSE)². Выборка составила 18061 человек. Данная база содержит блок вопросов о социальной справедливости, которые позволяют оценить справедливость российского общества в целом и проанализировать образ желаемого справедливого общества. Имеющиеся данные частично позволили найти аналоги наличия средств, которые ведут к обретению возможностей согласно теории А. Сена. Они представлены в таблице 1. К сожалению, в базе данных отсутствовали переменные, которые можно было бы по смыслу соотнести с экологическими условиями, функционированием государственного здравоохранения, отсутствием преступности и безопасности района проживания, а также с ценностями общества.

Молодежь разделили на четыре группы: 1) 14–17 лет – подростки (830 респондентов), 2) 18–24 года – ранняя юность (1209 респондентов), 3) 25–29 – поздняя юность (980 респондентов), 4) 30–35 – молодые взрослые (1791 респондент)³. Стоит отметить, что группа «подростки» находится под опекой родителей и не имеет собственного дохода, поэтому для оценки их средств достижения возможностей, связанных с деньгами, были выбраны вопросы о возможностях их семьи в целом. Вопрос о собственном доходе не учитывался.

Таблица 1

Аналоги средств достижения возможностей в базе данных RLMS

Table 1

Opportunity Means Analogues in the RLMS Database

Средства достижения возможностей	Аналоги в RLMS
1) Богатство	1. Сколько денег в течение последних 30 дней Вы получили по основному месту работы после вычета налогов и отчислений? Если все или часть денег Вы получили в иностранной валюте, переведите валюту в рубли и назовите, пожалуйста, общую сумму. 2. Скажите, пожалуйста, имеете ли Вы или Ваша семья возможность при желании... а) Улучшить свои жилищные условия – купить комнату, квартиру, дом б) Оплачивать дополнительные занятия детей музыкальную школу, иностранные языки, спортивные секции, кружки и т.п. в) Откладывать деньги на крупные покупки – машину, дачу г) Провести всей семьей отпуск за границей д) Провести всей семьей отпуск на российском курорте е) Оплачивать учебу ребенка в ВУЗе (варианты ответа: 1 – да, 2 – нет).
2) Различия между людьми: пол, физические возможности (здоровье)	1) Пол: 1 – мужской, 2 – женский. 2) Физические возможности (здоровье): «Скажите, пожалуйста, как Вы оцениваете Ваше здоровье? Оно у Вас: 1. Очень хорошее, 2. Хорошее, 3. Среднее, не хорошее, но и не плохое, 4. Плохое, 5. Совсем плохое.

² «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», который проводит Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Сайты обследования RLMS HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>.

³ Согласно Федеральному закону от 30 декабря 2020 г. №489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (<https://base.garant.ru/400156192/>) к молодежи относятся граждане от 14 до 35 лет включительно.

В эмпирической части статьи будут даны ответы на следующие вопросы: 1) как молодежь оценивает справедливость российского общества, 2) есть ли связь между наличием средств достижения возможностей и оценкой справедливости среди российской молодежи?

Оценка справедливости российского общества молодежью

В исследовании респондентам предлагали оценить степень справедливости по 9-ти балльной шкале. Для удобства интерпретации автор перекодировал оценки справедливости в три категории: «совершенно несправедливо», «в чем-то справедливо, в чем-то нет» и «полностью справедливо» (рис. 2).

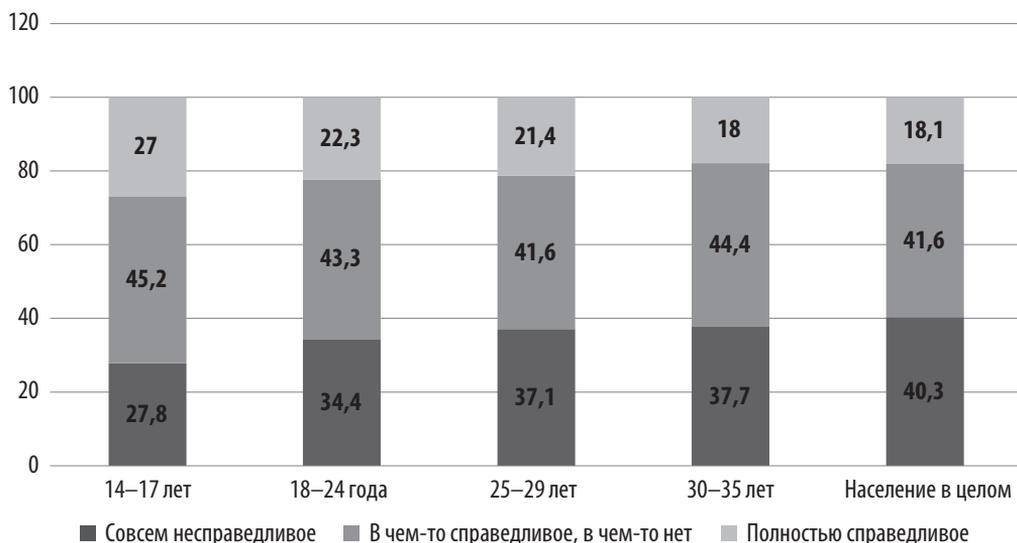


Рис. 2. Оценка справедливости российского общества среди групп молодежи, %

Figure 2. Assessment of the fairness of Russian society among youth groups, %

Источник: расчеты автора.

Source: author's calculations.

Результаты показывают, что большинство российской молодежи оценивает российское общество как в среднем справедливое – как и население страны в целом (рис.1). Можно отметить тенденцию: чем старше возраст молодежной группы, тем более несправедливым они считают российское общество. Так, наименее склонна оценивать общество как совсем несправедливое группа «подростки» 14–17 лет (27,8%), затем идет группа 18–24-летних (34,4%), группа 25–29-летних (37,1%), наиболее склонны к такой оценке 30–35-летние (37,7%).

Чтобы ответить на вопрос о том, с чем связаны подобные оценки молодежи, автор обращается к методу мультиномиальной регрессии. Он позволяет определить, есть ли связь между независимыми переменными (измеренными по любой шкале) и зависимой категориальной переменной (с 3-мя или более значениями). Данный вид регрессии выбран

из-за того, что используемая зависимая переменная (оценка справедливости российского общества) как раз и измерена по 3-х балльной шкале⁴.

В качестве независимых переменных в модель включили аналоги средств достижения возможностей по А. Сену, описанные в таблице 1. Как видно из результатов анализа (таб. 2), на оценку справедливости в группе подростков 14–17 лет оказывает влияние только одна переменная: если у семьи есть возможность оплатить ребенку учебу в вузе, он с большей вероятностью оценит общество как справедливое ($\text{Exp}B = 0,127$, значение меньше единицы). Данную динамику можно объяснить тем, что подростки живут на иждивении родителей, поэтому они мыслят конкретными, ближайшими задачами – и в этот период жизни их интересует возможность поступления в институт.

Анализ таблиц 2 и 3 показывает, что для группы 18–24-летних значимыми оказалась переменная возможности семьи оплатить ребенку учебу в вузе. В случае, если такая возможность есть, более вероятно, что молодые люди будут оценивать общество как справедливое. Если же у семьи респондентов этого возраста есть возможность оплачивать дополнительные занятия детям, то они более склонны оценивать общество как в среднем справедливое.

В группе 25–29-летних на оценку справедливости влияет возможность семьи откладывать деньги на крупные покупки – соответственно, если такая возможность есть, то респонденты этого возраста оценивают общество как справедливое. В случае, если у семьи респондентов есть возможность оплачивать дополнительные занятия детям, то они оценивают общество как в среднем справедливое.

В группе 30–35-летних вероятность оценки общества как справедливого увеличивает переменная возможности семьи откладывать деньги на крупные покупки. Чем хуже самооценка здоровья респондентов этого возраста, тем вероятнее, что они оценят общество как несправедливое. Данный факт также можно объяснить особенностями жизненного цикла, так как обычно в таком возрасте человек сталкивается с первыми проблемами со здоровьем. Возможность семьи оплачивать дополнительные занятия детям увеличивает вероятность того, что респонденты оценят российское общество как в среднем справедливое.

⁴ Основное отличие данного вида регрессии от линейной заключается в том, что в уравнение вводится не Y в чистом виде (так как он не интервальный), а отношение вероятностной наступления или ненаступления событий, которая логарифмируется. Мультиномиальная регрессия является частным случаем бинарной логистической регрессии, в которой Y вводится в уравнение регрессии следующим образом:

$$\text{Logum } Z = \text{Ln } P(Y=1)/1-P(Y=1),$$

где $P(Y=1)$ – вероятность наступления события, а $1-P(Y=1)$ – вероятность ненаступления события. Величина $P(Y=1)/1-P(Y=1)$ – шанс наступления интересующего события Y . Однако значение логарифма неудобно для интерпретации, поэтому уравнение регрессии выражают в экспоненциальной форме, где зависимая переменная – шанс наступления интересующего события Y .

В данном случае Y может принимать три значения, условно А (общество справедливо), В (в среднем справедливо), С (общество несправедливо).

В мультиномиальной логистической регрессии с тремя значениями зависимой переменной строится только два уравнения, для последнего значения зависимой переменной уравнение не строится, так как оно образует контрольную группу. Таким образом, получится два уравнения регрессии в экспоненциальной форме:

$$\begin{aligned} 1) P(Y=A)/P(Y=C) &= e^{b_0} * e^{b_1x_1} * e^{b_2x_2} * \dots * e^{b_ix_i} \\ 2) P(Y=B)/P(Y=C) &= e^{b_0} * e^{b_1x_1} * e^{b_2x_2} * \dots * e^{b_ix_i} \end{aligned}$$

Значение $\text{Exp}(B)$ в регрессионном уравнении интерпретируется следующим образом: если $\text{Exp}(B) > 1$, более вероятно, что зависимая переменная примет значение знаменателя, т. е. опорной категории (в данном случае это С – общество справедливо), если $\text{Exp}(B) < 1$, то более вероятно, что зависимая переменная примет значение числителя (А или В, в зависимости от рассматриваемого уравнения).

Для оценки качества мультиномиальной регрессии используется логарифм коэффициента функции правдоподобия – аналог суммы квадратов регрессионных остатков в линейной регрессии. В отличие от r -квадрата, он не имеет верхней границы, поэтому эта оценка весьма условная: принято считать, что чем он больше, тем лучше качество модели.

Таблица 2

**Факторы, влияющие на оценку справедливости российской молодежи:
 анализ с использованием мультиномиальной регрессии
 (уравнение для оценки: общество справедливо)**

Table 2

**Factors influencing Russian youths' assessment of fairness:
 analysis using multinomial regression (scoring equation: society is fair)**

Независимые переменные	Возрастные группы (значения Exp(B))			
	14–17 лет	18–24 лет	25–29 лет	30–35 лет
Доход	–	1,540 (0,254)	1,734 (0,602)	1,159 (0,438)
Самооценка здоровья	1,369 (0,200)	4,272 (0,36)	1,418 (0,432)	1,285* (0,190)
Возможность семьи улучшить свои жилищные условия	0,776 (0,600)	0,395 (0,492)	2,098 (0,434)	0,573 (0,359)
Возможность семьи оплачивать дополнительные занятия детям	1,100 (0,870)	1,019 (0,406)	0,193 (0,357)	1,390 (0,307)
Возможность семьи откладывать деньги на крупные покупки	2,232 (0,630)	1,197 (0,523)	0,164* (0,231)	0,607* (0,366)
Возможность семьи провести отпуск за границей	2,473 (0,730)	0,335 (0,609)	1,818 (0,700)	0,969 (0,386)
Возможность семьи провести отпуск на российском курорте	0,576 (0,600)	1,403 (0,536)	0,987 (0,539)	0,452 (0,356)
Возможность семьи оплатить ребенку учебу в вузе	0,127*** (0,150)	0,278** (0,210)	0,373 (0,349)	0,200 (0,327)
Пол: мужской	0,687 (0,302)	0,994 (0,652)	0,443 (0,542)	1,434 (0,229)
Константа (B)	-0,626	-0,090	0,609	-0,464

Таблица 3

**Факторы, влияющие на оценку справедливости российской молодежи:
 анализ с использованием мультиномиальной регрессии
 (уравнение для оценки: общество в среднем справедливо)**

Table 3

**Factors influencing fairness assessment of russian youth:
 analysis using multinomial regression (scoring equation: society is fair on average)**

Независимые переменные	Возрастные группы (значения Exp(B))			
	14–17 лет	18–24 лет	25–29 лет	30–35 лет
Доход	–	0,900 (0,643)	1,427 (0,473)	1,258 (0,693)
Самооценка здоровья	1,309 (0,220)	1,583 (0,256)	0,323 (309)	0,917 (0,522)
Возможность семьи улучшить свои жилищные условия	0,496 (0,210)	0,151 (0,121)	0,706 (0,187)	0,866 (0,391)
Возможность семьи оплачивать дополнительные занятия детям	0,684 (0,420)	0,363* (0,412)	0,845** (0,437)	0,535 (0,311)

Продолжение таблицы 3

Независимые переменные	Возрастные группы (значения Exp(B))			
	14–17 лет	18–24 лет	25–29 лет	30–35 лет
Возможность семьи откладывать деньги на крупные покупки	0,803 (0,130)	1,493 (0,493)	0,305 (0,681)	1,262 (0,343)
Возможность семьи провести отпуск за границей	2,504 (0,800)	1,402 (0,591)	0,147 (0,321)	0,790 (0,355)
Возможность семьи провести отпуск на российском курорте	2,060 (0,420)	0,708 (0,529)	1,256 (0,228)	0,584 (0,388)
Возможность семьи оплатить ребенку учебу в вузе	0,651 (0,140)	0,146 (0,447)	0,218 (0,566)	0,224 (0,318)
Пол: мужской	0,853 (0,300)	0,417 (0,306)	0,379 (0,360)	1,138 (0,224)
Константа (B)	-0,460	1,006	-1,241	-0,498
Логарифм коэффициента функции правдоподобия	313,244	369,629	267,830	542,262

* $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$; в скобках – значения стандартных ошибок

Опорная категория – **общество несправедливо**

Таким образом, результаты проведенного анализа показывают, что существует связь между наличием средств для обретения возможностей и оценкой справедливости общества. Наличие у респондентов средств достижения возможностей увеличивает вероятность того, что они оценят общество как справедливое. Причем в разном возрасте на эту оценку влияют разные средства достижения возможностей. Данную особенность можно объяснить жизненным циклом: в подростковом возрасте респондентов интересует возможность поступления в вуз, а не, например, обеспечение семейного отдыха за рубежом, так как это обеспечивают их родители.

Респонденты, которые оценивают общество как «в среднем справедливое», имеют средства, чтобы обеспечивать насущные потребности, такие как оплату дополнительных занятий. Оценка общества как «справедливого» связана со средствами достижения более дорогих возможностей – откладывать деньги на крупные покупки.

Заключение

Результаты проведенного исследования говорят о том, что большинство российской молодежи во всех рассмотренных группах считает, что общество в чем-то справедливо, а в чем-то нет. Исходя из полученных результатов, можно заметить, что наименее склонна оценивать российское общество как несправедливое группа наиболее молодых (14–17 лет), затем с возрастом вероятность такой оценки увеличивается, наибольшей доля респондентов, оценивающих общество как несправедливое, становится к 30–35 годам. Из подросткового возраста, где практически все жизненные проблемы ложатся на плечи родителей, молодые люди постепенно входят во взрослую жизнь с персональной ответственностью, и в этих условиях проблема справедливости общества становится для них более актуальной.

Еще в 2013 г. М.К. Горшков и Н.Е. Тихонова в своем исследовании показали, что мечта россиян – «жизнь в справедливом и разумно устроенном обществе, где добродетель и труд

вознаграждаются, доходы людей обусловлены их трудом и квалификацией, где все имеют равные права и возможности» [Горшков, Тихонова 2013, 8]. Однако, как показывает анализ работ предшественников и результаты проведенного исследования, для современной молодежи России жизнь в справедливом обществе так и остается мечтой, мало похожей на реальность.

В качестве теоретической рамки исследования для анализа того, что влияет на оценку справедливости молодежью, был избран подход достижения возможностей А. Сена и М. Нуссбаум. Автор предполагал, что оценка общества как несправедливого связана с отсутствием у молодежи средств для обретения возможностей. А. Сен многократно высказывал несогласие с подходом, при котором именно доход используют как главный показатель справедливости. Он критиковал подход Дж. Ролза и Р. Дворкина за игнорирование вопроса конвертирования дохода в реальные возможности. Согласно А. Сену, один и тот же доход для людей здоровых и с ограниченными физическими способностями дает совершенно разные возможности в жизни, таким образом, равенство ресурсов совершенно не означает наступление общественной справедливости. Подобрал аналоги средств для достижения возможностей по теории А. Сена в базе RLMS, автор применил анализ с использованием мультиномиальной регрессии для того, чтобы оценить связь между средствами достижения возможностей и оценкой справедливости общества у молодежи. В результате было выявлено, что наличие средств для достижения возможностей действительно увеличивает вероятность того, что общество оценивают как справедливое, и наоборот, отсутствие таких средств ведет к оценке российского общества как несправедливого.

Оценка справедливости общества молодежью как «в чем-то справедливого, в чем-то нет» связана с возможностью оплачивать дополнительные занятия, а оценка общества как справедливого связана с возможностями более дорогого плана: откладывать деньги на крупные покупки.

Полученные результаты позволяют предположить, что жизненный цикл влияет на то, какие средства достижения возможностей связаны с оценкой справедливости на разных этапах жизни. Например, в подростковом возрасте (14–17 лет) – это возможность поступления в институт, в 30–35 лет – возможность откладывать деньги на крупные покупки и ощущать себя здоровым. Дополнительный анализ описательных статистик показал, что в возрастной группе 30–35 лет наибольшая доля тех, кто имеет собственных детей, а также то, что факт наличия детей коррелирует с оценкой справедливости на значимом уровне. Стоит отметить, что необходимость реализации образовательных и профессиональных стратегий и отсутствие веры в справедливость существующей системы приводит к сдвигу времени рождения первенца в молодежных семьях. На данном этапе развития общества нет необходимости рожать детей для того, чтобы человеческий род не прекратился, потребность в детях стала социальной. Каждый принимает собственное решение о детях, взвешивая свои возможности. Молодые люди не уверены в том, что выберутся из нужды и обеспечат ребенка всем необходимым, если будут рожать в возрасте до 30 лет. Данные тенденции могут приводить к кризису семейной жизни.

Запрос молодежи на социальную справедливость может быть привести к росту социальной напряженности. Так, по мнению Е. Омельченко, именно из-за отсутствия оценки общества как справедливого молодежь может выходить на митинги и акции протестов [Омельченко 2021]. «Недовольство, усталость от происходящего, неопределенность и страх перед будущим, который в первую очередь касается экономического положения» [Рогозин 2021] приводят к оценке российского общества как несправедливого и толкает молодых людей к выходу на улицы.

Результаты исследования показывают, что в российском обществе невелика доля граждан, которые оценивают его как справедливое (не превышает 27% во всех молодежных группах). В условиях ограниченной базы исследования не было возможности в полной мере проверить все выделенные А. Сеном средства для достижения возможностей, однако на имеющихся данных было выявлено, что молодым людям не хватает средств для достижения возможностей для обеспечения желаемого уровня жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вишневский Ю.Р., Нархов Д.Ю. (2017) Какое общество является справедливым: мнение свердловских студентов // Социологические исследования. № 5. С. 35–46.
- Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. (2016) Социальное здоровье студенческой молодежи в условиях кризиса социальной справедливости: вызовы и угрозы безопасности России // Инженерный вестник Дона. № 1. (<http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n1y2016/3524>).
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э. (2020) Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН. 688 с.
- Горшков. М.К., Тихонова Н.Е. (2013) Мечты россиян и реальность демоскопии // Полис. Политические исследования. № 5. С. 7–26.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И. (2009) Социология молодежи. Учебное пособие. М.: МИИТ. 336 с.
- Канарш Г.Ю. (2011) Экономика и справедливость: эгалитарная теория А. Сена и М. Нассбаум // Философские науки. № 10. С. 34–43.
- Касамара В. А., Максименкова М.С., Сорокина А.А. (2020) Справедливость в представлениях российской студенческой молодежи // Общественные науки и современность. № 4. С. 20–30.
- Козырев А. (2021) Запрос на справедливость // Российская газета. № 23(8374). (<https://rg.ru/2021/02/03/kozyrev-poiski-spravedlivosti-ne-svoditsia-k-idee-preodoleniia-neravenstva.html>).
- Константинова Д.С., Кудавва М.М. (2019) Дискриминационные различия в заработной плате в России // Дискуссия. № 1 (92). С. 38–46.
- Мазаев Ю.Н., Киреев Е.Ю. (2019) Восприятие и оценка справедливого неравенства в среде молодежи // Социальная политика и социология. № 3 (132). С. 131–139.
- Мареева С.В. (2013) Справедливое общество в представлениях россиян // Общественные науки и современность. № 5. С. 16–26.
- Омельченко Е.Л. (2021) Власть готова снова взяться за регулирование молодежной политики // Ведомости. 31 января 2021. (<https://www.vedomosti.ru/society/articles/2021/01/31/856103-vlast-gotova>).
- Рогозин Д.М. (2021) «Выросло непуганое поколение»: ответы на главные вопросы о новой волне протестов в России // BBC. Русская служба новостей. (<https://www.bbc.com/russian/features-55802391>).
- Сен А. (2016) Идея справедливости. М.: Изд-во Института Гайдара. Фонд «Либеральная Миссия». 520 с.
- Сыроед Н.С. (1999) Особенности представлений о справедливости учащихся молодежи Сибири и Дальнего Востока 80–90-х гг.: По материалам исследований в Приморском, Алтайском и Красноярском краях: дис. Канд. Соц. Наук. Алтайский государственный университет, Барнаул. 152 с.
- Хахулина Л.А. (2003) Динамика оценок населением России справедливости и несправедливости неравенств, сложившихся в 90-е года // В: Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России. Ред.-сост. Р.В. Рывкина. М.: Реферendum. С. 77-102.
- Черныш М. Ф. (2017) Студенческая молодежь и проблема справедливости в современном российском обществе // В: Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.15. Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый Хронограф. С. 342–368.

Шкуренко О. (2020) В поисках социальной справедливости // Коммерсант. 22.02.2020. (<https://www.kommersant.ru/doc/4266723>).

Эмиграция (2021) Левада-центр. Пресс-выпуск. (<https://www.levada.ru/2021/06/09/emigratsiya-2/>).

Nussbaum M. (2000) Women's Capabilities and Social Justice // *Journal of Human Development*. Vol. 1. № 2. Pp. 219–247.

REFERENCES

Chernysh M.F. (2017) *Studencheskaya molodezh' i problema spravedlivosti v sovremennom rossijskom obshchestve* [Student Youth and the Problem of Justice in Modern Russian Society]. *Rossiia reformiruyushchayasya: ezhegodnik*. Vol 15. Ed(s): Gorshkov M.K. Moscow: Novyj Hronograf. pp. 342–368.

Emigratsiya [Emigration] (2021) Levada-Centr. Press-Release. (<https://www.levada.ru/2021/06/09/emigratsiya-2/>).

Gafiatulina N.H., Samygin S.I. (2016) Social'noe zdorov'e studencheskoj molodezhi v usloviyah krizisa social'noj spravedlivosti: vyzovy i ugrozy bezopasnosti Rossii [Social Health of Student Youth in the Context of the Crisis of Social Justice: Challenges and Threats to Russia's Security]. *Don's Engineering Bulletin*. no. 1. (<http://www.ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1y2016/3524>).

Gorshkov M.K., Sheregi F.E. (2020) *Molodezh' Rossii v zerkale sociologii. K itogam mnogoletnih issledovanij* [Youth of Russia in the Mirror of Sociology. By the Results of Many Years of Research.]. Moscow: FNISC RAN. 688 p.

Gorshkov M.K., Tihonova N.E. (2013) Mechty rossiyan i real'nost' demoskopii [Dreams of Russians and the Reality of Demoscopy]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. no. 5, pp. 7–26.

Hahulina L.A. (2003) Dinamika ocenok naseleniem Rossii spravedlivosti i nespravedlivosti neravenstv, slozhivshisya v 90-e goda [Dynamics of Russia's Population Assessments of Justice and Injustice of Inequalities that Developed in the 90s]. In: *Spravedlivye i nespravedlivye social'nye neravenstva v sovremennoj Rossii*. Ed(s): Ryvkina R.V. Moscow: Referendum. pp. 77–102.

Kanarsh G.Y. (2011) *Ekonomika i spravedlivost': egalitarnaya teoriya A. Sena i M. Nussbauma* [Economics and Justice: The Egalitarian Theory of A. Sen and M. Nussbaum]. *Filosofskie nauki*. no. 10, pp. 34–43.

Kasamara V.A., Maksimenkova M.S., Sorokina A.A. (2020) Spravedlivost' v predstavleniyah rossijskoj studencheskoj molodezhi [Fairness in the views of Russian student youth]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 4, pp. 20–30.

Kozyrev A. (2021) Zapros na spravedlivost' [Request for Justice]. *Rossiyskaya Gazeta*. no. 23(8374). (<https://rg.ru/2021/02/03/kozyrev-poiski-spravedlivosti-ne-svodiatsia-k-idee-preodoleniia-neravenstva.html>).

Konstantinova D.S., Kudaeva M.M. (2019) Diskriminacionnye razlichiya v zarabotnoj plate v Rossii [Discriminatory Differences in Wages in Russia]. *Diskussiya*. vol. 92, no. 1, pp. 38–46.

Mazaev Y.N., Kireev E.Y. (2019) Vospriyatie i ocenka spravedlivogo neravenstva v srede molodezhi [Perceptions and Assessment of Fair Inequality among Young People]. *Social'naya politika i sociologiya*. vol. 132, no. 3, pp. 131–139.

Mareeva S.V. (2013) Spravedlivoe obshchestvo v predstavleniyah rossiyan [A Just Society in the Minds of Russians]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 5, pp. 16–26.

Nussbaum M. (2000) Women's Capabilities and Social Justice. *Journal of Human Development*. vol. 1, no. 2, pp. 219–247.

Omel'chenko E.L. (2021) Vlast' gotova snova vzyat'sya za regulirovanie molodezhnoj politiki [The Government is Ready to Take up the Regulation of Youth Policy Again]. *Vedomosti*. 31th January 2021. (<https://www.vedomosti.ru/society/articles/2021/01/31/856103-vlast-gotova>).

Rogozin D.M. (2021) «Vyroslo nepuganoe pokolenie»: otvety na glavnye voprosy o novej volne protestov v Rossii [«An Unafraid Generation Has Grown Up»: Answers to the Main Questions about the New Wave of Protests in Russia]. *BBC*. (<https://www.bbc.com/russian/features-55802391>).

Sen A. (2016) *Ideya spravedlivosti* [The Idea of Justice]. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara. Fond «Liberal'naya Missiya». 520 p.

Shkurenko O. (2020) V poiskah social'noj spravedlivosti [In Search of Social Justice]. *Kommersant*. 22.02.2020. (<https://www.kommersant.ru/doc/4266723>).

Syroed N.S. (1999) *Osobennosti predstavlenij o spravedlivosti uchashchijisya molodezhi Sibiri i Dal'nego Vostoka 80–90-h gg.: Po materialam issledovanij v Primorskom, Altajskom i Krasnoyarskom krayah* [Features of the Notions of Justice among the Youth of Siberia and the Far East in the 80s-90s: Based on Research Materials in the Primorsky, Altai and Krasnoyarsk Territories]. Dissertation. Barnaul. 152 p.

Vishnevskij Y.R., Narhov D.Y. (2017) Kakoe obshchestvo yavlyaetsya spravdlivym: mnenie sverdlovskih studentov [What Kind of Society is Fair: The Opinion of Sverdlovsk Students]. *Sociologicheskie issledovaniya*. vol. 5, pp. 35–46.

Zubok Y.A., Chuprov V.I. (2009) *Sociologiya molodezhi* [Sociology of Youth]. Moscow: МИИТ. 336 p.

Информация об авторе

Воронина Наталья Сергеевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социальной мобильности Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской Академии Наук. Адрес: Кржижановского ул., д. 24/35, к. 5, Москва, 117218. Доцент Государственного Академического Университета Гуманитарных Наук. Адрес: Мароновский переулок, д. 26б Москва, 119049. E-mail: navor@bk.ru

About the author

Natalia S. Voronina, Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher, Department of Social Mobility Studies, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS). Address: 117218, Moscow, Krzhizhanovsky Street, 24/35, building 5. Associate Professor, State Academic University of the Humanities. Address: 119049, Moscow, Maronovskiy Pereulok, 26. E-mail: navor@bk.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 28.02.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 26.03.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 02.04.2022

DOI: 10.31857/S0869049922020083
EDN: EWADBG

ОСВОЕНИЕ КОСМОСА SPACE EXPLORATION

Оригинальная статья / Original Article

Современное состояние и возможные пути развития космической отрасли России

© С.В. ИОСИПЕНКО

Иосипенко Сергей Владимирович, Институт астрономии Российской академии наук (Москва, Россия), iosipenkosv@gmail.com. ORCID: 0000-0002-6288-074X

Цель статьи – определить факторы, которые наиболее негативно влияют на развитие отечественной космической отрасли, и обсудить возможности их планомерного нивелирования путем поэтапных «безболезненных» изменений в части реализации научных космических проектов. Среди таких факторов отмечаются слияние военных и гражданских видов деятельности; недостаточное финансирование; структура отрасли, не располагающая к реформированию и развитию; чрезмерное законодательное регулирование; практическое отсутствие негосударственного рынка; сильное влияние макрополитической составляющей. В качестве одной из ключевых проблем также отмечается невозможность «выхода» инвесторов из космических проектов. На основе приведенных данных сделано предположение, что формирование постоянного государственного заказа на малые научные космические проекты, реализуемые вне ФКП и предприятий ГК «Роскосмос», может дать значительный толчок в развитии коммерческого космического сектора России.

Ключевые слова: ракетно-космическая отрасль, научные космические проекты, инновационное развитие

Цитирование: Иосипенко С.В. (2022) Современное состояние и возможные пути развития космической отрасли России // Общественные науки и современность. № 2. С. 109–125. DOI: 10.31857/S0869049922020083, EDN: EWADBG

The Current State and Possible Ways of Developing the Space Industry in Russia

© S. IOSIPENKO

Sergey V. Iosipenko, Institute of Astronomy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), iosipenkosv@gmail.com. ORCID: 0000-0002-6288-074X

Abstract. The purpose of the article is to identify the factors that have the greatest negative impact on the development of the domestic space industry, and to discuss the possibility of their systematic leveling through step-by-step «painless» changes in the implementation of scientific space projects. Among these factors, the following are noted: merger of the military and civilian sectors of industry; underfunding; the structure of the industry, which is not conducive to reform and development; excessive legislative regulation; lack of non-governmental market and strong dependence on the macro-political environment. One of the key problems of investors is the inability to exit the business. Based on the data, it is assumed that the formation of a long-term public contract for small scientific space projects outside the Federal Space Program and the enterprises of the state-owned company Roscosmos can give a significant impetus to the development of the commercial space sector in Russia.

Keywords: space commercialization, scientific space projects, Russian space industry

Citation: Iosipenko S. (2022) The Current State and Possible Ways of Development of the Space Industry in Russia. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 110–125. DOI: 10.31857/S0869049922020083, EDN: EWADBG

В настоящее время существует ряд исследовательских групп, которые профессионально занимаются анализом состояния космического мирового рынка и формируют отчеты об экономическом состоянии отрасли, а также прогнозы ее развития. К наиболее авторитетным из них можно отнести Northern Sky Research (NSR), Bryce Space and Technology и Euroconsult. Указанные исследовательские группы приводят довольно близкие цифры по объемам рынка и темпам роста за прошедшие годы. Согласно их данным, рынок космических услуг пережил быстрый рост в 2000–2010 гг. и в течение последних десяти лет показывает умеренный, но стабильный рост со средним темпом 3% в год. Объем всего мирового космического рынка в 2019 г. составил более 360 млрд долл. США^{1,2}. В тоже время все аналитики солидарны в том, что в ближайшие десятилетия ожидается значительный рост космического рынка. Так, аналитики NSR прогнозируют увеличение его объема в три раза к 2030 г.³, а аналитики Morgan Stanley ожидают аналогичный рост к 2040 г.⁴. На их взгляд, основные перспективы связаны с предоставлением доступа в интернет в недостаточно обслуживаемых и необслуживаемых частях мира, а также с подключением беспилотных автомобилей, предоставлением облачных сервисов, с повышением кибербезопасности, расширением сфер интернета вещей, искусственного интеллекта, виртуальной реальности и т.д.

¹ Global Space Economy at Glance by Bryce Space and Technology, LLC. 2020.

² Euroconsult Space Economy Report. 2020.

³ NSR's Global Space Economy Report. 2022.

⁴ Space: Investing in the Final Frontier. Morgan Stanley. August 2021. (<https://www.morganstanley.com/ideas/investing-in-space>).

Помимо вышеуказанных аналитических отчетов, обзору современного состояния и новейших трендов в космической сфере посвящен ряд работ как зарубежных, так и отечественных экспертов [Jacobson 2020; Gregg 2021; Peeters 2022; Камолов 2018; Пайсон 2014]. В целом можно отметить следующие тенденции, которые влияют на развитие мирового рынка космических услуг:

- бурный рост потребления данных: заказчика интересуют уже не отдельные снимки, а ежедневно обновляемые изображения. Такие данные позволяют получать большую статистику по полезной информации и, экстраполируя полученные данные, прогнозировать будущие показатели;
- применение машинного обучения и искусственного интеллекта: внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в РКТ происходит довольно медленно, что связано с высокими требованиями к надежности и прогнозируемости поведения разрабатываемых систем;
- создание группировок с большим количеством спутников: необходимость все большего объема данных способствуют появлению новой бизнес-модели, в основу которой ложится идея создания и запуска крупных группировок малых космических аппаратов (КА) (орбитальные группировки Astro Digital, Planet, BlackSky Global, Iridium, Globalstar, O3B, Orbcomm, OneWeb, Spire Global, SpaceX). Количество ежегодно запускаемых космических аппаратов за последние пять лет увеличилось в разы и продолжает расти;
- рост рынка пусковых услуг, который возник из-за возрастания количества ежегодно запускаемых космических аппаратов. Стоит отметить, что малые аппараты традиционно запускают в качестве попутной нагрузки с каким-либо крупногабаритным космическим аппаратом, что вынуждает подстраиваться под орбиты и даты запуска с ожиданием от нескольких месяцев до года и более. В ответ на потребность рынка по всему миру возник ряд стартапов, которые ставят перед собой цель создать малые средства выведения для запуска в космическое пространство КА массой до 500 кг;
- удешевление технологий: миниатюризация и удешевление элементной базы и комплектующих, а также накопление опыта по использованию микроэлектроники не космического и не радиационно-стойкого класса в частных коммерческих проектах;
- коммерциализация: вышеуказанные тенденции в совокупности привели к преобразованию структур капитала внутри ряда секторов космического рынка – уменьшается доля государства и увеличивается коммерческая составляющая (рынки пусковых услуг, связи, ДЗЗ, наземных сервисов на базе данных со спутников).

Перечисленные тенденции способствовали появлению и значительному росту количества коммерческих компаний, которые разрабатывают и создают спутники, малые ракеты-носители и бортовую аппаратуру для них на привлеченные частные инвестиции [Макарова 2015]. Очевидно, что за последние 10 лет космическая отрасль кардинально изменилась. Космос перестал быть монопольной сферой интересов исключительно государственного уровня и наполнился частными деньгами, которые стремятся извлечь коммерческую выгоду – и, стоит отметить, преуспевают в этом [Криштофор 2019а].

В работе [Камолов, Шолохов 2019] на примере США дана оценка важности влияния действующей законодательной базы страны на развитие коммерческого сегмента космической отрасли. Приводится анализ последовательных и планомерных шагов правительства США по формированию необходимой для роста частной космической отрасли среды с помощью соответствующей законодательной базы (таб. 1).

По результатам на сегодняшний день можно сказать, что такая политика принесла свои плоды, о чем свидетельствует уровень частных вложений в космические компании (рис. 1). Суммарный мировой объем инвестиций за последние 10 лет оценивается в более чем 186 млрд долл.

Законы США по коммерциализации космической деятельности

Table 1

US space commercialization laws

Дата принятия	Наименование закона
1980 г.	Закон Стивенсона-Вайдлера «О технологических инновациях» (Stevenson-Wydler Technology Innovation Act)
1982 г.	Закон об инновационном развитии малого бизнеса (Small Business Innovation Development Act)
1984 г.	Закон о коммерческих космических пусках (Commercial Space Launch Act of 1984)
1998 г.	Закон о коммерческом космосе (Commercial Space Act of 1998)
2000 г.	Закон о конкурентоспособности коммерческих космических перевозок (Commercial Space Transportation Competitiveness Act of 2000)
2018 г.	Закон о свободе предпринимательства американских компаний в космосе (The American Space Commerce Free Enterprise Act)

Источник: [Камолов, Шолохов 2019].

Source: [Kamolov, Sholohov 2019].

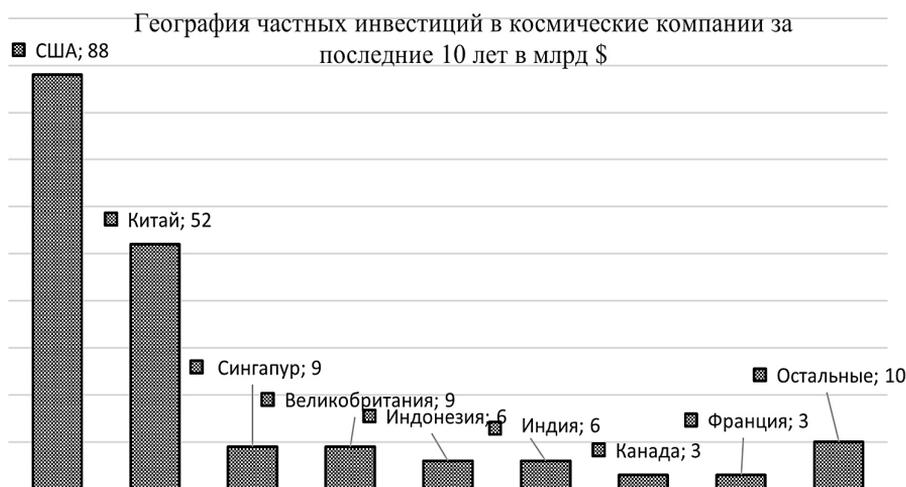


Рисунок 1. Частные инвестиции в «космос» за последние 10 лет⁵

Figure 1. Private investment in space over the past 10 years

В России, несмотря на указанные мировые тенденции, состояние ракетно-космической отрасли остается довольно тяжелым, что отмечено в работах [Калинина 2014; Могилат, Сулов 2013], а также в результатах экспертного исследования центра социального проектирования Платформа⁶.

⁵ Пришло время космического предпринимательства. Электронное издание РБК+. 27 мая 2021. (<https://plus.rbc.ru/news/60a65e287a8aa97ed414799f>).

⁶ Центр социального проектирования «Платформа». Российская космическая отрасль: ожидания бизнеса и общества. Москва. 2019

Государственный космос России

В России все государственные интересы в космической сфере реализуются через госкорпорацию «Роскосмос» [Криштофор 2019]. В соответствии с Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 215-ФЗ «О Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» деятельность корпорации направлена на «создание условий и механизмов эффективного осуществления космической деятельности, использования ее результатов, управления организациями Корпорации и их развития, а также на содействие укреплению обороны страны и обеспечение безопасности государства». Таким образом, задачи госкорпорации «Роскосмос» сводятся к оказанию государству ряда конкретных услуг, и изначально перед ней не ставят задачи формирования благоприятной среды для появления, развития и роста внебюджетно-коммерческого «космоса» и получения прибыли от деятельности. Соответственно, оценка деятельности госкорпорации со стороны правительства и министерства финансов сводится к оценке выполнения госзаказа и анализу уровня освоения выделенных бюджетных средств. Сама госкорпорация ставит перед собой дополнительные задачи: повышение эффективности и результативности, снижение затрат, совершенствование новых технологий и даже завоевание доли мирового рынка космических услуг для наращивания доли внебюджетного финансирования (рис. 2).

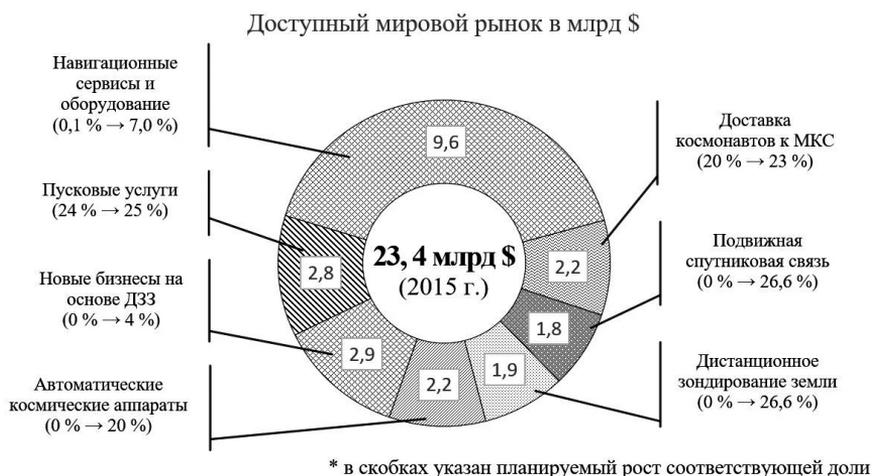


Рисунок 2. Цели по наращиванию внебюджетного финансирования⁷

Figure 2. Extrabudgetary funding increasement goals

⁷ Стратегическое развитие ГК «Роскосмос» на период до 2025 г. и перспективу до 2030 г. ГК «Роскосмос». 2017 г.

Однако, как показывает практика, такие планы в большинстве случаев остаются невыполненными. Например, согласно приведенным данным, ГК «Роскосмос» 2017 г. планировала нарастить свою долю во всех нишах рынка космических услуг, однако по состоянию на 2021 г. эти планы реализованы не были. Россия не только не смогла поднять долю с околонулевой отметки для ряда секторов, но и значительно потеряла позиции в традиционно сильных для себя нишах пусковых услуг и доставки грузов к МКС.

Отчасти быстрые потери позиций на мировом рынке и нарастающее техническое отставание можно объяснить недостаточным финансированием космической отрасли РФ [Надточий, Горелова 2019]. Так, бюджет одного только государственного космического агентства США без учета частных инвестиций превышает бюджет аналогичного российского агентства почти в 10 раз (рис. 3).

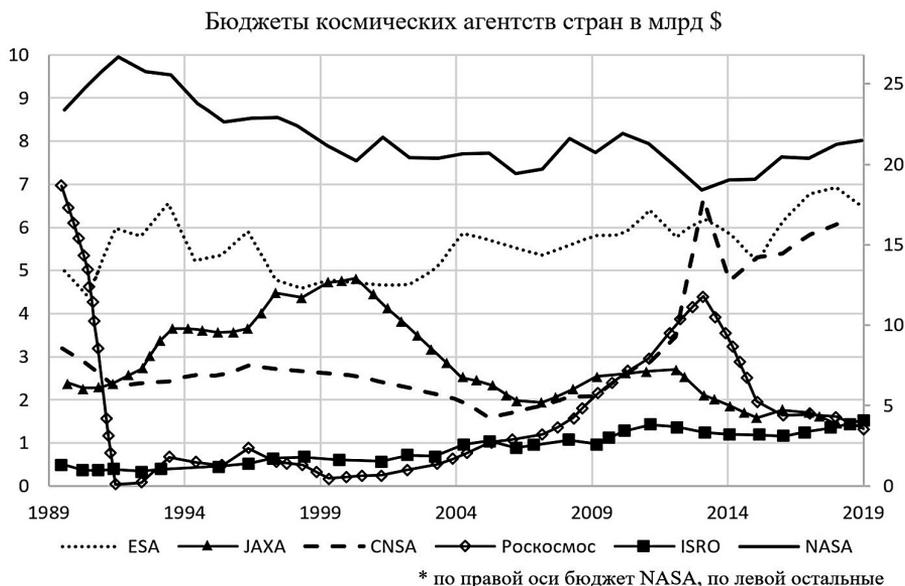


Рисунок 3. Бюджеты космических агентств стран ⁸

Figure 3. Budgets of national space agencies of countries

Очевидно, что, помимо финансовых, есть и ряд других проблем [Калинина 2014]. С одной стороны, структура космического агентства в виде госкорпорации позволяет эффективнее конкурировать на международном рынке крупных заказов [Соболев 2017], обеспечивая лучшие условия в части пусковых услуг, пилотируемых космических программ, продаже ракетных двигателей и создании дорогостоящих спутников связи и вещания. С другой стороны, ситуация, когда корпорация выступает одновременно и заказчиком, и исполнителем (в лице предприятий с преимущественно государственным участием в уставном капитале), сдерживает развитие отрасли при уменьшающемся потоке внешних заказов [Шелудько 2017; Пайсон 2014]. В ситуации, когда основным источником финансирования выступает выполнение государственного заказа с его традиционно нестабильным

⁸ Космическая статистика под конец года, 2020. Электронное издание Alpha centauri. (<https://thealphacentauri.net/71093-kosmicheskaya-statistika-pod-konec-goda/>).

денежным потоком, который часто подвергается секвестрованию, основной задачей госкорпорации становится удержание на плаву подведомственных предприятий. В результате даже не стоит вопрос передачи части заказов на космическую продукцию коммерческим предприятиям (по аналогии с NASA) для развития отрасли и создания конкурентной среды, ведь самим предприятиям ГК «Роскосмос» зачастую приходится заниматься непрофильной деятельностью для выживания [Могилат, Суслов 2013]. ГК «Роскосмос» владеет блокирующим пакетом акций компаний структуры, а зачастую уровень владения близок к 100%. Исторически это связано с военным и двойным назначением разрабатываемых космических систем, заказы на которые в России – в отличие от США – не принято отдавать в независимые коммерческие организации. Однако такая структура сильно ограничивает высший менеджмент предприятий в возможности принятия решений и нивелирует все стимулы к активным действиям по реформированию, повышению эффективности и общей прибыльности предприятий, поскольку они не могут участвовать в распределении прибыли, а стимулирование идет через заработную плату и премирование, которые зависят от прибыли лишь косвенно. Таким образом, сложилось положение, когда активные действия высшего менеджмента предприятий не влияют на величину дохода или влияют слабо, а за допущенные ошибки «наказывают» гарантированно. В таких условиях почти все делают наиболее рациональный выбор и следуют правилу «пока работает – не трогай», что, в свою очередь, приводит к технологическому и управленческому отставанию.

Эксперты также отмечают, что усиление централизации и контроля госкорпорацией негативно сказывается на деятельности компаний и ведет к подмене контроля управлением без какой-либо ответственности. Так, В.Г. Шелудько в своей работе отмечает, что «размытость функций акционеров, менеджеров, советов директоров провоцирует процессы “перетягивания одеяла на себя”»⁹. Экономический кризис 2008 г. продемонстрировал целый ряд противоречий: так, председатели советов директоров не имели необходимых полномочий, поскольку основные права и полномочия были у собственников, что привело к сворачиванию долгосрочных программ развития компаний и к переводу планирования на срок не более одного года [Шелудько 2019].

Научный космос России

Научные проекты в космической сфере во всем мире проводят по заказу правительств. Так и в России все научные проекты осуществляет ГК «Роскосмос» в рамках федеральной космической программы (ФКП), которая, в свою очередь, выполняется в соответствии с законом о государственном оборонном заказе¹⁰. Соответственно, и все научные проекты в стране имеют статус гособоронзаказа под контролем военного представительства. Негативное влияние данной специфики выявили эксперты в рамках исследования «Российская космическая отрасль: ожидания бизнеса и общества»¹¹, в котором «часть респондентов отмечает, что слияние военных и гражданских видов космической деятельности в одной структуре делает ее менее гибкой, не позволяет адекватно реагировать на стремительно меняющиеся рыночные условия».

⁹ Шелудько В.Г. (2019) О создании холдинга производства спутников // Менеджмент социальных и экономических систем. № 1, с. 29.

¹⁰ Федеральный закон N 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» от 29.12.2012 г.

¹¹ Российская космическая отрасль: ожидания бизнеса и общества. Результаты экспертного исследования Центра социального проектирования «Платформа». Москва. 2019 г.

Распределение работ по этому направлению ложится на ГК «Роскосмос», вследствие чего по причинам, указанным в предыдущем разделе, головными предприятиями по реализации научных проектов становятся исключительно ее подведомственные предприятия.

Бюджетное финансирование по ФКП на 2016–2025 гг. приведено ниже (рис. 4). В ФКП научные космические проекты реализуются в рамках направления фундаментальных исследований, на которые приходится около 9% от всего бюджетного финансирования по направлению НИОКР.

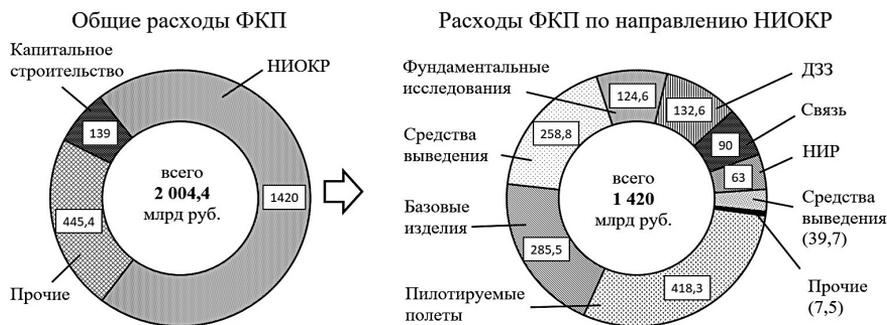


Рисунок 4. Распределение финансирования ФКП по направлению НИОКР

Figure 4. Distribution of FSP funding in the direction of R&D

В рамках действующего ФКП на 2015–2025 гг. запланированы научные проекты (рис. 5), большинство которых носят международный характер и выполняются совместно с другими странами-участниками.

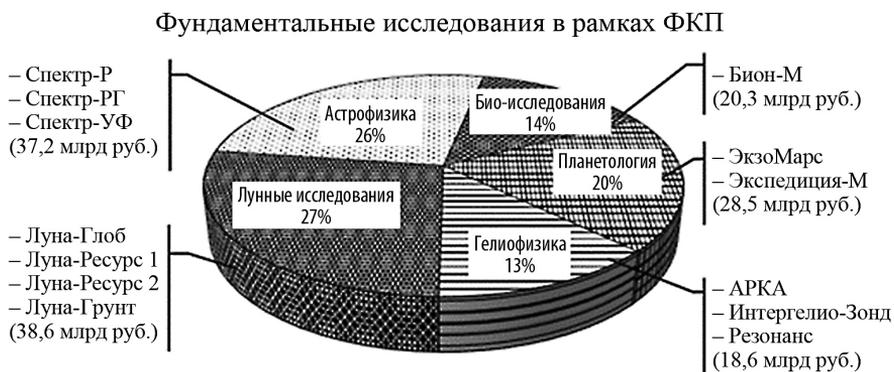


Рис. 5. Научные проекты России

Figure 5. Russia's scientific projects

Анализируя приведенную выше информацию, также можно отметить, что все запланированные научные проекты довольно дорогостоящие и имеют длительный цикл реализации, а малые и средние по стоимости проекты в научной космической программе просто отсутствуют. Эксперты отмечают, что «в программе доминируют крупные и сложные проекты, задуманные зачастую десятилетия назад. Сложившаяся структура ФКП противоречит мировому опыту, демонстрирующему комбинацию относительно редких больших проектов и разнообразия малых спутников с существенно меньшими сроками подготовки» [Петрукович, Никифоров 2016].

Отдельно необходимо отметить, что при любом сокращении финансирования космической деятельности из-за экономических кризисов или других причин дефицита бюджета секвестированию подвергаются в первую очередь именно научные проекты. Так, президент РАН А.М. Сергеев на заседании комитета Госдумы РФ по образованию и науке заявил, что к 2022 г. финансирование работ под задачи научного космоса должно снизиться до 2,9 млрд руб. в год вместо 15 млрд руб.¹² Таким образом, в отсутствие малых и средних проектов складывается ситуация, в которой, с одной стороны, не формируются малые предприятия, способные их эффективно выполнять, а с другой стороны, большие проекты на крупных предприятиях «Роскосмоса» ввиду большого количества неопределенностей получают все выделенные под научные космические программы средства, но все равно постоянно испытывают дефицит финансирования.

Коммерческий космос России

На фоне растущего рынка и успехов вложений частных инвестиций в других странах в России, несмотря на отсутствие соответствующей государственной политики, также можно отметить ряд наиболее ярких коммерческих инициатив в космической отрасли.

- КосмоКурс – компания разрабатывала ракету и капсулу для предоставления туристических суборбитальных полетов и планировала для этих целей построить первый частный космодром в России. В настоящий момент компания ликвидирована (2021 г.) по причинам «непреодолимых трудностей с согласованием требований к проекту космодрома с местными властями и невозможности получения от Минобороны необходимой нормативной документации для проектирования суборбитальной туристической ракеты»¹³.

- Лин Индастриал – компания основана в 2014 г. и разрабатывает РН сверхлегкого и легкого класса для выведения полезной нагрузки массой до 1000 кг. Из-за недостатка финансирования после 2017 г. компания фактически приостановила свою деятельность.

- S7 Space – планировалось, что компания будет заниматься пуском ракет-носителей (РН) среднего класса (в первую очередь РН «Зенит»), для чего она приобрела у РКК «Энергия» плавучий космодром «Морской старт» (сумма сделки оценивается в 150–160 млн долл.). В виду политического кризиса 2014 г. российско-украинская кооперация по созданию РН «Зенит» прекратила поставлять новые ракеты. Попытки заказать разработку и создание новой ракеты для плавучего космодрома у предприятий «Роскосмоса» потерпели неудачу из-за длительности циклов создания и большой стоимости. В настоящий момент компания терпит убытки, связанные с содержанием и обслуживанием приобретенного космодрома, и пытается вести разработку РН собственными силами.

- Dauria Aerospace – компания занималась разработкой и созданием небольших космических аппаратов. Одной из первых российских частных организаций смогла запустить частные спутники на орбиту Земли. В настоящий момент компания признала себя банкротом после отказа на орбите спутников, созданных по контракту с «Роскосмосом», и последующих судебных исков от заказчика.

- Спутникс – компания занимается разработкой и созданием небольших космических аппаратов и комплектующих для них. Предприятие не смогло найти заказчиков на рынке космических услуг России, но вовремя репрофилировалось и сейчас успешно ведет де-

¹² Финансирование исследований космоса в РФ за пять лет сократилось на 12% – Счетная палата. Интерфакс – АВН. 2021 г. (<https://www.militarynews.ru/story.asp?rid=1&nid=546862&lang=RU>).

¹³ В России закрывается компания, планировавшая развивать космический туризм. РИА Новости. 06.04.2021. (<https://ria.ru/20210406/kompaniya-1604377528.html>).

тельность в сфере образовательных проектов, продавая конструкторы спутников школам и университетам.

- Yaliny Ltd – компания, которая была создана в 2013 г., прорабатывала возможность создания низкоорбитальной сети спутников связи. Компанию закрыли из-за невозможности привлечь финансирование в России. По словам основателя, зарубежное финансирование получить не удалось из-за нежелания внешних инвесторов сотрудничать с Россией¹⁴.

- Мегафон 1440 – дочерняя компания оператора связи «МегаФон» создана в конце 2020 г. с целью разработки системы низкоорбитальной спутниковой передачи данных. На прикладные исследования, разработку технических решений и испытания «МегаФон» намерен направить 6 млрд руб. в ближайшие два года¹⁵.

Стоит отметить, что в России существует и успешно работает ряд коммерческих компаний, которые производят отдельные узкоспециализированные виды бортовой аппаратуры. В основном это предприятия, созданные на базе научных или образовательных институтов, которые начинали свою деятельность в рамках государственных учреждений. Однако общие объемы заказов у таких предприятий из-за узкой специализации довольно невелики.

Частные компании, которые пытаются начать космическую деятельность в России, сталкиваются с невозможностью приобрести уже готовую аппаратуру (составные части) для своих изделий у других предприятий космической отрасли. Дело в том, что в отсутствие негосударственного космического рынка предприятия отрасли не ведут никаких разработок продукции за собственные средства, пытаясь предвосхитить будущий спрос. В результате вся созданная предприятиями отрасли аппаратура была разработана в рамках опытно-конструкторских работ (ОКР) по государственному заказу и не может быть продана третьим лицам без прямого разрешения «Роскосмоса», потому что государство в его лице владеет правами на все существующие разработки. Таким образом, попытки купить уже готовую аппаратуру выливаются в необходимость заказывать новые дорогостоящие и длительные ОКР. Данный факт в совокупности с рядом других (отсутствие информации по характеристикам создаваемых предприятиями изделий; номинальные сайты без какой-либо технической информации или их полное отсутствие; практика отказов на просьбы предоставить какие-либо данные о производимой продукции без официального письма, завизированного военным представительством министерства обороны, и т.д.) подтверждают отсутствие открытого конкурентного рынка. В результате новые коммерческие космические компании поставлены в условия, в которых совершенно всю аппаратуру для своей ракеты или спутников они должны производить самостоятельно, что объективно не по силам ни одной компании – в том числе предприятиям «Роскосмоса». Таким образом, новые коммерческие космические компании в России оказываются в заведомо проигрышных условиях.

Помимо уже указанных ранее проблем, также ключевую роль играет невозможность «выхода» инвесторов из космических проектов. Ввиду специфики космической деятельности затраты на такие проекты на всех стадиях значительно превышают затраты на аналогичных стадиях в других сферах инвестирования [Макарова 2017], а объем российского венчурного капитала довольно скромнен – и он продолжает сокращаться последние несколько лет. Спад на рынке объясняется непрозрачностью, нехваткой возможности «выхода», громкими судебными исками, ухудшением инвестиционного климата и про-

¹⁴ С небес на землю: почему провалился российский проект дешевой связи. РБК. 06 февраля 2017 г. (https://www.rbc.ru/technology_and_media/06/02/2017/58988df09a794778795e44ea).

¹⁵ МегаФон инвестирует 6 млрд рублей в разработку системы спутниковой передачи данных. Август 2021 г. (https://corp.megafon.ru/press/news/federalnye_novosti/20201029-1037.html).

должающимся отъездом лучших проектов за рубеж¹⁶. В России не хватает крупных высокотехнологичных компаний с коротким продуктовым циклом, которые ищут инновации и готовы выкупать стартапы, как это делают зарубежные предприятия. Так, например, «с февраля 2001 года по октябрь 2018-го Alphabet (который больше известен как Google) приобрел 220 стартапов, то есть в среднем 13 стартапов в год. Apple с 1988 года купила всего 102 стартапа, Microsoft с 1988 года купила 222 стартапа, из них 15 – в 2018 году и т.д.»¹⁷.

SWOT-анализ космической отрасли России

Обобщение материалов по состоянию отрасли РКТ в России можно выразить в факторах SWOT-анализа (таб. 2).

Таблица 2

SWOT-анализ российской космической отрасли

Table 2

SWOT-analysis of the Russian space industry

Сильные стороны	Слабые стороны
1. Сильные позиции в пилотируемой космонавтике. 2. Передовые позиции в создании ракетных двигателей. 3. Сильный инженерно-технический рынок труда. 4. Большой задел в части космических технологий. 5. Малая стоимость профессиональных инженерных кадров. 6. Наличие компетенций во всех сферах космической деятельности.	1. Структура отрасли не располагает к реформированию и развитию. 2. Космическая политика и законодательство препятствуют появлению и развитию частного сектора космической отрасли. 3. Слияние военных и гражданских видов космической деятельности. 4. Сильное отставание в производстве микроэлектроники и зависимость от внешних поставщиков. 5. Недостаток в профессиональных управленческих кадрах. 6. Недостаточное и зачастую «рваное» бюджетное финансирование. 7. Сильное влияние макрополитической составляющей на отрасль.
Возможности	Угрозы
1. Растущий рынок космических услуг. 2. Новые подходы и удешевление создания космической техники. 3. Большие международные проекты (МКС, Марс, Лунные станции и орбитальный модуль, миссии к астероидам и т.д.). 4. Заинтересованность крупных отечественных и зарубежных компаний в использовании космической продукции (операторы связи, нефтедобывающие и перерабатывающие компании, компании сельскохозяйственной отрасли и т.д.).	1. Появление и быстрое развитие сильных конкурентов в пилотируемой космонавтике. 2. Появление конкурентов в части создания ракетных двигателей в стране основного покупателя – США. 3. Устаревание научно-технического задела и технологий прошлых лет. 4. Нарастающий дефицит квалифицированных инженеров космической отрасли. 5. Экономические санкции. 6. Глубокое и все более усиливающееся отставание от иностранных частных космических компаний.

¹⁶ Выходов нет. Что ждет российские стартапы в 2020 году. Электронное издание Inc. Russia – Журнал для предпринимателей. (<https://incussia.ru/understand/dead-or-alive/>).

¹⁷ Почему в России никто не покупает стартапы. Электронное издание Сноб. 29 ноября 2018. (<https://snob.ru/entry/168482/>).

На основании выявленных факторов можно сформировать таблицу стратегий (таб. 3).

Таблица 3

Возможные стратегии в соответствии со SWOT-анализом

Table 3

Possible strategies according to results of the SWOT-analysis

	Возможности (O)	Угрозы (T)
Сильные стороны (S)	<p>SO</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Международное сотрудничество в секторах пилотируемой космонавтики и крупных научных проектов. 2. Создание инструмента поддержки для малых и средних международных космических проектов; <p>систематический заказ инновационных проектов без необходимости выполнения всех стандартов РКТ (в том числе требований военных стандартов) для поиска и формирования новых подходов к созданию космической техники.</p> <ol style="list-style-type: none"> 3. Вовлечение крупных операторов связи в процесс формирования ФКП в части целеполагания с возможным дальнейшим участием в НИОКР в том или ином виде (соисполнитель/внешний эксперт/целевой заказчик). 	<p>ST</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Упрощение доступа к научно-техническому заделу и работы по его коммерциализации. 2. Ведение взвешенной и сдержанной политики по отношению к закупаяющим космическую продукцию странам. 3. Международное сотрудничество в широком смысле в целях укрепления бренда отечественного космического сектора. 4. Формирование инструментов по укреплению связей между высшими учебными заведениями и компаниями космической отрасли.
Слабые стороны (W)	<p>WO</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Снижение требований к космической продукции, создаваемой не за государственные деньги и не для государственных нужд, возможно их снижение до уровня подтверждения только требований безопасности. 2. Формирование государственной программы по развитию коммерческого сектора рынка космических услуг. 3. Формирование стабильного государственного заказа на малые космические проекты. 	<p>WT</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Упрощение порядка лицензирования. 2. Снижение законодательных барьеров на ведение коммерческой космической деятельности. 3. Разделение гражданской и военной видов космической деятельности. 4. Формирование благоприятной среды для развития коммерческого космического сектора. 5. Формирование благоприятного инвестиционного климата на государственном уровне.

Рекомендации

Российская отрасль РКТ имеет большой задел в секторах пилотируемой космонавтики, ракетных двигателей и инженерной школы, однако она продолжает терять позиции в вопросах технологий и экономической отдачи [Ходыкин 2020]. Данная динамика возникла из-за системных проблем, связанных с устаревшим законодательством, сильной зарегулированностью отрасли, проблемами с финансированием и возвратом инвестиций и, как следствие, с отсутствием негосударственного рынка. Перед ГК «Роскосмос» не стоит задача развивать коммерческий космический сектор и создавать среду для появления и раз-

вития частных коммерческих компаний, поскольку в существующих реалиях они станут прямыми конкурентами друг для друга. В понимании ГК «Роскосмос», государственно-частное партнерство возможно только в том формате, при котором «частники» выступают в качестве инвесторов и заказчиков работ у предприятий «Роскосмоса».

Отрасль РКТ – не просто промышленный сектор, но инструмент глобального лидерства в экономической, военно-политической и научно-технологических сферах. Космическая деятельность выступает драйвером технологического и экономического роста [Камолов 2018]. Мультипликатор экономики для космической промышленности составляет, по разным оценкам, от 1:6 до 1:15, поэтому нет никаких сомнений, что отрасль необходимо развивать – и шаги по изменению текущей ситуации необходимо делать именно сейчас [Макарова, Хрусталева 2015; Черных 2016]. В соответствии с приведенным SWOT анализом можно утверждать, что для устранения основных барьеров первоочередными должны быть следующие действия:

- разделение военных и гражданских видов космической деятельности;
- ослабление требований по лицензированию или его полная отмена для компаний, не участвующих в выполнении гособоронзаказа;
- создание внутреннего конкурентного космического рынка;
- отмена военных стандартов к разработке и созданию космической техники для гражданских, коммерческих и научных целей;
- упрощение порядка экспорта космической продукции и услуг.

Необходимо учитывать, что разделение военных и гражданских видов космической деятельности – это сложный и длительный процесс ввиду ряда причин:

- космическая отрасль представляет собой очень громоздкую, разветвленную и инертную систему;
- в настоящее время в ФКП заложена реализация только крупных и дорогостоящих научных проектов, и «Роскосмос» не может отказаться от аккумулированной в них финансовой составляющей, потому что это поставит под экономический удар ряд принадлежащих ему предприятий;
- в настоящее время в России объективно нет научных или частных космических компаний, способных самостоятельно выполнить масштабные проекты, которые заложены в действующую ФКП.

В сложившейся ситуации одним из путей развития, который позволит перейти к пошаговому и эволюционному преобразованию отрасли, может стать формирование государственного заказа на малые и средние научные космические проекты с суммарным объемом финансирования 1,5-2 млрд руб. в год (1% от ФКП), что позволит выполнять от 4 до 10 проектов в год (в действующем ФКП предусмотрено 12 проектов за 10 лет). Выполнять данный заказ должна альтернативная «Роскосмосу» структура [Терентьев 2020] – например, Министерство образования и науки РФ или Совет по космосу РАН. Так, реализация через Минобрнауки позволит с максимальной эффективностью использовать имеющийся задел и приступить к реализации программы «бесшовно», без необходимости изменений в законодательной базе [Палеев, Симонов 2014], структуре министерств и ведомств, из-за следующих преимуществ:

- у министерства уже есть ряд научных и образовательных институтов с космической лицензией, что позволит приступить к реализации плана, не дожидаясь внесения изменений в положение о лицензировании космической деятельности;
- ряд научных и образовательных институтов имеют опыт и компетенции в области создания космической техники, а также необходимые производственные и испытательные мощности;

- заказчик напрямую заинтересован в положительном результате и контролирует процесс с позиций дальнейшего целевого эксплуатанта техники с постоянной оценкой возможности получения с ее помощью научного результата;

- возможность выполнять проекты в форме научно-исследовательских работ (НИР) без необходимости исполнения всех требований положения РК-11 и применения военных систем стандартов («Мороз», «Климат»), без требований по использованию исключительно отечественной элементной базы (только с получением заключения о безопасности), без привлечения военного представительства и казначейского сопровождения. Все это позволит в короткие сроки сформировать новые подходы к созданию космической техники, а в перспективе – значительно повысить эффективность в вопросах стоимости и сроков реализации проектов.

ФКП сформируется на 10 лет, поэтому предложенный подход с гарантированным наличием нескольких малых и средних научных проектов каждый год создаст небольшой, но постоянный – а самое главное прогнозируемый – спрос на открытом рынке космических услуг со стороны научных и образовательных предприятий. В свою очередь, бизнесмены и инвесторы смогут осуществлять планирование при проработке создания и развития новых предприятий в космическом виде деятельности, в том числе в части планирования «выхода» из бизнеса.

Заключение

Мировая космическая отрасль существенно меняется из-за прихода частного капитала и новых игроков. Данная трансформация отразилась на сферах, в которых Россия была традиционно сильна (пилотируемая космонавтика, доставка грузов к МКС и пусковые услуги), и привела к частичной утрате позиций на мировом рынке.

В отечественной отрасли РКТ существует ряд проблем, связанных как с недостаточностью финансирования, так и с исторически сложившейся организационно-правовой структурой и законодательной базой. Данные проблемы не помогают развитию государственной структуры и препятствуют появлению альтернативы в виде коммерческих компаний. Для улучшения среды необходимо сделать ряд шагов по изменению законодательства, в частности, надо разделить военные и гражданские виды космической деятельности, упростить лицензирование и процедуры получения экспортных разрешений, а также отменить применение военных стандартов к гражданской продукции.

Предложенный в рамках статьи подход с формированием небольшого, но постоянного рынка космических услуг с помощью научных проектов позволит на горизонте 7–10 лет сформировать ряд «крепких» малых и средних предприятий, которые к моменту внесения необходимых изменений в законодательство смогут успешно конкурировать как на отечественном, так и на мировом рынке.

Послесловие

События февраля и марта 2022 г. значительно повлияли на всю экономику без исключения, однако для космической отрасли трансформация политической и экономической ситуации не повлияла на факторы, которые могли бы изменить результаты SWOT-анализа (таб. 2 и 3). Происходящее лишь многократно усилило влияние всех факторов в группах «слабые стороны» и «угрозы», одновременно ослабив факторы в группах «сильные стороны» и «возможности».

Рекомендации по развитию отрасли, приведенные в настоящей статье, сразу учитывают сложность и значительные временные затраты, которые присутствуют при работе с внеш-

ними процессами – к ним относятся все виды международного сотрудничества и шаги по формированию благоприятного инвестиционного климата. Рекомендации изначально касались первоочередных действий по решению внутренних проблем, которые могут быть проведены в относительно короткие сроки собственными силами без какого-либо влияния со стороны международной конъюнктуры. Очевидно, что в сложившейся ситуации реализация предлагаемых мероприятий не позволит усилить позиции отечественной космической отрасли на международном рынке, но может дать шанс несколько перераспределить воздействие удара и сгладить его последствия за счет притока в сектор «новой крови» в виде коммерческих компаний, который станет возможен после ликвидации внутренних барьеров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Калинина Ю.В. (2014) Российская космическая отрасль: проблемы и перспективы развития // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 2. С. 57–63.
- Камолов С.Г. (2018) Новейшие тенденции развития мирового рынка космических услуг и возможности для России // Экономика и управление в машиностроении. № 2. С. 29–32.
- Камолов С.Г., Шолохов А.Н. (2019) Стратегия коммерциализация космической деятельности США // Экономика: вчера, сегодня, завтра. Т. 9. № 1А. С. 564–572.
- Криштофор А.П. (2019а) Макроэкономические аспекты анализа мирового рынка космической продукции и услуг // Вестник университета. № 6. С. 77–81.
- Криштофор А.П. (2019) Изменение конкурентных позиций России на мировом рынке космической продукции // Вестник университета. № 5. С. 86–92.
- Макарова Д.Ю. (2015) Развитие частного бизнеса в ракетно-космической отрасли: тенденции и перспективы // Экономический анализ: теория и практика. № 25. С. 57–71.
- Макарова Д.Ю., Хрусталев Е.Ю. (2015) Концептуальный анализ мирового и российского ракетно-космических производств и рынков // Экономический анализ: теория и практика. № 28 (427). С. 11–27.
- Макарова Д.Ю. (2017) Частная предпринимательская инициатива в российской космической индустрии: институциональные условия развития // Вопросы инновационной экономики. № 1. С. 41–57.
- Могилат М.С., Суслов Д.Н. (2013) Государственные и частные космические организации. Проблемы взаимоотношений // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. Т. 2. № 9. С. 91–92.
- Надточий Ю.Б., Горелова Л.И. (2019) Проблемы ресурсного обеспечения предприятий ракетно-космической отрасли // Вопросы инновационной экономики. № 2. С. 541–558.
- Пайсон Д.Б. (2014) Конкуренция в ракетно-космической промышленности: время ответственных решений // Экономический анализ: теория и практика. № 3 (354). С. 2–11.
- Палеев Д.Л., Симонов М.П. (2014) Экономические механизмы вовлечения частного бизнеса в космическую деятельность // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. № 3. С. 166–170.
- Петрукович А.А., Никифоров О.В. (2016) Малые спутники для космических исследований // Ракетно-космическое приборостроение и информационные системы. Т. 3. Выпуск 4. С. 22–31.
- Соболев Л.Б. (2017) Военный и гражданский космос // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. Т. 13. № 7. С. 1200–1213.
- Терентьев В.Н. (2020) Конкуренция частного сектора на отечественном рынке космических услуг как фактор научно-технического развития // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. Т. 11. № 4. С. 40–53.
- Ходыкин А.В. (2020) Конкурентоспособность российской космической отрасли на мировом рынке космических услуг // Вестник университета. № 10. С. 74–80.
- Черных В.В. (2016) Место России в глобальной космической экономике // Экономические отношения. Т. 6. № 4. С. 79–92.

Шелудько В.Г. (2017) Опыт и перспективы развития компаний государственной корпорации «Роскосмос» // Менеджмент социальных и экономических систем. № 4. С. 11–17.

Шелудько В.Г. (2019) О создании холдинга производства спутников // Менеджмент социальных и экономических систем. № 1. С. 27–33.

Gregg J. (2021) *The Cosmos Economy: The Industrialization of Space*. Whittier: Springer Nature. 340 p.

Jacobson R. C. (2020) *Space Is Open For Business: The Industry That Can Transform Humanity*. Los Angeles: The Free Press. 418 p.

Peeters W. (2022) Evolution of the Space Economy: Government Space to Commercial Space and New Space // *Astropolitics The International Journal of Space Politics and Policy*. DOI: 10.1080/14777622.2021.1984001.

REFERENCES

Chernyh V.V. (2016) Mesto Rossii v global'noj kosmicheskoy ekonomike [Russia's Place in the Global Space economy]. *Ekonomicheskie otnosheniya*. vol. 6, no. 4. pp. 79–92.

Hodykin A.V. (2020) Konkurentosposobnost' rossijskoj kosmicheskoy otrasli na mirovom rynke kosmicheskikh uslug [Competitiveness of the Russian Space Industry in the Global Space Services Market]. *Vestnik universiteta*. no. 10, pp. 74–80.

Gregg J. (2021) *The Cosmos Economy: The Industrialization of Space*. Whittier: Springer Nature. 340 p.

Jacobson R.C. (2020) *Space Is Open For Business: The Industry That Can Transform Humanity*. Los Angeles: The Free Press. 418 p.

Kalinina Y.V. (2014) Rossijskaya kosmicheskaya otrasl': problemy i perspektivy razvitiya [Russian Space Industry: Problems and Prospects of Development]. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*. no. 2, pp. 57–63.

Kamolov S.G. (2018) Noveyshiye tendentsii razvitiya mirovogo rynka kosmicheskikh uslug i vozmozhnosti dlya Rossii [The Latest Trends in the Development of the Global Space Services Market and Opportunities for Russia]. *Ekonomika i upravlenie v mashinostroenii*. no. 2, pp. 29–32.

Kamolov S.G., Sholokhov A.N (2019) Strategiya kommercializatsiya kosmicheskoy deyatel'nosti USA [USA Space Activity Commercialization Strategy]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*. vol. 9, no. 1A, pp. 564–572.

Krishtofor A.P. (2019a) Makroekonomicheskiye aspekty analiza mirovogo rynka kosmicheskoy produktsii i uslug [Macroeconomic Aspects of the Analysis of the Global Market for Space Products and Services]. *Vestnik universiteta*. no. 6, pp. 77–81.

Krishtofor A.P. (2019) Izmenenie konkurentnykh pozitsii Rossii na mirovom rynke kosmicheskoy produktsii [Changing Russia's Competitive Positions in the Global Space Products Market]. *Vestnik universiteta*. no. 5, pp. 86–92.

Makarova D.Y. (2015) Razvitie chastnogo biznesa v raketno-kosmicheskoy otrasli: tendentsii i perspektivy [Private Business Development in the Rocket and Space Industry: Trends and Prospects]. *Ekonomicheskiy analiz: teoriya i praktika*. no. 25, pp. 57–71.

Makarova D.Y., Hrustalev E.Y. (2015) Konceptual'nyj analiz mirovogo i rossijskogo raketno-kosmicheskikh proizvodstv i rynkov [The Conceptual Analysis of the Global and Russian Space Rocket Production and Markets]. *Ehkonomicheskiy analiz: teoriya i praktika*. no. 28 (427), pp. 11–27.

Makarova D.Y. (2017) Chastnaya predprinimatelskaya initsiativa v rossiyskoy kosmicheskoy industrii: institutsionalnye usloviya razvitiya [Entrepreneurial Initiative in the Russian Space Industry: Institutional Development Conditions]. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki*. no. 1, pp. 41–57.

Mogilat M.S., Suslov D.N. (2013) Gosudarstvennye i chastnye kosmicheskie organizatsii. Problemy vzaimootnosheniy [Public and Private Space Organizations. Relationship Problems]. *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavtiki*. vol. 2, no. 9, pp. 91–92.

Nadtochiy Y.B., Gorelova L.I. (2019). Problemy resursnogo obespecheniya predpriyatij raketno-kosmicheskoy otrasli [Problems of Resource Provision of Rocket and Space Industry]. *Voprosy innovacionnoj ekonomiki*. no. 2, pp. 541–558.

Pajson D.B. (2014) Konkurenciya v raketno-kosmicheskoy promyshlennosti: vremya otvetstvennyh resheniy [Competition in the Rocket and Space Industry: A Time of Responsible Decisions]. *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika*. no. 3 (354), pp. 2–11.

Paleev D.L., Simonov M.P. (2014) Ekonomicheskie mekhanizmy вовлечения частного бизнеса в космическую деятельность [Economic Mechanisms for Involving Private Business in Space Activities]. *Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskij zhurnal*. no. 3, pp. 166–170.

Peeters W. (2022) Evolution of the Space Economy: Government Space to Commercial Space and New Space. *Astropolitics The International Journal of Space Politics and Policy*. DOI: 10.1080/14777622.2021.1984001.

Petrukovich A.A., Nikiforov O.V. (2016) Malye sputniki dlya kosmicheskikh issledovanij [Small Satellites for Space Research]. *Raketno-kosmicheskoe priborostroenie i informacionnye sistemy*. vol. 3, no. 4, pp. 22–31.

Sobolev L.B. (2017) Voennyj i grazhdanskij kosmos [Military and Civilian Space]. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'*. vol. 13, no. 7, pp. 1200–1213.

Sheludko V.G. (2017) Opyt i perspektivy razvitiya kompanij gosudarstvennoj korporacii «Roskosmos» [Experience and Development Prospect of Companies State Corporation “Roscosmos”]. *Menedzhment social'nyh i ekonomicheskikh sistem*. no. 4, pp. 11–17.

Sheludko V.G. (2019) O sozdanii holdinga proizvodstva sputnikov [About the Creation of a Satellite Production Holding]. *Menedzhment social'nyh i ekonomicheskikh sistem*. no. 1, pp. 27–33.

Terent'ev V.N. (2020) Konkurenciya chastnogo sektora na otechestvennom rynke kosmicheskikh uslug kak faktor nauchno-tehnicheskogo razvitiya [Competition of the Private Sector in the Domestic Market for Space Services as a Factor in Scientific and Technological Development]. *Vestnik Samarского университета. Ekonomika i upravlenie*. vol. 11, no. 4, pp. 40–53.

Информация об авторе

Иосипенко Сергей Владимирович, кандидат технических наук, старший научный сотрудник Отдела экспериментальной астрономии Института астрономии Российской академии наук (ИНАСАН). Адрес: Пятницкая ул., д. 18, Москва, 119017. E-mail: iosipenkov@gmail.com

About the author

Sergey V. Iosipenko, Candidate of Sciences (Engineering), Senior Researcher, Department of Experimental Astronomy, Institute of Astronomy of the Russian Academy of Sciences (INASAN RAS). Address: 119017, Moscow, Pyatnitskaya Street, 48. E-mail: iosipenkov@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 22.12.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 20.03.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 30.03.2022

DOI: 10.31857/S0869049922020095
EDN: EWBFWM

Трибуна молодого ученого TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

Оригинальная статья / Original Article

Доверие к власти и политическая активность российской молодежи: роль этнической самоидентификации¹

© В.А. ФЕДОТОВА

Федотова Вера Александровна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Пермь (Пермь, Россия), vera_goldyрева@mail.ru. ORCID: 0000-0003-2189-9791

Проблема этнического самоопределения актуальна для представителей молодого возраста. Вопрос доверия к власти в молодежной среде остается одной из наиболее актуальных и востребованных тем в связи с особой ролью молодежи в социальной структуре общества и с многочисленными изменениями в молодежной среде. Доверие – ключевой элемент социального капитала и источник формирования идентичности. Цель исследования – выявить уровень политического доверия, готовности к политическому поведению, этнической самоидентификации представителей российской молодежи, а также оценить влияние этнической идентичности на вышеуказанные политические конструкты. В качестве респондентов выступили представители молодого поколения россиян из разных регионов Российской Федерации – городов и сельской местности – в возрасте от 18 до 34 лет ($n = 291$). В эмпирическом исследовании использованы следующие методики: шкала политического доверия, шкала «готовности участвовать в политической активности», методика Дж. Финни. Установлено, что молодые респонденты испытывают наибольшее доверие к судебной системе, наименьшее – к правительству и президенту. Готовность к политическому поведению можно оценить выше среднего уровня. У большинства респондентов (64%) отмечена слабовыраженная этническая самоидентификация, у 36% молодых респондентов этническая самоидентификация более выражена. Дисперсионный анализ помог установить, что этническая самоидентификация больше выражена

¹ Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта 21-011-32249 «Политическое доверие и готовность к политическому поведению у молодежи: роль ценностей и идентичности».

Funding. The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and EISR within the framework of the scientific project 21-011-32249 «Political Trust and Readiness for Political Behavior Among Young People: The Role of Values and Identity».

у представителей сельской местности, чем у представителей городского населения. Результаты регрессионного анализа продемонстрировали, что этническая идентичность влияет на общий уровень доверия к власти, но не воздействует на политическую активность молодежи.

Ключевые слова: доверие к власти, политическое участие, этническая идентичность, этническая самоидентификация, молодежь

Цитирование: Федотова В.А. (2022) Доверие к власти и политическая активность российской молодежи: роль этнической самоидентификации // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 126–136. DOI: 10.31857/S0869049922020095, EDN: EWBFWM

Political Trust and Political Activity of Russian Youth: The Role of Ethnic Self-Identification

© V. FEDOTOVA

Vera A. Fedotova, HSE University – Perm Campus (Perm, Russia), vera_goldyreva@mail.ru. ORCID: 0000-0003-2189-9791

Abstract. The problem of ethnic self-determination is important and relevant for young people. The issue of trust in authorities among the youth continues to be one of the most actual themes because of the role of trust as a key element of social capital and a source of identity formation. The purpose of the presented study is to identify the level of political trust, readiness for political behavior, ethnic self-identification of representatives of Russian youth, and to assess the impact of ethnic identity on the named political constructs. The respondents were representatives of the young generation of Russians from different regions of the country – cities and rural areas, aged 18 to 34 years (n = 291). The following methods were used in the empirical study: the scale of political trust, the scale of «willingness to participate in political activity», the method of J. Finney. Young respondents have the greatest trust in the judiciary system, the least in the government and the president. Readiness for political behavior among young people is above the average level. The majority of respondents (64%) have weak ethnic self-identification, 36% of young respondents have a more pronounced ethnic self-identification. The analysis of variance helped to establish that ethnic self-identification is more pronounced among representatives of rural areas than among representatives of the urban population. The results of the regression analysis showed that ethnic identity has an impact on the overall level of trust in government, but does not affect political activity.

Keywords: political trust, political activity, ethnic identity, ethnic self-identification, youth

Citation: Fedotova V. (2022) Political Trust and Political Activity among Russian Youth: The Role of Ethnic Self-Identification. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, no. 2, pp. 126–136. DOI: 10.31857/S0869049922020095, EDN: EWBFWM.

Этническое самоопределение считается важнейшим этапом становления человека как личности. Этническая идентичность связана с социумом, в котором он находится [Крысько 2002; Оганджанян 1989]. Этническая самоидентификация может строиться на основе различных параметров: ценности, нормы, язык, религия, историческая память, мифы, национальный характер и народное искусство. В результате самоопределения человека в этнокультурном пространстве формируется его этническая идентичность. Осмысливая личный опыт и опыт других людей, человек актуализирует для себя ту или иную этническую идентичность. Эксперты утверждают, что этническое самоопределение – это принятие самого себя как представителя определенного народа [Стефаненко 2006]. На сегодня

няшний день актуально, чтобы люди понимали необходимость сохранения этнической и культурной идентичности. Человек, который обладает позитивной этнокультурной идентичностью, способен к этнической толерантности и к жизни в современном мире [Богданов 2007; Самохвалова 2008]. Российская идентичность – значимый ресурс поддержания целостности общества. Доминирующее большинство россиян чувствуют себя частью российского общества. Как отмечают ученые, реанимация российского сознания проходила в сложных условиях политических и научных дебатов, а в документах само понятие «общероссийская гражданская идентичность» было закреплено относительно недавно – в 2018 г. [Дробижьева 2020].

В России наблюдается высокий уровень этнокультурного разнообразия. Результаты исследований Центра этнической социологии ФНИСЦ РАН, посвященных широкому кругу вопросов идентичности и межнационального согласия, позволяют заключить, что российская идентичность опирается на множество социокультурных источников. В частности, важную роль играют этничность и культура доверия [Рыжова 2020]. Уровень российской и этнической идентичностей в России одинаково высок. Проведенные социологические исследования продемонстрировали, что современная российская идентичность формируется с активной опорой на этническую (этнокультурную) идентичность. В процессах формирования российской идентичности также активно задействованы эмоционально насыщенные основания этнической идентификации, такие как язык, общее историческое прошлое, элементы культуры, традиции и традиционные ценности, праздники и др. [Рыжова 2020].

Как утверждают ученые, проблема этнического самоопределения наиболее важна и актуальна именно для представителей молодого возраста. В науке ранее предпринимались попытки изучить специфику этнической идентичности молодого поколения россиян. Например, в одном исследовании приняло участие 90 человек молодого возраста [Фомина 2016]. В результате обследуемая выборка была условно разделена на две подгруппы. Первая – это этнические толерантные, которые готовы воспринимать инокультурное окружение таким как есть без поправки на национальные особенности. Вторая – этнически нетерпимые. Для данной группы людей национальность – один из важнейших признаков оценки человека. В своем исследовании А.В. Щекотуров выявил политическое доверие и ценности молодежи [Щекотуров 2021]. В ходе исследования были выделены три группы социальных и политических институтов, которые пользуются разной степенью доверия у калининградской молодежи. Наибольшее доверие молодые люди выразили институтам третьего сектора и коммерческим учреждениям, наименьшее – церкви и СМИ (телевидение, радио и пресса). Установлено, что отношение к данным группам отличается в зависимости от доверия к власти. Лояльная молодежь в большей мере доверяет традиционным и государственным институтам, оппозиционная – новым медиа и третьему сектору [Щекотуров 2021].

Также в данной работе исследуется такой важный конструкт, как политическое доверие и готовность к политической активности. В конце XX в. многие ведущие отечественные и зарубежные психологи, социологи и политологи отметили снижение общественного доверия к правительству и большинству политических учреждений в современных развитых странах. Утрата гражданами доверия к власти произошла и в России. Новая волна интереса к взглядам и политическим предпочтениям российской молодежи началась после всероссийских протестов 2017 г. и продолжается по сей день, оставаясь при этом актуальной и малоисследованной темой. Ее злободневность связана с особой ролью молодежи в социальной структуре общества, а также с социокультурными изменениями, которые происходят в молодежной среде. Доверие – ключевой элемент социального капитала и активный источник гражданского развития и формирования гражданской идентичности

[Фукуяма 2006]. Социологические исследования дают основание считать, что на формирование общенационального гражданского единства существенно влияют обобщенное доверие (к людям в целом) и «внеродственное доверие» (к соседям, коллегам, друзьям), а также навыки межэтнической толерантности.

Политическое поведение может принимать различные формы: от участия в выборах до уличной активности. Исследователи классифицируют подобную активность по трем основным критериям: индивидуальное или коллективное, институализированное или неинституализированное, нормативное или ненормативное поведение. В последние годы уделяется особое внимание факторам, которые влияют на различные формы политического поведения. Психологические исследования политической активности можно разделить на две основные группы. В одних исследованиях изучаются факторы, которые влияют на политическое голосование – индивидуальную, институализированную и нормативную форму политического поведения. Среди таких факторов – социодемографические (пол, возраст, образование и доход) и психологические (социальное доверие, индивидуальная политическая самоэффективность) характеристики [Harder, Krosnick 2008]. В других исследованиях рассматриваются факторы, влияющие на участие в массовой протестной активности – коллективной, неинституализированной, нормативной или ненормативной форме политического поведения. Они включают в себя такие психологические особенности, как коллективная политическая эффективность, групповые эмоции и групповая идентификация [Becker, Tausch 2015; Thomas, Mavor, McGarty 2011; Van Zomeren et al. 2012]. Таким образом, разные формы политического поведения рассматриваются как результат воздействия разных факторов.

Новизна представленного исследования заключается в том, что оно изучает феномен политического доверия и готовность к политическому поведению в аспекте этнической идентичности российской молодежи. Цель представленного исследования – выявить уровень политического доверия, готовности к политическому поведению и этнической самоидентификации среди представителей российской молодежи, а также установить уровень влияния этнической идентичности на вышеуказанные политические конструкты.

Методика

В эмпирическом исследовании использованы следующие методики:

1. Шкала политического доверия [Гулевич и др. 2020]. Измеряется доверие к шести политическим институтам: армии, судебной системе, политическим партиям, правительству, парламенту и президенту. Респонденту необходимо отметить, насколько они доверяют каждому институту по пятибалльной шкале: от «совсем не доверяю» (1) до «полностью доверяю» (5).

2. Шкала «готовности участвовать в политической активности» [Pattyn et al. 2012; Van Assche et al. 2018, 2019]. Респондентам необходимо отметить, насколько они готовы участвовать в различных формах политической активности по пятибалльной шкале: от «совсем не готов» (1) до «полностью готов» (5). Данную методику сформулировали нидерландские исследователи в [Pattyn et al. 2012; Van Assche et al. 2018, 2019]. Первый ее вариант включает восемь утверждений, которые описывают политиков вообще, вне связи с каким-либо периодом политической жизни (например, с предвыборной кампанией). Все утверждения отражают негативную оценку политиков и касаются того, что политики действуют в собственных интересах и лгут людям. Ранее методика была адаптирована для российской выборки. Таким образом, оценка эффективности политического поведения будет измеряться с помощью опросника, который включает в себя шесть форм политических действий: голо-

сование на выборах; подписание коллективных обращений, писем или петиций; личное обращение к региональному политику (письмо, выступление в СМИ, личная встреча); личное обращение к президенту (письмо, выступление в СМИ); участие в работе политических партий; участие в уличных акциях (демонстрации, пикеты, марши, митинги).

3. Методика Дж. Финни, которая измеряет выраженность этнической идентичности. Опросник содержит 12 утверждений. Средний балл по всем вопросам демонстрирует выраженность этнической идентичности. Показатели субшкал вычисляются посредством определения среднего арифметического от полученной суммы баллов по шкалам выраженности когнитивного компонента этнической идентичности и выраженности аффективного компонента этнической идентичности.

Респонденты

В рамках исследования был проведен опрос молодого поколения россиян в возрасте от 18 до 34 лет из разных регионов Российской Федерации. В выборку вошли 142 мужчины и 149 женщин ($n = 291$) из Перми, Екатеринбурга, Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода и сельской местности (Пермский край и Московская область). В исследовании приняли участие 238 респондентов из городов РФ и 53 представителя сельской местности (Кишерть, Кунгур, Ильинское, Отраденское).

Результаты исследования

На первом этапе исследования анализировалось политическое доверие и готовность к политическому поведению у современной российской молодежи (таб. 1).

Таблица 1

Политическое доверие, готовность к политическому поведению и этническая идентичность у молодежи

Table 1

Political trust, readiness for political behavior and ethnic identity among young people

Шкалы	Min	Max	M	SD
Уровень доверия к власти (Альфа Кронбаха – 0,877)				
Доверие к армии	1,00	4,20	2,06	0,83
Доверие к судебной системе	1,00	5,00	2,21	1,16
Доверие к политической системе	1,00	5,00	2,38	1,04
Доверие к политической системе	1,00	4,00	1,93	0,90
Доверие к правительству	1,00	4,00	1,93	0,95
Доверие к президенту	1,00	4,00	1,84	1,02
Готовность к политическому поведению (Альфа Кронбаха – 0,836)				
Голосование на выборах	1,00	5,00	2,90	0,99
Подписание коллективных обращений	1,00	5,00	3,8	1,37
Личное обращение к политику	1,00	5,00	3,65	1,33
Личное обращение к президенту	1,00	5,00	2,66	1,33
Участие в работе политических партий	1,00	5,00	2,33	1,34
Участие в уличных акциях	1,00	5,00	2,33	1,28
Участие в уличных акциях	1,00	5,00	2,61	1,37
Этническая идентичность	1,00	3,50	2,22	0,66

У представителей российской молодежи наблюдается достаточно низкий уровень доверия к власти. Молодежь меньше всего доверяет правительству и президенту, а больше всего – судебной власти. Полученные данные согласуются с другими современными исследованиями [Чернов, Абрамов 2019; Ковалевская 2021]. Как утверждают авторы одного из них, на протяжении последних двадцати лет в большинстве случаев уровень доверия граждан к власти оставался достаточно низким – за исключением периода 2014–2016 гг. [Ковалевская 2021].

Полученные данные позволяют говорить о том, что готовность к политическому поведению можно оценить выше среднего уровня. Представители российской молодежи готовы подписывать коллективные обращения, однако они в меньшей степени склонны участвовать в работе политических партий и лично обращаться к президенту. Респонденты достаточно пассивны в вопросах такого характера. Единственное исключение – участие в выборах, которые по сути остались чуть ли не единственной решающей электоральной процедурой для власти. Осознание этнической принадлежности строится на основе различных характеристик. Один этнос от другого могут отличать такие параметры, как ценности, нормы, язык, религия, историческая память, национальный характер, народное профессиональное искусство и т.д. В ходе исследования установлено, что этническая самоидентификация современной молодежи достаточно низка. У большинства респондентов (64%) отмечена слабовыраженная этническая самоидентификация, у 36% молодых респондентов этническая самоидентификация проявляется сильнее. Дополнительно проведенный дисперсионный анализ позволил сделать вывод, что этническая самоидентификация более выражена у представителей сельской местности ($n = 53$), чем у представителей городского населения ($n = 238$). У молодых представителей Перми, Екатеринбурга, Москвы, Санкт-Петербурга и Нижнего Новгорода этническая самоидентификация менее выражена по сравнению с респондентами из Кишертки, Кунгура, Ильинского, Отраденского ($F = 5,31$; $p = 0,046$).

На следующем этапе исследования была выявлена взаимосвязь между доверием к власти, готовностью к политическому поведению и этнической идентичностью (таб. 2).

Таблица 2

Взаимосвязь между доверием к власти, готовностью к политическому поведению и этнической идентичностью: результаты корреляционного анализа

Table 2

The relationship between trust to authorities, readiness for political behavior and ethnic identity: the results of a correlation analysis

Шкалы	Общий уровень доверия к власти	Готовность к политическому поведению
Этническая идентичность	0,374**	0,079

Общий уровень доверия к власти связан с этнической идентичностью. Другими словами, этническая самоидентификация приводит к росту либо спаду общего уровня доверия. Слабо выраженная этническая самоидентификация связана с низким уровнем доверия к армии, судебной системе, правительству, политической системе и президенту. Анализ данных ранее помог установить, что у большинства респондентов (64%) отмечена слабовыраженная этническая самоидентификация ($n = 186$), у 36% респондентов она более выражена ($n = 105$). Результаты дисперсионного анализа показали, что респонденты с более

выраженной этнической самоидентификацией больше доверяют власти ($M = 3,17$, $SD = 0,81$), чем респонденты с менее выраженной этнической самоидентификацией ($M = 1,64$, $SD = 0,72$) ($F = 5,63$; $p = 0,014$).

На последнем этапе реализации исследования был проведен регрессионный анализ с целью установить влияние этнической идентичности на готовность к политическому поведению и на уровень доверия к власти (таб. 3).

Таблица 3

**Влияние этнической идентичности на готовность к политическому поведению
и на доверие к власти: результаты регрессионного анализа**

Table 3

**The influence of ethnic identity on readiness for political behavior and trust in authorities:
results of regression analysis**

Зависимые переменные	Независимые переменные	
	Общий уровень доверия к власти	Готовность к политическому поведению
Этническая идентичность	0,298	0,053
R ²	0,140	0,006
F	14,312***	0,547

* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$

В результате анализа было установлено, что этническая идентичность влияет на общий уровень доверия к власти, но не влияет на готовность к политической активности. Российская молодежь с выраженной этнической самоидентификацией (группа респондентов, которая испытывает гордость за свою этническую группу, соблюдает традиции и ощущает привязанность к ней), доверяет власти (армия, правительство, политическая система, правительство и президент). Молодые респонденты со слабо выраженной этнической самоидентификацией в меньшей степени доверяют различным политическим институтам.

Выводы

Тенденции глобализации очевидно влияют на формирование этнической идентичности и этнического самосознания, что в свою очередь приводит к изменениям в паттернах поведения и установках. Этническая идентичность – это динамичное образование, которое может подвергаться трансформации. Молодежь – наиболее активная, мобильная и динамичная социальная группа, в то же время она наиболее уязвима перед теми или иными тенденциями социальной жизни. Молодые респонденты испытывают наибольшее доверие к судебной системе, наименьшее – к правительству и президенту. Готовность к политическому поведению можно оценить выше среднего уровня, что свидетельствует о том, что представители российской молодежи готовы к подписанию коллективных обращений, однако они в меньшей степени склонны участвовать в работе политических партий и лично обращаться к президенту. У большинства респондентов (64%) отмечена слабовыраженная этническая самоидентификация, у 36% молодых респондентов она выражена

сильнее. Дисперсионный анализ показал, что этническая самоидентификация более выражена у представителей сельской местности, чем у городского населения. Результаты регрессионного анализа продемонстрировали, что этническая идентичность влияет на общий уровень доверия к власти. Уровень политического доверия зависит от этнической самоидентификации, что может быть обусловлено культурой, традициями, ценностями, обычаями и т.д. Представители молодого поколения россиян с более выраженной этнической самоидентификацией больше доверяют власти, чем респонденты с менее выраженной этнической самоидентификацией.

Заключение

Ученые неоднократно отмечали снижение общественного доверия к правительству и большинству политических учреждений в современных развитых странах. Утрата доверия к власти наблюдается и в России. Его низкий уровень может привести к опасным и деструктивным конфликтам. В ходе исследования была определена этническая идентичность современной российской молодежи, установлен уровень ее политического доверия к армии, судебной системе, правительству, президенту, и определена готовность молодежи к политическим действиям (голосование на выборах; подписание коллективных обращений, писем или петиций; личное обращение к региональному политику; личное обращение к президенту; участие в работе политических партий; участие в уличных акциях). На завершающем этапе было проанализировано влияние этнической идентичности на формирование политического доверия и готовности к политическим поведению у современной российской молодежи. Результаты данного исследования могут послужить основой для разработки рекомендаций в области формирования политического доверия у российской молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богданов Н.А. (2007) К вопросу этнической толерантности // Социальная политика и социология. № 3. С. 197–202.
- Гулевич О.А., Сариева И.Р. (2020) Социальные верования, политическое доверие и готовность к политическому поведению: сравнение России и Украины // Социальная психология и общество. № 2 (11). С. 74–92.
- Дробижева Л.М. (2020) Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. № 8. С. 37–50.
- Ковалевская Д.Д. (2021) Уровень доверия граждан к институтам государственной власти как фактор устойчивости политического режима в России // Бизнес. Общество. Власть. № 4 (42). С. 7–24.
- Крысько В.Г. (2002) Этнопсихология и межнациональные отношения. М.: Издательство «Экзамен». 448 с.
- Оганджян Р.С. (1989) Некоторые вопросы формирования этнических стереотипов в многоэтнической среде // Психологический журнал. № 1 (10). С. 49–54.
- Рыжова С.В. (2020) О социокультурных основаниях российской идентичности // Власть. № 6 (28). С. 188–194.
- Самохвалова В.И. (2008) Идентичность, норма и пределы толерантности // Философские науки. № 4. С. 26–45.
- Стефаненко Т.Г. (2006) Этнопсихология: практикум. М.: Аспект Пресс. 208 с.

Фомина Ю.И. (2016) Специфика этнической идентичности у современной российской молодежи // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. № 4. С. 103–110.

Фукуяма Ф. (2006) Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. Пер. с англ. д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина. М.: АСТ Москва; Хранитель. 730 с.

Чернов А.С., Абрамов А.П. (2019) Перспективные направления формирования взаимного доверия молодежи к власти // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: экономика, социология, менеджмент. № 3 (32). С. 168–173.

Щекотуров А.В. (2021) Политическое доверие и ценности лояльной и оппозиционной молодежи в эксклавном регионе России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. № 4 (23). С. 570–583.

Becker J.C., Tausch N.A. (2015) Dynamic Model of Engagement in Normative and Non-Normative Collective Action: Psychological Antecedents, Consequences, and Barriers // *European Review of Social Psychology*. № 26. Pp. 43–92. DOI:10.1080/104632 83.2015.1094265.

Harder J., Krosnick J.A. (2008) Why Do People Vote? A Psychological Analysis of the Causes of Voter Turnout // *Journal of Social Issues*. № 64. Pp. 525–549. DOI:10.1111/j.1540- 4560.2008.00576.x.

Pattyn S., Van Hiel A., Dhont K., Onraet E. (2012) Stripping the Political Cynic: A Psychological Exploration of the Concept of Political Cynicism // *European Journal of Personality*. № 26. Pp. 566–579.

Phinney J. (1992) The Multigroup Ethnic Identity Measure: A New Scale for Use with Diverse Groups // *Journal of Adolescent Research*. № 7. Pp. 156–176.

Phinney J., Ong A. (2007) Conceptualization and Measurement of Ethnic Identity: Current Status and Future Directions // *Journal of Counseling Psychology*. № 7. P. 271–281.

Thomas E.F., Mavor K.I., McGarty C. (2011) Social Identities Facilitate and Encapsulate Action-Relevant Constructs: A Test of the Social Identity Model of Collective Action // *Group Processes & Intergroup Relations*. № 15. Pp. 75–88. DOI: 10.1177/1368430211413619.

Van Assche J., Dhont K., Van Hiel A., Roets A. (2018) Ethnic Diversity and Support for Populist Parties. The “Right” Road through Political Cynicism and Lack of Trust // *Social Psychology*. № 49. Pp. 182–189.

Van Assche J., Van Hiel A., Dhont K., Roets A. (2019) Broadening the Individual Differences Lens on Party Support and Voting Behavior: Cynicism and Prejudice as Relevant Attitudes Referring to Modern-Day Political Alignments // *European Journal of Social Psychology*. № 49. Pp. 190–199.

Van Zomeren M., Leach C.W., Spears R. (2012) Protesters as “Passionate Economists”: A Dynamic Dual Pathway Model of Approach Coping with Collective Disadvantage // *Personality and Social Psychology Review*. № 16. Pp. 180–199. DOI:10.1177/1088868311430835 32.

REFERENCES

Becker J.C., Tausch N.A. (2015) Dynamic Model of Engagement in Normative and Non-Normative Collective Action: Psychological Antecedents, Consequences, and Barriers. *European Review of Social Psychology*. no. 26, pp. 43–92. DOI:10.1080/104632 83.2015.1094265.

Bogdanov N.A. (2007) K voprosu etnicheskoy tolerantnosti [On the Issue of Ethnic Tolerance]. *Social'naya politika i sociologiya*. no. 3, pp. 197–202.

Chernov A.S., Abramov A.P. (2019) Perspektivnye napravleniya formirovaniya vzaimnogo doveriya molodezhi k vlasti [Perspective Directions for the Formation of Mutual Trust of Young People in Power]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: ekonomika, sociologiya, menedzhment*. no. 3 (32), pp. 168–173.

Drobizheva L.M. (2020) Rossijskaya identichnost': poiski opredeleniya i dinamika rasprostraneniya [Russian Identity: The Search for a Definition and the Dynamics of Distribution]. *Sociologicheskie issledovaniya*. no. 8, pp. 37–50.

Fomina Y.I. (2016) Specificka etnicheskoy identichnosti u sovremennoj rossijskoj molodezhi [The Specificity of Ethnic Identity among Modern Russian youth]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki.* no. 4, pp. 103–110.

Fukuyama F. (2006) *Doverie: social'nye dobrodeteli i put' k процветанию* [Trust: Social Virtues and the Path to Prosperity]. Translation from English: Pavlova J., Kiryushchenko V., Kolopotina M. M.: AST Moskva; Hranitel'. 730 p.

Gulevich O.A., Sarieva I.R. (2020) Social'nye verovaniya, politicheskoe doverie i gotovnost' k politicheskomu povedeniyu: sravnenie Rossii i Ukrainy [Social Beliefs, Political Trust, and Readiness for Political Behavior: Comparing Russia and Ukraine]. *Social'naya psihologiya i obshchestvo.* no. 2 (11), pp. 74–92.

Harder J., Krosnick J.A. (2008) Why Do People Vote? A Psychological Analysis of the Causes of Voter Turnout. *Journal of Social Issues.* no. 64, pp. 525–549. DOI:10.1111/j.1540-4560.2008.00576.x.

Kovalevskaya D.D. (2021) Uroven' doveriya grazhdan k institutam gosudarstvennoj vlasti kak faktor ustojchivosti politicheskogo rezhima v Rossii [The Level of Citizens' Trust in the Institutions of State Power as a Factor in the Stability of the Political Regime in Russia]. *Biznes. Obshchestvo. Vlast'.* no. 4 (42), pp. 7–24.

Krys'ko V.G. (2002) *Etnopsihologiya i mezhnacional'nye otnosheniya* [Ethnopsychology and International Relations.]. Moscow: Izdatel'stvo «Ekzamen». 448 p.

Ogandzhanyan R.S. (1989) Nekotorye voprosy formirovaniya etnicheskikh stereotipov v mnogoetnicheskoy srede [Some Questions of the Formation of Ethnic Stereotypes in a Multi-Ethnic Environment]. *Psihologicheskij zhurnal.* no. 1 (10), pp. 49–54.

Pattyn S., Van Hiel A., Dhont K., Onraet E. (2012) Stripping the Political Cynic: A Psychological Exploration of the Concept of Political Cynicism. *European Journal of Personality.* no. 26, pp. 566–579.

Phinney J. (1992) The Multigroup Ethnic Identity Measure: A New Scale for Use with Diverse Groups. *Journal of Adolescent Research.* no. 7, pp. 156–176.

Phinney J., Ong A. (2007) Conceptualization and Measurement of Ethnic Identity: Current Status and Future Directions. *Journal of Counseling Psychology.* no. 7, pp. 271–281.

Ryzhova S.V. (2020) O sociokul'turnyh osnovaniyah rossijskoj identichnosti [On the Socio-Cultural Foundations of Russian Identity]. *Vlast'.* no. 6 (28), pp. 188–194.

Samohvalova V.I. (2008) Identichnost', norma i predely tolerantnosti [Identity, Norm and Limits of Tolerance]. *Filosofskie nauki.* no. 4, pp. 26–45.

Stefanenko T.G. (2006) *Etnopsihologiya: praktikum* [Ethnopsychology: The Workshop]. Moscow: Aspekt Press. 208 p.

Shekoturov A.V. (2021) Politicheskoe doverie i cennosti loyal'noj i oppozicionnoj molodezhi v eksklavnom regione Rossii [Political Trust and Values of Loyal and Oppositional Youth in the Exclave Region of Russia]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya.* no. 4 (23), pp. 570–583.

Thomas E.F., Mavor K.I., McGarty C. (2011) Social Identities Facilitate and Encapsulate Action-Relevant Constructs: A Test of the Social Identity Model of Collective Action. *Group Processes & Intergroup Relations.* no. 15, pp. 75–88. DOI: 10.1177/1368430211413619.

Van Assche J., Dhont K., Van Hiel A., Roets A. (2018) Ethnic Diversity and Support for Populist Parties. The “Right” Road through Political Cynicism and Lack of Trust. *Social Psychology.* no. 49, pp. 182–189.

Van Assche J., Van Hiel A., Dhont K., Roets A. (2019) Broadening the Individual Differences Lens on Party Support and Voting Behavior: Cynicism and Prejudice as Relevant Attitudes Referring to Modern-Day Political Alignments. *European Journal of Social Psychology.* no. 49, pp. 190–199.

Van Zomeren M., Leach C.W., Spears R. (2012) Protesters as “Passionate Economists”: A Dynamic Dual Pathway Model of Approach Coping with Collective Disadvantage. *Personality and Social Psychology Review.* no. 16, pp. 180–199. DOI:10.1177/1088868311430835 32.

Информация об авторе

Федотова Вера Александровна, старший преподаватель факультета экономики, менеджмента и бизнес-информатики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Пермь. Адрес: Пермь, ул. Студенческая, 38, 614070. E-mail: vera_goldyreva@mail.ru

About the author

Vera A. Fedotova, Lecturer, Faculty of Computer Science, Economics, and Social Sciences, HSE University – Perm Campus. Address: 38, Studencheskaya St., Perm, 614070. E-mail: vera_goldyreva@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 27.10.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 30.03.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 07.04.2022